ТАЙНЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Я ПОЗНАЮ МИР

Я ПОЗНАЮ МИР

Детская энциклопедия

ТАЙНЫ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА
Астрель

2002

УДК 087.5:82.09
ББК 83.3(0)
Я11

Автор-составитель *С. Н. Зигуненко*
Художник *И. Л. Терехова*
Рисунки на обложке *Ю. А. Станишевского*
Компьютерный дизайн обложки *Ю. А. Хаджи*

Я11 **Я познаю мир:** Тайны литературы: Дет. энцикл./Авт.-сост. С.Н. Зигуненко; Худож. И.Л. Терехова. — М.: ООО «Издательство АСТ» : ООО «Издательство Астрель», 2002. — 399, [1] с.: ил.
ISBN 5-17-013246-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-04161-1 (ООО «Издательство Астрель»)

В истории литературы не меньше тайн и белых пятен, чем, например, в истории географических открытий. Кто творил под именем Шекспира? Совершались ли ради литературной славы преступления? Были ли Гомер и Иэн Флеминг не только писателями, но и разведчиками? Книга знакомит и с секретами мастерства, и с личной жизнью писателей, в ней отражены сенсации и скандальные истории из мира литературы. В книге рассказывается, кто скрывается за известными псевдонимами, а также о людях, послуживших прототипами литературных героев.
Для среднего школьного возраста.

УДК 087.5:82.09
ББК 83.3(0)

Подписано в печать 15.03.2002.
Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 21,00.
Тираж 30000 экз. Заказ № 1226.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953005 — литература учебная.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ISBN 5-17-013246-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-04161-1 (ООО «Издательство Астрель»)

© ООО «Издательство Астрель», 2002

К ЧИТАТЕЛЮ

Перед вами своеобразное продолжение тома «Литература». И если там вы получили первые сведения о тех или иных писателях и их произведениях, то здесь пойдет разговор о тайнах литературы, которые во многом еще не разгаданы, о малоизвестных эпизодах из жизни писателей.

Какими они были — те писатели, чьи имена у всех на слуху? Почему писали именно об этом, а не о чем-то другом? Так, а не иначе? Давайте попробуем заглянуть в их мастерскую... и постараемся понять, как автор бывает связан с текстом, с тем, о чем он пишет.

Рискнем предположить, что столь скучным делом способны заниматься не только профессионалы — критики и литературоведы.

Попробуем отыскать свои варианты ответов на вопросы, которые, я уверен, интересуют многих читателей. Ну вот, например... Правда ли, что сатирик Джонатан Свифт в жизни был мрачным и нелюдимым человеком, а Конан Дойл отравил своего конкурента-соперника? Верно ли, что Гомер был слепым, а Шекспир —

неграмотным? Кто на самом деле написал «Трех мушкетеров»? Почему Пушкин оставил неоконченным «Дубровского»?

В общем, вопросам несть числа. Найти бы ответы хотя бы на некоторые из них...

Поищем?..

Только не надо думать, что мы такие умные и сразу сможем разгадать все загадки, открыть все тайны и выявить абсолютную истину. Предположения, версии, умозаключения тоже имеют право на существование. Да и вообще, как показывает жизнь, вечных истин не бывает. Иначе, наверное, и жить было бы не интересно...

ТАМ, НА НЕВЕДОМЫХ ДОРОЖКАХ...

Сказки любят все — и дети, и взрослые. Только взрослые иной раз осторожно именуют их сказаниями, былинами, мифами, а то и научно-фантастическими романами. Практичные американцы называют сказки для взрослых «фэнтези», что означает «фантазии» или даже «небылицы».

Однако «сказка — ложь, да в ней намек»... На что намекали создатели тех или иных произведений? При каких обстоятельствах брались за перо? Что можно прочесть между строк тех или иных «сказок»?

Давайте попробуем разобраться.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ГОМЕР

В школе нас учат, что **Гомер**, великий поэт Древней Греции, был слепым. В учебниках истории изображен бюст Гомера, созданный в Александрии, в III веке до н. э. Он наглядно показывает, что поэт был незрячим. И даже гениальный поэт России **А. С. Пушкин** как-то обронил дву-

Бюст Гомера. Римская копия с греческого оригинала

стишие, посвященное переводу «Илиады» на русский язык:

Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,

Боком одним с образцом схож и его перевод.

Однако откуда такая уверенность в том, что поэт был слепым? И вообще, кто такой Гомер?

Тот знаменитый бюст, на который ссылаются многие, был создан, как уже говорилось, в III веке до н. э., то есть примерно через 6—7 столетий после смерти Гомера. Так что говорить об идентичности скульптуры и оригинала тут не приходится.

Древнегреческая карта мира

Далее, в энциклопедии сказано, что Гомер был странствующим певцом-сказителем, сочинившим по крайней мере две знаменитые поэмы — «Илиаду» и **«Одиссею»**, а также, возможно, еще «Фиваиду», «Киприи» и другие поэмы так называемого «киклического» цикла, связанные с мифами о Троянской войне. Кроме того, ему приписывают авторство 33 «гомеровских гимнов», воспевающих олимпийских богов, и еще множества других произведений.

И все бы ничего, но вот тут возникает некая загвоздка. Согласно легенде, слепой поэт был еще и неграмотным. Значит, все свои произведения он должен был помнить наизусть. Между тем только дошедшие до нашего времени «Илиада» с «Одиссеей» имеют объем более 50 печатных листов. Можно ли хранить такое количество стихов в памяти?

Кроме того, профессор Александр Портнов, анализируя тексты Гомера, обратил внимание на многообразие цветовых картин, проходящих в текстах поэм бесконечной чередой. Способен ли слепой человек сказать:

Так от широкого веяла, сыплясь по гладкому току,
Черные скачут бобы или зеленые зерна гороха...

Может ли даже гениальный поэт, если он слеп, передать мгновенный взгляд пловца, подброшенного штормовой волной:

Поднятый кверху волной и взглянувши быстро вперед,
Невдали пред собою увидел он землю...

Действительно, это ощущение знакомо всем, кто плавал в штормящем море, оно длится всего лишь долю секунды, и Гомер передает его с предельной точностью.

Гомер также указывает, что олово — белое, медь — багряная, а вот железо в его поэмах — седое! До такой точности описания не додумались даже современные специалисты, уныло сообщающие, что цвет железа... железно-серый. Гомер же нашел точное определение. Но для этого необходимы зоркие глаза, умение видеть! Поэмы Гомера — свидетельство того, что первый поэт мира был наблюдательнее и зорче многих из нас!

«Наверное, если бы Гомер действительно был бы слеп, в его поэмах главенствовали бы звук, осязание и запах, а зрительные ассоциации были бы подавлены, — сообщает профессор Портнов. — Когда я провел подсчет зрительных, звуковых, осязательных и запаховых ассоциаций, то оказалось, что Гомер 85—90 процентов информации о внешнем мире передает на основе зрительного восприятия, около 10 процентов приходится на слух, остальное — на осязание и запах. Такое распределение характерно для вполне здорового человека, которому зрение поставляет до 90 процентов информации об окружающем мире».

Но если это так, то откуда возникла легенда о слепоте Гомера? Да и вообще, почему он большую часть жизни странствовал по горо-

дам и весям, описывая потом увиденное в своих стихах?

Попробуем найти ответы на эти вопросы опять-таки в произведениях самого поэта. Взять хотя бы «Одиссею». Сюжет ее вкратце таков. Одиссей оставляет свой дом, жену и малолетнего сына и отправляется на корабле в дальние страны, из которых возвращается лишь спустя много лет. Что же звало его в дальний путь? Богатства, драгоценные клады? Но никаких богатств домой он так и не привез...

Да, конечно, ни золота, ни драгоценностей Одиссей не приобрел. И все-таки, если вдуматься, он вернулся назад отнюдь не с пустыми руками. Он привез точные знания о других землях, о пути туда, о силах, которые могут противостоять путешественникам.

То есть, говоря другими словами, Одиссей стал обладателем стратегической информации. И, стало быть, его самого и всю его команду можно считать разведчиками, тайно собирающими сведения о других странах и народах.

Такая точка зрения, согласитесь, многое объясняет и

Возвращение Одиссея. Терракотовый рельеф

в судьбе самого Гомера. Он не был воином, не был полководцем. Тем не менее стал свидетелем немалого числа битв, побывал во многих местах. В качестве кого?

Теперь, полагаю, вы и сами в состоянии ответить на этот вопрос. Да, он был советником вождей, добытчиком для них ценнейшей информации. И для этого вполне мог накинуть на себя личину бродячего поэта и певца — барда, как сказали бы в наше время. А для пущей безопасности — мог притвориться и слепым...

Свои же донесения он не записывал, а — как это и положено — запоминал. И чтобы данные лучше держались в памяти, рифмовал их, превращал в стихотворные строки. Да еще так талантливо!

Известный поэт **Осип Мандельштам**, например, как-то обратил внимание, что в песне 2 из «Илиады» на 284 строки (с 494-й по 779-ю) приходится 382 собственных имени — названия племен, имена героев, островов, гор, рек, целая воинская ведомость, список анкетных данных и названий кораблей. Но ему и в голову не пришло, что тут не только высокая поэзия, но и подробнейшее донесение.

По преданию, Гомер был похоронен на острове Хиос. Сохранились монеты с этого острова, относящиеся к IV веку до н. э.; на них Гомер изображен похожим на Зевса, с широко открытыми глазами. В музее города Модены в Италии хранится бронзовый бюст IV века до н. э. с именем Гомера — тоже без всяких следов слепоты. Известны и другие античные изображения зрячего Гомера.

Так что, получается, что если поэт в действительности и ослеп, то случилось это, скорее всего, лишь на склоне лет. Но до этого он многое успел увидеть и запечатлеть.

ПОЭМА
О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

Гомер использовал стихи не только для услаждения слуха и души, но и, так сказать, в утилитарных целях. И, оказывается, он не один. Например, **Тит Лукреций Кар**, римский поэт и философ, живший около 99—55 годов

до н.э., написал поэму **«О природе вещей»**, которая стала классическим произведением научного естествознания. В ней он изложил учение последнего блестящего представителя афинской науки и философии Эпикура (341—270 годы до н.э.), который, в свою очередь, развил учение Демокрита о природе.

Демокрит же был одним из основателей античной атомистики — учения о том, что все в мире состоит из крошечных частиц — атомов. Атомы, согласно Демокриту, — некие вечные, неразрушимые, неделимые материальные элементы, различающиеся формой, величиной и положением в пустоте.

Поразителен размах этой античной теории. Существованием атомов Демокрит, Эпикур, а затем и Лукреций пытаются объяснить все естественные, психические и социальные явления. Так, белье сохнет потому, что под действием солнца и ветра от него отрываются невидимые частицы воды. А рука медной статуи у городских ворот, к которой прикасаются в поцелуе губы входящих в город, заметно тоньше другой руки, так как при поцелуе на губах остаются частицы меди.

Атомы находятся в беспорядочном движении, и Лукреций рисует модель движения атомов, уподобляя его движению пылинок в солнечном луче, ворвавшемся в темную комнату. Это первая в истории науки картина молекулярного движения, написанная древним поэтом и философом.

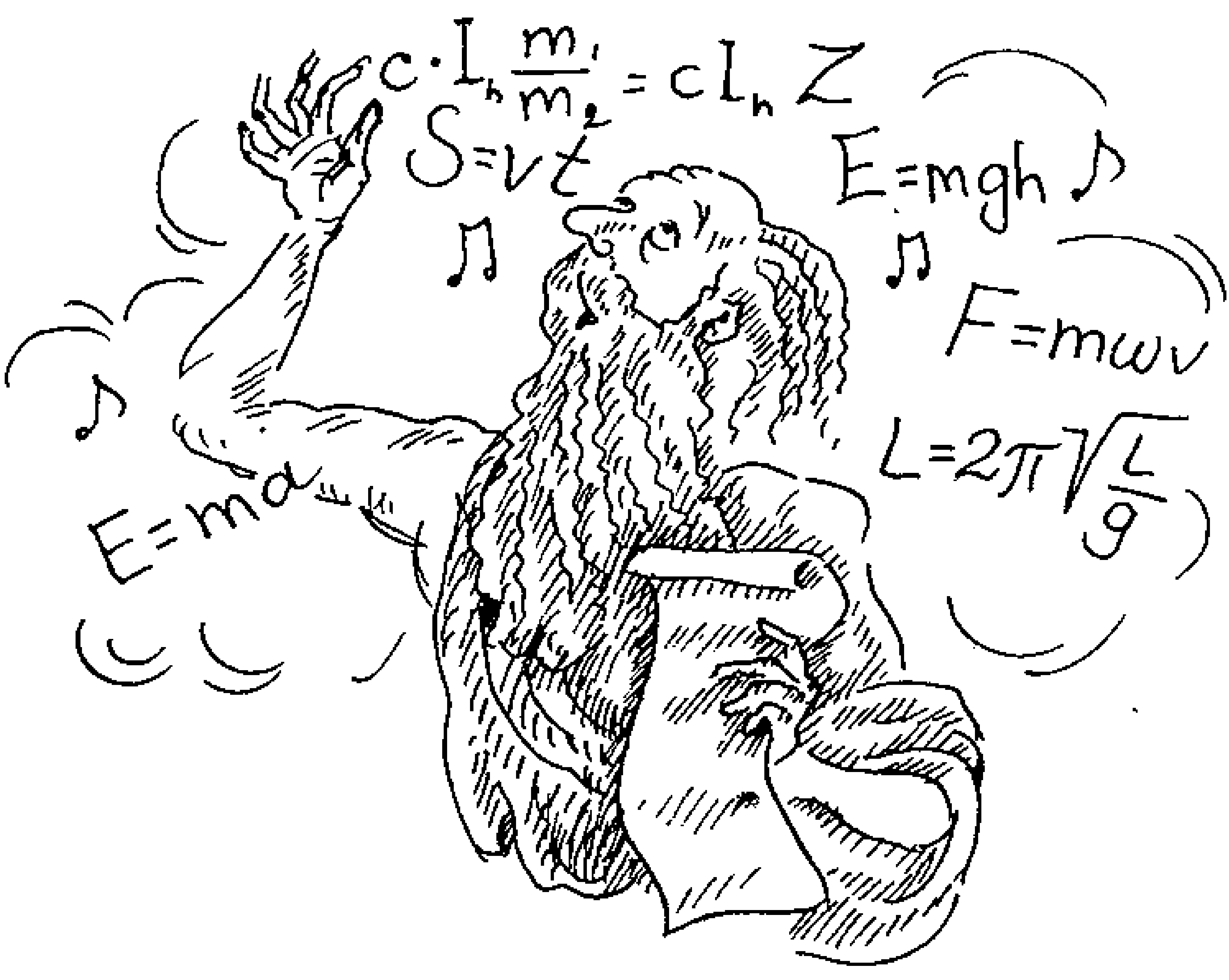
Причем само хаотическое движение атомов Эпикур объясняет не только «необходимостью», но и некой «свободой воли», то есть случайностью.

Лукреций даже основной принцип материалистической философии «из ничего ничего не бывает» выразил в стихотворной форме:

За основанье тут мы берем положенье такое:
Из ничего не творится ничто по божественной воле...

Поэт ухитряется запечатлеть в стихах даже устройство Вселенной:

Мир бесконечен в пространстве:
Нет никакого конца ни с одной стороны у Вселенной...
Где бы ты ни был, везде с того места, что ты занимаешь,
Всё бесконечной она остается во всех направленьях.



Этот бесконечный мир не имеет никакого центра. Учение Аристотеля о естественном центре Вселенной атомисты отвергают.

А современная кинетическая теория материи начинается с картины, нарисованной Лукрецием:

Вот посмотри: всякий раз, когда солнечный свет проникает
В наши жилища и мрак прорезает своими лучами,
Множество маленьких тел в пустоте ты увидишь, которые
Мечутся взад и вперед в лучистом сиянии света;
Будто бы в вечной борьбе они бьются в сраженьях и битвах,
В схватке бросаются вдруг по отрядам, не зная покоя,
Или сходясь, или врозь беспрерывно опять разлетаясь.
Можешь из этого ты уяснить себе, как неустанно
Первоначала вещей в пустоте необъятной мятутся.
Так о великих вещах помогают составить понятье
Малые вещи, пути намечая для их постиженья.

Беспорядочное движение пылинок, описанное Лукрецием, иллюстрирует броуновское движение. Видимое перемещение пылинок вызвано толчками невидимых атомов:

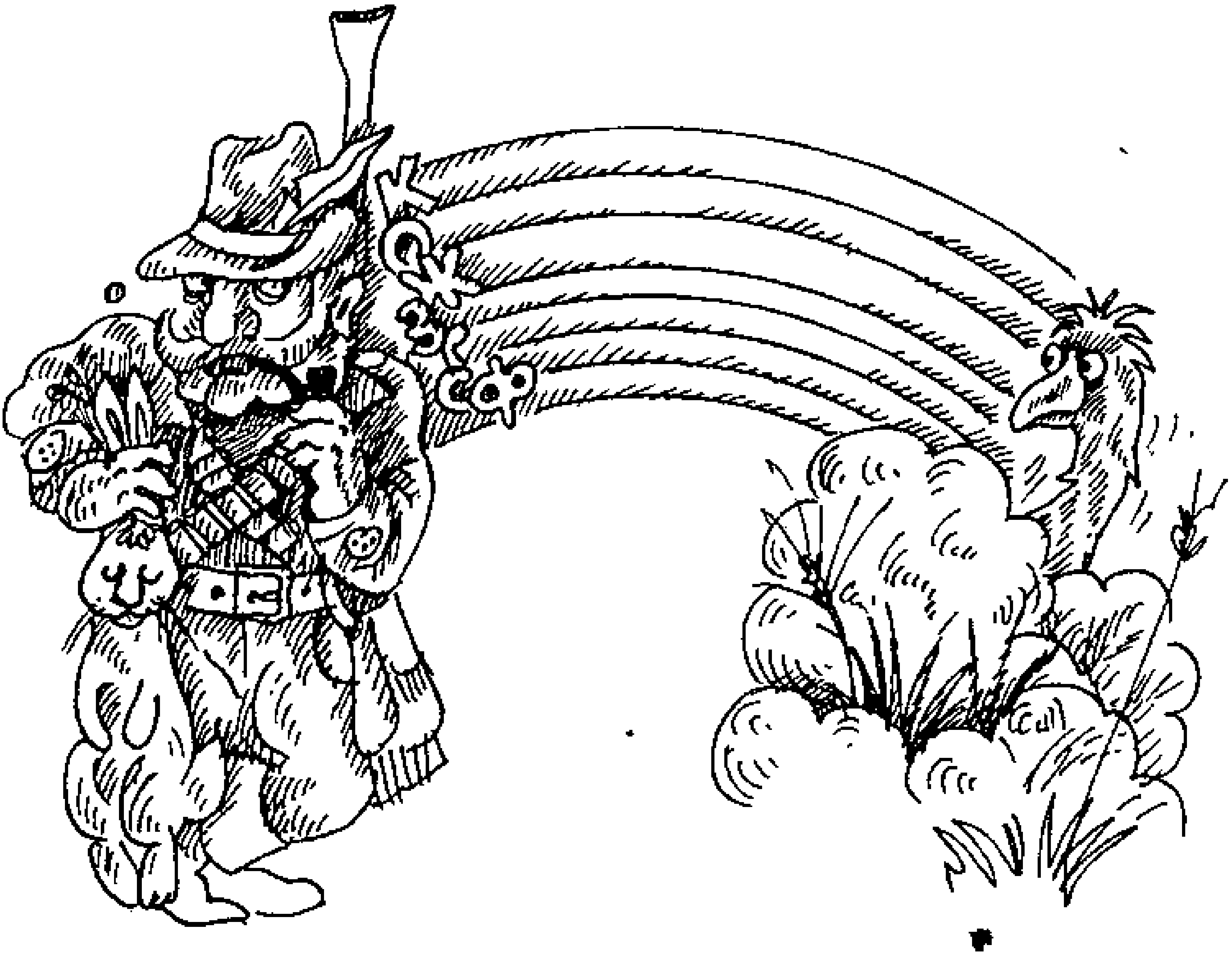
Так, исходя от начал, движение мало-помалу
Наших касается чувств, и становится видимым также
Нам и в пылинках оно, что движутся в солнечном свете,
Хоть не заметны толчки, от которых оно происходит.

Гениальные догадки древних атомистов предопределили будущее атомной теории материи.

В своей поэме Тит Лукреций Кар также рассказывает о сути запахов, рассуждает о природе электричества и объясняет, как он понимает множество других вещей из окружающего нас мира.

И теперь вы знаете, что знаменитые школьные присказки типа «Сапоги мои того — пропускают H_2O» или «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан» имеют очень давнюю историю. И эта замечательная традиция — придумывать считалки, стишки, даже целые поэмы для описания тех или иных явлений сохраняется и поныне.

Время от времени кто-то сочиняет поэму о жизни червей, рифмует латинские названия костей скелета, придумывает замечательную фразу о поцелуе Кэт, в которой зашифрованы спек-



тральные характеристики некоторых классов звезд. Так что возьмите эту практику на вооружение и вы.

СИЛА «СЛОВА»

Пожалуй, нет в русской литературе более загадочного произведения, чем **«Слово о полку Игореве»**. Судите сами: рукописи его нет — говорят, сгорела. Кто написал — неизвестно. И тем не менее произведение живет вот уже какое столетие. И не забывается! Почему?

Ответы на эти вопросы я попытался получить в Ярославле; именно там находится музей «Слова о полку Игореве». Но экспозиция его лишь усилила недоумение. Кроме многочисленных изданий самого «Слова», в музее по существу ничего нет. Не сохранились за давностью лет (как-никак 800 лет уж минуло) ни рукописи того времени, ни одеяния. Даже кольчужки и то временем и ржой изрядно источены.

И все-таки, что нам ныне известно?

«Слово о полку Игореве — памятник древней русской литературы конца XII века, — утверждает энциклопедия. — Поэма написана неизвестным автором по свежим следам событий». Вскоре после похода на половцев новгород-северского князя Игоря Святославовича, состоявшегося в 1185 году.

Поход тот, кстати, закончился бесславно, полки русские были разбиты, а сам князь попал

в плен. Но сумел бежать, вернулся, попытался собрать новые полки, да в 1202 году, 52 лет от роду, скончался при довольно загадочных обстоятельствах.

Историю эту все знают в основном даже не по тексту «Слова», а по опере **А. П. Бородина** «Князь Игорь». Но и она, кстати, не была закончена вследствие безвременной кончины композитора. Так что завершили ее, воспользовавшись оставшимися набросками, друзья композитора — Римский-Корсаков и Глазунов.

Вот в основном и все что известно об этом произведении. И за прошедшие после татаро-

монгольского ига столетия многочисленных битв и сражений, побед и поражений, можно было бы, наверное, уж и забыть об одном неудачном походе. Однако — глядите-ка — «Слово» не забылось. Более того, время от времени оно обновляется. Его пересказывали такие известные поэты, как **В. А. Жуковский**, **К. Д. Бальмонт**, **Н. А. Заболоцкий** и другие.

А все, видимо, потому, что безвестный автор «Слова», который был явно участником этого похода, нашел такие слова для его описания, что они не забылись даже спустя столетия. На роль создателя, кстати, претендовали многие личности — от безвестного летописца до самого князя Игоря — но кто бы автор ни был, одно можно сказать определенно: человек он был грамотный и талантливый.

И еще: он не очень-то хотел идти в этот поход. «О, русская земля, ты уже за холмом!» — восклицает он в первый раз, только лишь дружина князя переступила границы его земель. И слова эти рефреном повторяются еще не раз — автор как бы подчеркивает, что нечего русским искать на чужих землях, ничем хорошим завоевательный поход не закончится.

Так оно и вышло.

Александр Невский. Худож. П. Корин

И с той поры русские войска вступали в бой в основном лишь на своей территории. Поднимали оружие против зарвавшегося противника и тогда уж гнали его до самого его логова, будь оно в Париже 1814 года или в Берлине 1945-го... И многие познали на своем горьком опыте справедливость слов другого русского князя, Александра Невского: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет...»

СТРАННЫЙ СВИФТ

Удивительное дело: **«Путешествия Гулливера»** одни считают веселой, забавной сказкой для детей. Другие же — мрачной и злой сатирой, предназначенной исключительно для взрослых.

Кто прав? И те и другие... Во-первых, мало кто из нас читал полный текст сочинения **Джонатана Свифта** — все, как правило, знакомятся с творчеством этого англо-ирландского писателя в нежном возрасте, прочитав лишь «Путешествие Гулливера» в переложении для детей. А ведь путешествия в страну лилипутов и в страну великанов — лишь некоторые из странствий «Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей», как написано в заглавии этой книги. За бортом еще остаются «путешествия в некоторые отдаленные страны света», включая летающий остров Лапуту, страну лошадей и т. д.

И читая полный текст, вскоре начинаешь понимать, что каждая страница проникнута едкой сатирой не только на современное писателю общество, которое, похоже, он не очень жаловал, но и вообще на пороки человечества.

Джонатан Свифт (1667—1745)

И действительно, по свидетельству одного из современников писателя, графа Оррери, «у доктора Свифта лицо было от природы суровое; даже улыбка не могла смягчить его, и никакие удовольствия не делали его мирным и безмятежным; но когда к этой суровости добавлялся гнев, просто невозможно вообразить выражение или черты лица, которые наводили бы больший ужас и благоговение».

И вот этот язвительнейший из людей, был по профессии... священником. Занимая пост скромного деревенского викария, тем не менее был грозой сановных вельмож и даже влиял на политику Великобритании; англичанин по происхождению, он боролся за свободу ирландцев...

Двойственность не покинула его даже на смертном одре. На исходе дней в частной записке Свифт предрекал, что умирать ему угото-

вано «в злобе, как отравленной крысе в своей норе». И тут же он сочинил себе эпитафию, в которой торжественно сообщалось: «Здесь покоится тело Джонатана Свифта, декана этого кафедрального собора, и суровое негодование больше не раздирает его сердце. Ступай, путник, и подражай, если можешь, ревностному защитнику мужественной свободы».

Кстати, именно эти слова выгравированы на его надгробии в Дублинском соборе.

Отец его, англичанин Джонатан Свифт-старший, мелкий судейский чиновник, приехавший на заработки в столицу Ирландии — Дублин, — здесь же и скоропостижно скончался. Случилось это за несколько месяцев до рождения сына, поэтому мальчика в память об отце тоже нарекли Джонатаном.

Мать тоже вскоре покинула сына — уехала в Англию устраивать свою судьбу, оставив ребенка на попечение дяди. Жизнь в чужом доме не казалась Джонатану раем. Случалось, его попрекали даже куском хлеба.

От этого характер мальчика стал заметно портиться. Тем более что Дублинский университет, куда он поступил после окончания школы в 14 лет, тоже принес мало радости. Независимый и язвительный Джонатан особым прилежанием в учебе не отличался. Особенно раздражали его пустопорожние рассуждения средневековых богословов-схоластов. Но выбирать профессию особо не приходилось — за обучение платил дядя.

После окончания университета в 1688 году, получив диплом бакалавра, Свифт с чувством облегчения уехал в Англию.

Мать вспомнила о своем сыне и попыталась пристроить его. По протекции он получил место литературного секретаря у влиятельного вельможи сэра Уильяма Темпла.

Когда-то Темпл был видным дипломатом, но на склоне лет, разочаровавшись в государственной деятельности, удалился в свое поместье Мур Парк, чтобы разводить цветы, читать древних авторов и сочинять на свободе философские труды эпикурейского содержания. Скрашивали его отшельничество лишь друзья, наезжавшие из Лондона.

Казалось бы, богатая библиотека, общение с незаурядными людьми, интересные беседы могли увлечь Свифта, еще в университете проявлявшего особый интерес к поэзии, истории, литературе. Однако гордый юноша стал тяготиться ролью слуги-секретаря и вскоре вернулся в Ирландию искать лучшей доли.

Но здесь его никто не ждал с распростертыми объятиями. Так что, помыкавшись пару лет, Свифт попросился опять-таки на старое место. Хозяин Мур Парка его простил и даже позволил в свободное время заняться собственным литературным творчеством.

Именно в имении Темпла Свифт создал свои первые произведения — «Оду Вильяму Сэнкрофту» и «Оду Конгриву». Несмотря на высокопарные названия, это были скорее сти-

хотворные фельетоны, содержащие гневные выпады против общественных пороков.

Большой популярности, а тем более денег эти сочинения автору не принесли. Поэтому в 1692 году Джонатан Свифт защитил магистерскую диссертацию, давшую ему право на церковную должность. Впрочем, деятельность священника его тоже не прельщала, и он оставался секретарем у Темпла до самой смерти хозяина в 1699 году. Затем нужда заставила Свифта принять место помощника викария (священника) в маленькой ирландской деревушке Ларакор.

В те времена, как и сейчас, бедная Ирландия была зависима от Англии, превратившейся благодаря бурному развитию промышленности и торговли, а также успешным колонизаторским завоеваниям в самую могущественную европейскую державу и «владычицу морей».

Однако саму империю раздирали внутренние противоречия. Окраины Великобритании — причем не только заморские колонии, но и Ирландия с Шотландией — мечтали о самостоятельности.

В самой Англии вели борьбу за власть две партии — тори и виги. Тори стояли за усиление власти короля и сохранение дворянских привилегий, виги — за ограничение королевской власти во имя беспрепятственного развития промышленности и торговли.

Знакомства с друзьями Темпла привели Свифта в лагерь вигов. Он выпустил аноним-

но несколько ядовитых политических памфлетов, направленных против лидеров тори. Сочинения пользовались большим успехом, ходили по рукам и оказали неоценимую услугу вигам.

Свифт часто наезжал из своей ирландской деревушки в Лондон. Посетители Бэттоновской Кофейни, где собирались литературные знаменитости, не раз наблюдали, как мрачный человек в черной сутане устраивался за одним из столиков, некоторое время вслушивался в споры окружающих, а потом и сам разражался остротами и каламбурами, которые потом гуляли по всему Лондону.

В 1704 году Свифт, опять-таки анонимно, опубликовал книгу под названием «Сказка бочки, **написанная для общего совершенствования человеческого рода**». Тут надо заметить, что английское выражение «сказка бочки» означает примерно то же, что и русское «молоть вздор». И Свифт отвел душу, откровенно высказавшись по поводу бестолковых околонаучных споров, бездарных литераторов, продажных критиков и т. д. Он полагал, что светлые умы легче отыскать среди обитателей Бедлама — дома для умалишенных в Лондоне, чем в высшем обществе.

Особенно досталось от доктора богословия — к тому времени Свифт защитил еще одну диссертацию — деятелям церкви. В особенности тем из них, которые годами ведут пустопорожние дискуссии.

Народ хихикал и расхватывал «Сказку бочки», как горячие пирожки. За год книга переиздавалась трижды. Читателей, понятно, интересовало: кто же автор? И Свифт не устоял перед искушением славы — объявился перед публикой и был принят в круг известных литераторов, художников и государственных деятелей своего времени. Одновременно он по существу поставил крест на своей церковной карьере — выпадов в свой адрес духовенство ему долго не могло простить.

Так он и стал жить двойной жизнью — скромного сельского священника и знаменитого своими памфлетами писателя. Джонатан Свифт не постеснялся довольно жестоко подшутить над астрологом Джоном Партриджем, ежегодно выпускавшим календари с предсказаниями.

В 1707 году в свет вышла брошюра с прогнозами на 1708 год, написанная неким Исааком Бикерстафом. Копируя стиль своего коллеги, он среди прочего предсказывал число и время, когда Партридж умрет от горячки. Мало того, на следующий день после указанной роковой даты вышла листовка «Отчет о смерти мистера Партриджа, автора календарей...», которая тут же разошлась по Лондону. И семью бедного астролога замучили визитами гробовщики и пономари, предлагавшие услуги по похоронам усопшего, а книгопродавцы вычеркнули его имя из своих списков.

Так что Партриджу потребовалось немало усилий, чтобы восстановить свое реноме.

С 1702 года Англия вела затяжную войну с Францией. Английский главнокомандующий герцог Мальборо как мог оттягивал ее окончание, поскольку на военных поставках наживался не только он сам, но и многие предприниматели и банкиры — сторонники партии вигов. Увидев все это, разочарованный Свифт тут же переметнулся в лагерь тори, которые вели борьбу за прекращение войны.

Десятки отточенных памфлетных стрел Свифта полетели в герцога Мальборо и его свиту. Острое перо сатирика помогло тому, что к власти пришли тори, и в 1713 году с Францией был заключен мирный договор. А самому Джонатану Свифту, как бы в награду за это, в 1715 году предложили место декана Дублинского собора. Однако по сути то была почетная ссылка — новая власть удаляла его из Лондона, опасаясь, что вскоре Свифт обрушит свою критику и на действия тори.

Действительно, в 1724 году были опубликованы **«Письма Суконщика»** — семь памфлетов, написанных якобы дублинским торговцем. Причиной послужила выдача англичанину Буду королевского патента на чеканку разменной монеты для Ирландии. И тот наводнил страну неполновесной монетой. На этом «законном грабеже» разбогатели и он, и английское правительство. Свифт устами Суконщика обрушился на Монетный двор, прошел-

ся по правительству и, увлекшись, закончил прямыми призывами к ирландцам восстать против английского владычества.

Автора «Писем Суконщика» тут же вычислили, и премьер-министр Англии распорядился заключить писателя под стражу. Однако английский наместник в Ирландии ответил: «Чтобы арестовать Свифта, нужен экспедиционный корпус в десять тысяч солдат».

«Суровый декан Дублинского собора сделался кумиром ирландцев, — пишет по этому поводу исследовательница творчества Свифта Любовь Калюжная. — Специальный отряд круглосуточно охранял дом Свифта, на улицах Дублина выставлялись его портреты, в честь писателя был основан «Клуб Суконщика», а в народе ходила легенда, будто Свифт — потомок древних и справедливых ирландских королей...»

В итоге английское правительство было вынуждено замять «дело Свифта». Скандал «спустили на тормозах».

В эти же годы Джонатан Свифт написал свою главную книгу «Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей». В 1726 году издатель получил от «неизвестного лица» рукопись «Путешествий Гулливера» и опубликовал без имени автора, хотя никто не сомневался в авторстве Свифта.

За год книга выдержала пять изданий. В необычных приключениях Гулливера среди ли-

липутов и великанов, лапутян и гуигнгнмов (разумных лошадей) читатели находили и веселую фантастическую сказку, и философскую притчу, и беспощадную сатиру на английские порядки...

Так, лилипуты считали своего крохотного короля самым могущественным монархом в мире. Враждующие партии лилипутов — высококаблучники и низкокаблучники — напоминали английских тори и вигов, а секты остроконечников и тупоконечников, ведущих пустопорожние споры о том, с какого конца следует разбивать яйцо, воспринимались как сатириче-

ское изображение религиозного раскола между католиками и протестантами...

Всевозможные иносказания привели к тому, что со временем «Путешествия» обросли комментариями, превышающими объем самого произведения. К примеру, нам могут показаться странными выпады Свифта против создателя теории всемирного тяготения Ньютона. Однако все становится понятным, когда узнаешь, что именно Ньютон, будучи директором Монетного двора, разрешил чеканку неполновесной монеты для Ирландии.

Многие фрагменты этой книги и сегодня читаются как фельетоны на злобу дня:

«Словом, нельзя перечесть всех их проектов осчастливить человечество. Жаль только, что ни один из них еще не доведен до конца,

а пока что страна в ожидании будущих благ приведена в запустение, дома развалнваются и население голодает и ходит в лохмотьях», — так Свифт писал о спекулятивной горячке в Англии 1720-х годов, когда созданные авантюристами многочисленные акционерные компании и коммерческие общества завлекали легковерную публику самыми фантастическими прожектами быстрого обогащения.

Разве это и не про нас?

Еще один раздел книги связан с загадочными предсказаниями, довольно часто встречающимися в тексте. Так, Джонатан Свифт пишет, что лапутяне — жители летающего острова Лапуты — «открыли две маленькие звезды или два маленьких спутника, обращающихся около Марса. Ближайший из них удален от центра этой планеты на расстояние, равное трем ее диаметрам, второй находится от нее на расстоянии пяти таких же диаметров; первый из них делает полный оборот в пространстве за 10 часов, тогда как второй — за 21,5 часа».

Современники Свифта отнеслись к этому пассажу как к очередной выдумке писателя.

Но через 150 лет вдруг оказалось, что у Марса действительно есть спутники и находятся они примерно на тех же местах, на какие указал Свифт. Откуда он узнал об их существовании?..

Далее он пишет, что во время своего путешествия по Лапуте Гулливер встречается с челове-

ком, который восемь лет «разрабатывал проект извлечения солнечной энергии из огурцов: добытые таким образом лучи он собирался заключить в герметически закупоренные склянки, чтобы пользоваться ими для согревания воздуха в случае холодного и дождливого лета».

Современники Свифта лишь посмеялись над таким «прожектом».

А спустя некоторое время, уже в конце XIX века, вдруг выяснилось, что такой человек действительно существовал на свете. Во всяком случае, свою лекцию в Лондонском королевском обществе великий русский ученый К.А. Тимирязев начал так:

«Для первого знакомства я должен откровенно признаться, что перед вами именно такой чудак. Более тридцати пяти лет провел я, уставившись если не на зеленый огурец, закупоренный в стеклянную посудину, то на нечто вполне равнозначное — на зеленый лист в стеклянной трубе, ломая себе голову над разрешением вопроса о запасании впрок солнечных лучей...»

Тимирязев, как известно, прославился тем, что приоткрыл завесу над тайной накопления солнечной энергии в живом зеленом листе — тайной фотосинтеза, и тем самым совершил научный подвиг. Он доказал, что под действием света негорючие вещества превращаются в растениях в топливо, несъедобные элементы почвы и воздуха становятся продуктами питания — белками, углеводами.

Еще Свифт пишет, что в Лапуте существует такой способ запоминания важных вещей. Ученик выписывает теорему вместе с ее доказательством на бумажке, а потом проглатывает написанное с утра натощак. И через три дня теорема со всеми ее доказательствами и следствиями оказывается у него в голове.

Конечно, можно вслед за Свифтом посмеяться над таким способом запоминания. Однако уже в самом конце XX века вдруг выяснилось, что память наша имеет химическую основу. И ныне ученые грозятся в скором времени выпустить в продажу «таблетки памяти», которые позволят нам враз прочитывать и запоминать целые тома...

После этого как-то даже не очень удивляешься, читая о том, что ученые ныне пытаются исследовать природу гравитации, чтобы создать летающие города и острова, подобные Лапуте.

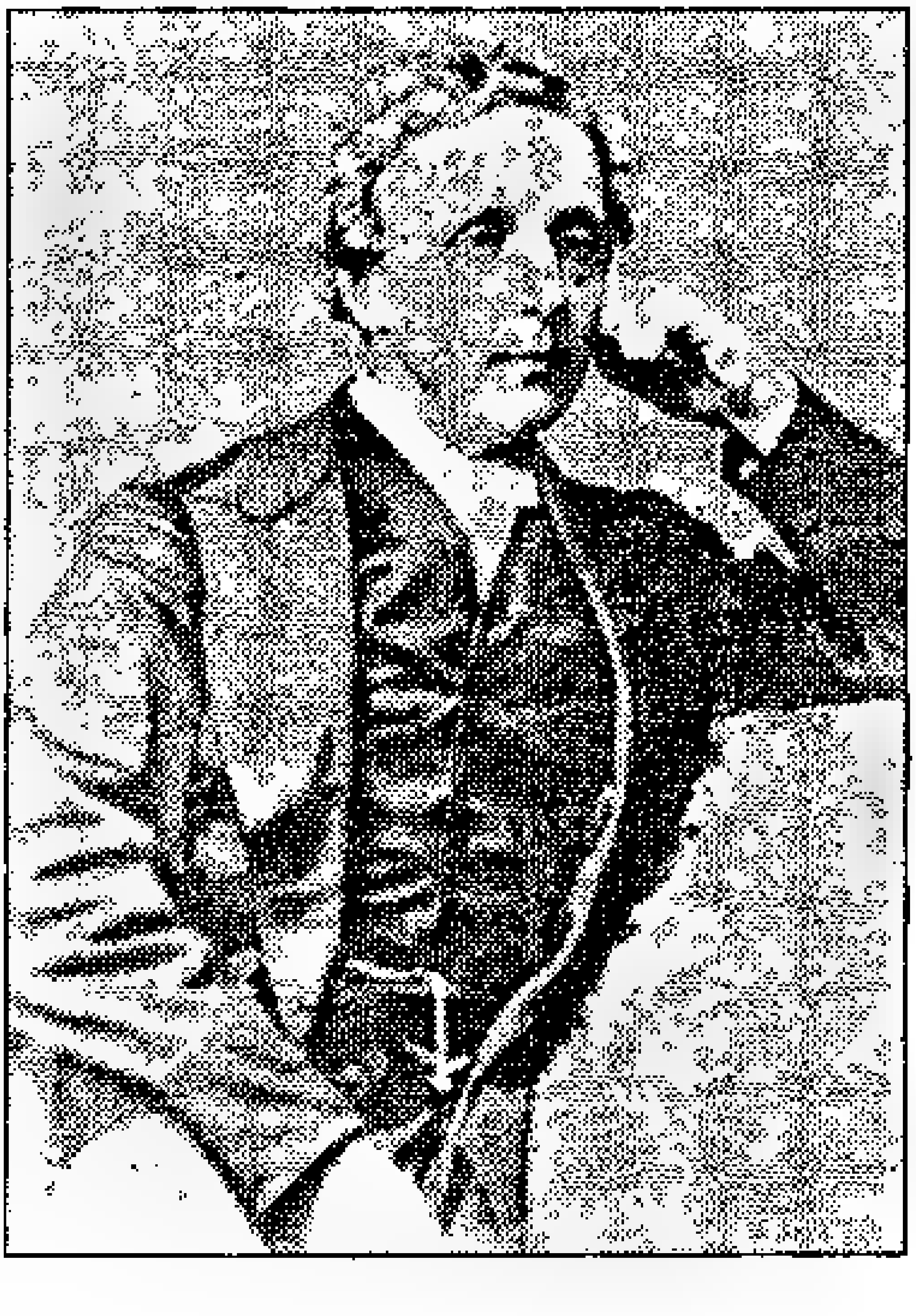
Ну и под конец не удержимся и упомянем о мнении современных биологов, что лошади, как и прочие животные, действительно обладают разумом. Так что и тут Свифт намного опередил ученых своего времени.

Но сам он закончил свою жизнь довольно печально. На склоне лет Свифт начал страдать мучительными головными болями и головокружениями, потерял слух, сделался еще более угрюмым, никого к себе не допускал, проводя дни в полном одиночестве. Память его настолько ослабела, что он не мог даже читать.

Однажды во время прогулки, глядя на верхушку засыхающего вяза, Свифт сказал своему спутнику: «Так вот и я умираю — с головы...»

КОРОЛЬ МАТЕМАТИКИ И СКАЗКИ

Когда английская королева прочла сказку **Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране Чудес»**, она тут же повелела принести ей все остальные сочинения этого автора. Каково же было ее удивление и разочарование, когда перед ней оказалось ...надцать толстенных томов, сплошь испещренных математическими символами, а также выдержками из Библии. Ведь по своей основной профессии Чарлз Доджсон — таково настоящее имя писателя — был даже не преподавателем в Оксфорде, как его часто представляют, а священником, иногда читавшим лекции по математике.



Льюис Кэрролл (1832—1898)

Как же так получилось, что достопочтенный «дон» — так называли лекторов в университете — вдруг оказался еще и сказочником? Эту тайну

однажды попытался расследовать известный создатель детективов **Г. К. Честертон.** И вот что у него получилось.

Гилберт Честертон (1874—1936)

«...Представьте себе праздничную группу в солнечный час каникул, словно бы застывшую на дагерротипе или старой фотографии времен конца XIX века. В центре ее — скромный священник, сидящий в окружении столь же чинных — по меньшей мере, таково первое впечатление — девочек. Но что это? Достопочтенный священник вовсе не цитирует Священное Писание, и даже не чертит на песке математические формулы и графики, как то подобает математику-лектору. Нет, он вдруг начинает небрежно изображать на земле диковинные рисунки, рассказывая при этом сказку, где все перевернуто вверх ногами; сказку, более удивительную, чем самые необузданные вымыслы Мюнхгаузена...»

Таково первое, но не единственное чудо. Вслед за ним произошел еще ряд последующих. Рассказав странную сказку один раз, священник на том не успокоился. Он взял перо и перенес все рассказанное на бумагу. А потом отнес все написанное в типографию. А там все это на-

печатали. А напечатанная книжка со странной сказкой разошлась по свету и с 1865 года, вот уже почти полтора столетия, забавляет читающую публику самого различного возраста во всех концах света.

И, наконец, последнее чудо: сами чопорные англичане вдруг признали эту странную сказку классикой английской литературы. И вот уже второе столетие не устают ею восхищаться. Как же так это получилось?

«Вина в том не Льюиса Кэрролла, а скорее Чарлза Доджсона, — предположил детектив Честертон. — Или, по крайней мере, вина того мира, в котором он жил и который собою являл, а до некоторой степени и поощрял и пропагандировал. Его нонсенс — часть особого дара англичан, их примечательного английского юмора. Никто, кроме них, не смог бы создать

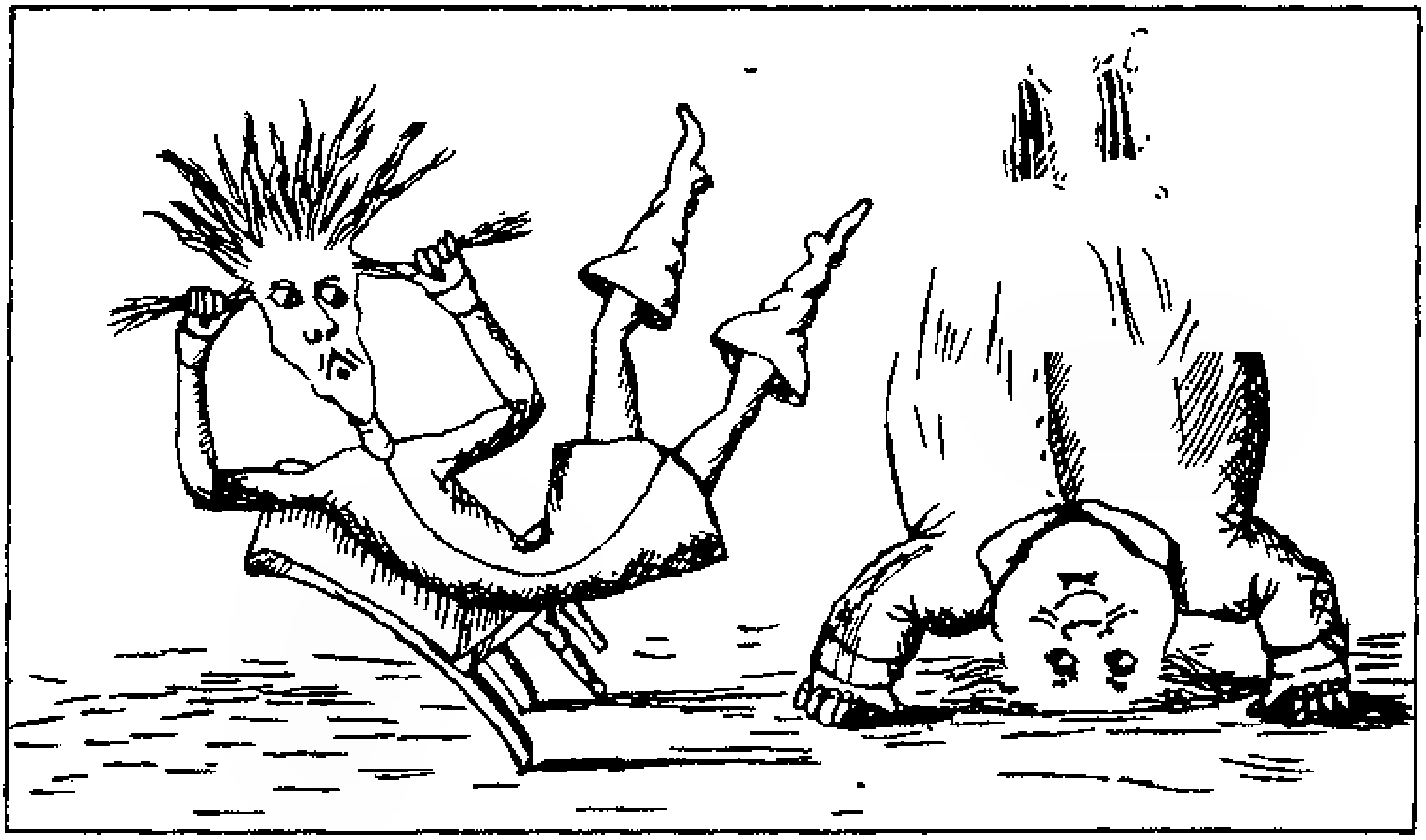


Рисунок Л. Кэрролла
к III главе «Приключений Алисы под землей»

такой бессмыслицы; однако никто, кроме них, создав такую бессмыслицу, не попытался бы отнестись к ней серьезно...»

Алиса Лиддел, ставшая прототипом Алисы в сказках Л. Кэрролла

И произнеся столь глубокомысленную фразу, детектив спохватился: мало того, что он сам происходит из той же породы англичан, он еще волей-неволей и выражается в точности, как они. И вздохнув, подумал: «Бедная, бедная Алиса! Мало того, что ее поймали и заставили учить уроки; ее еще заставляют поучать других. Алиса теперь не только школьница, но и классная наставница...»

Каникулы кончились, и Доджсон снова вернулся к преподаванию. Разложил кучу экзаменационных билетов, а в них вопросы — один каверзнее другого:

1) Что такое «хрюкотать», «зелюки» и «блаженный суп»?

2) Назовите все ходы шахматной партии в «Зазеркалье» и отметьте их на диаграмме.

3) Охарактеризуйте практические меры по борьбе с меловыми щеками, предложенные Белым Рыцарем.

4) Проанализируйте различия между Труляля и Траляля...»

Кошмар, да и только! И как это два (или даже три) столь разных существа уживались в одном человеке?

Еще подумав, детектив выдвинул такую версию. Он предположил, что в данном случае мы имеем дело с таким же раздвоением (или даже растроением) личности, как в случае Джекила и Хайда, описанного пером еще одного англичанина — Роберта Стивенсона (см. главу о нем. — *Ред.*).

Кролик на бегу говорил: «Ах, боже мой, боже мой! Я опаздываю». Рис. Дж. Тенниела

Только так можно объяснить, почему Льюис Кэрролл столь разительно отличался от Чарлза Доджсона.

Чопорный англичанин-викторианец по имени Чарлз Доджсон шагал по свету в ярком солнечном сиянии — как символ солидности и прочности, со своим цилиндром и бакенбардами, со своим деловым портфелем и практичным зонтиком. Однако по но-

чам с ним что-то происходило, нездешний кошмарный ветер врывался в его душу и подсознание, вытаскивал его из постели и швырял в окно, в мир лунного блеска. И он летел, превратившись в Льюиса Кэрролла; его цилиндр плыл высоко над трубами домов; зонт раздувался, словно воздушный шар, или взмывал в небо, словно помело, а бакенбарды взметались, как крылья птицы.

Придя к такому выводу, философ Г. К. Честертон, занимавшийся литературным трудом только во время каникул и в воскресные дни, когда описывал приключения отца Брауна и прочих чудаковатых героев, облегченно вздохнул. И на том закончил свое предисловие, предоставив каждому самому читать сказку и самостоятельно разбираться, что к чему и почему.

Возможно, это и к лучшему. Ведь у каждого из нас свой вкус и глазомер, воображение и соображение. И все это весьма пригодится каждому отважному читателю, который рискнет пуститься в путешествие вслед за Алисой, то ныряя в колодец, то изменяя свой рост, то знакомясь со множеством странных типов, из которых один Чеширский Кот чего стоит. Возьмет вдруг и растает, оставив в воздухе лишь свою улыбку...

К чему бы это?..

А вы почитайте, побывайте вслед за Алисой и в Стране Чудес, и в Зазеркалье. Может, кое-что и поймете.

Во всяком случае, имейте в виду: существуют целые диссертации и монографии, посвященные тем или иным аспектам сказок Льюиса Кэрролла. Одни находят в них сатирические намеки на окружавшее ученого-сказочиика общество. Другие говорят о фольклорных традициях, на которых основаны эти книги. Ну а третьи тщательным образом исследуют иаучные проблемы, затронутые Кэрроллом, в надежде сделать научное открытие.

И кое-что им действительно удалось открыть.

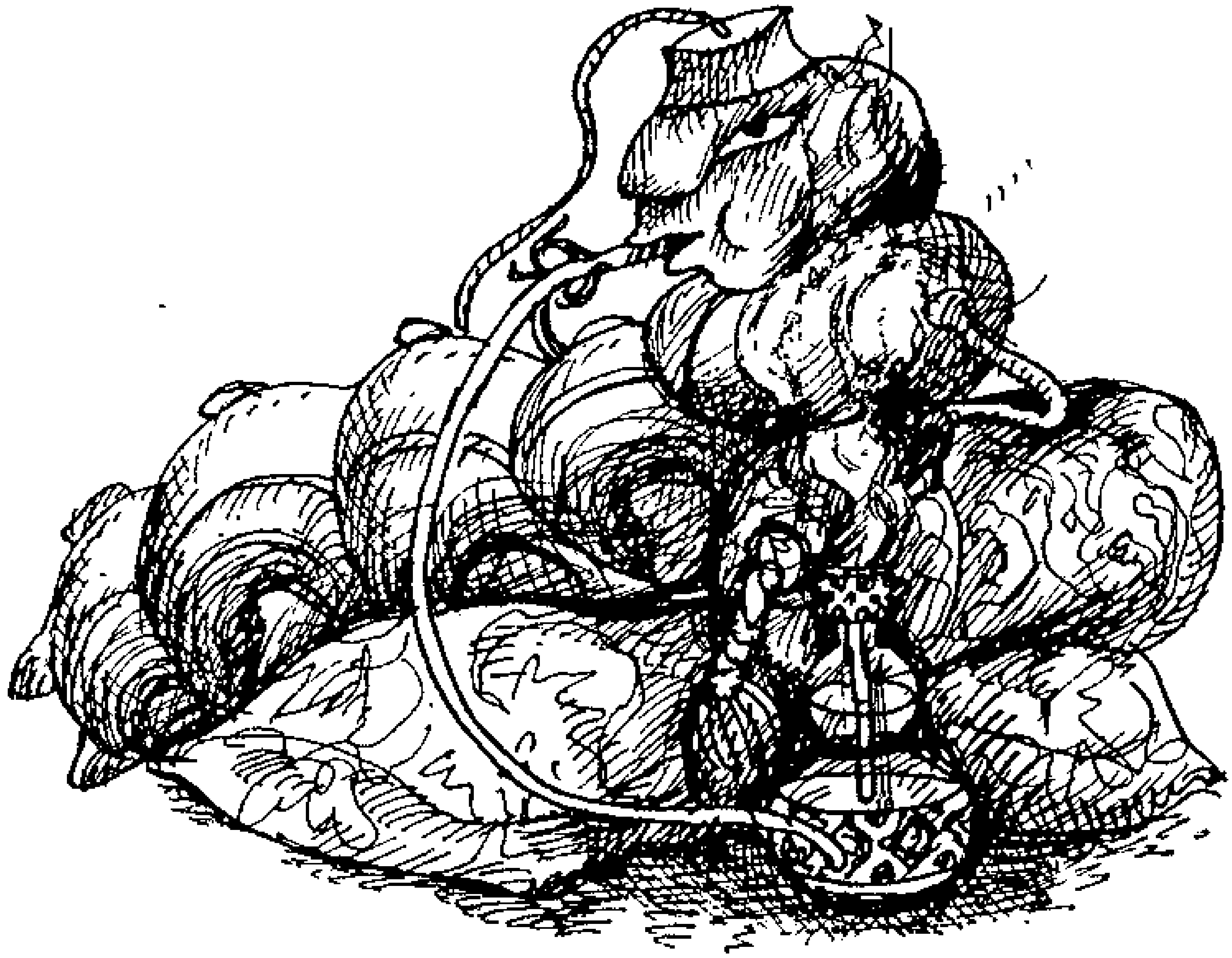
Например, во времена Кэрролла было много споров по поводу того, что случится, если упасть в колодец, проходящий через центр Земли, как это случилось с Алисой. В конце концов был получеи правильный ответ. Он гласит: тело будет падать с возрастающей скоро-

стью, но с убывающим ускорением, пока не достигнет центра Земли, где ускорение равно нулю. После этого скорость начнет уменьшаться, а замедление — увеличиваться до тех пор, пока тело не достигнет противоположного конца тоннеля. И если в этот момент его не удержать, то оно снова начнет падать к центру Земли...

Некоторые нынешние инженеры говорят, что на этом принципе можно будет построить даже бесплатный межконтинентальный транспорт. Одна лишь загвоздка: как просверлить тоннель сквозь Землю?

Еще одна научная проблема, затронутая Кэрроллом, касается Зазеркалья. Оказывается, он совершенно прав, когда пишет, что зазеркальное молоко может оказаться отнюдь не полезным для здоровья. «Вывернутыми» на другую сторону веществами — изомерами — занимается ныне специальная область науки — стереохимия. А физики даже открыли антивещество, строение которого «зеркально» по отношению к обычному. И если такое антиве-

Алиса
Рис. Дж. Тенниела

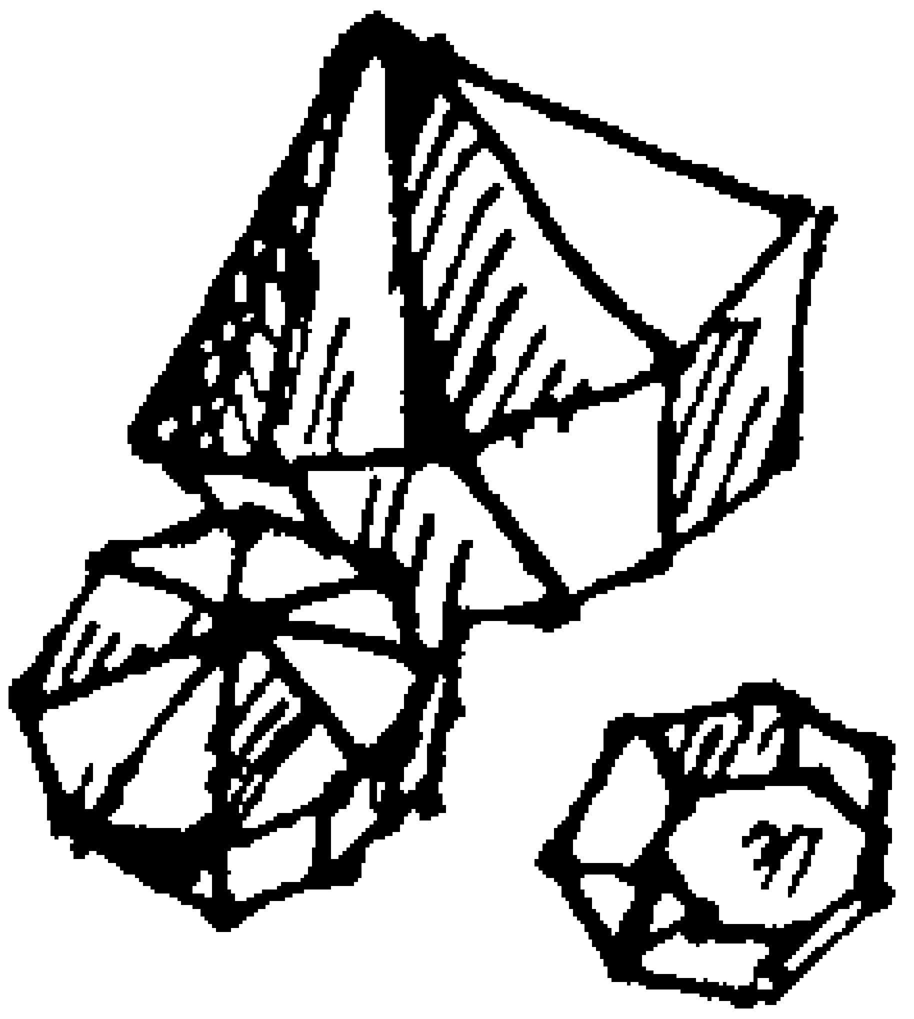


щество соединить с обычным, то произойдет реакция аннигиляции — грохнет такой взрыв, какого свет еще не видывал...

В общем, читая сказки Льюиса Кэрролла, не поленитесь заодно познакомиться и с примечаниями к ним, набранными мелким шрифтом. Узнаете немало любопытного...

КОГДА ВОЛШЕБНИКОМ РАБОТАЕТ УЧЕНЫЙ...

Сказочник — **Александр Мелентьевич Волков** — был доцентом кафедры высшей математики. Впрочем, в литературе это не первый случай, когда человек ученый вдруг начи-



нает рассказывать сказки. Таким был аигличанин Льюис Кэрролл, автор «Алисы в Стране Чудес», с которым вы только что познакомились. Добавим, что и американский физик **Роберт Вильям Вуд** тоже в свободное время сочинял детские книжки, которые и поныне пользуются популярностью в США.

Уникальность сказки Волкова в том, что... не ои ее придумал. **«Волшебник Изумрудного города»** — вольный пересказ книги американского писателя **Лимана Фрэнка Баума «Мудрец из страны Оз»**. Но Волков все переиначил по-своему, подобно тому, как это сделал А. Н. Толстой в «Золотом ключике», и опять-таки получилась новая сказка. Более интересная, смею вас заверить, чем первоисточиик.

Еще одна особенность сказки Волкова в том, что он, в то время начинающий писатель, по возрасту был уже далеко ие молод. Почему же это доцента кафедры высшей математики из Московского института цветиых металлов и золота вдруг потянуло в сказочники? А все оказалось до смешного просто.

Александр Мелентьевич, знавший латинский, французский, английский и немецкий языки, решил обиовить свои познания. А руководитель профессорско-преподавательского кружка по изучеиию иностранных языков дал ему для практики сказку Баума. Это было доб-

ротное издание начала XX века, с хорошими красочными иллюстрациями. Книга так понравилась Волкову, что он стал ее не только переводить, но и пересказывать — как своим студентам, так и детям. Те с интересом слушали, и доцент так увлекся своим занятием, что незаметно для самого себя сочинил по существу новую сказку.

А сочинив, не нашел ничего лучшего, как обратиться за помощью к С. Я. Маршаку, который, как вам доведется еще узнать в этой книге, был не только поэтом, но еще и редактором в отделе детских книжек Госиздата.

«Откровенно скажу Вам — работая над сказкой, я чувствовал себя неловко, хотя и прекрасно сознавал всю огромную важность детской литературы, — писал Волков в своем письме к Маршаку. — Но Ваша статья о Льюисе Кэрролле, авторе «Алисы в Стране Чудес», вселила в меня уверенность. Я знаю эту сказку, но не предполагал, что автор — мой коллега по научной работе...»

Вот, оказывается, какие чудеса бывают на свете.

Маршак, получив письмо, тут же на него ответил, попросил прислать рукопись ему в Ленинград. И прочтя ее, несмотря на болезнь, счел своим долгом подбодрить начинающего литератора.

«В повести много хорошего, — пишет он. — Вы знаете читателя, пишете просто. У Вас есть юмор. Когда мы с Вами увидимся — либо в Москве, либо в Ленинграде, если Вы сможете сюда приехать, — я выскажу Вам некоторые свои замечания в отношении языка, стиля и т. д. Пока же я хочу только сказать Вам, что — по моему впечатлению — Вы можете быть полезным детской нашей литературе...»

Писалось все это в далеком уже ныне 1937 году. А еще два года спустя книжка А. Волкова вышла из печати. Потом ее еще множество раз переиздавали, появилось несколько продолжений этой сказки.

А вот попытки А. М. Волкова написать что-либо оригинальное оказались не столь удачными. И хотя его книга «Первый воздухоплаватель», переименованная затем в «Чудесный шар», все-таки вышла из печати, она давно уже стала библиографической редкостью. И о ней помнят разве что завзятые библиофилы.

Сказка же о волшебнике Изумрудного

города все живет, ныне ее с удовольствием читают уже внуки и правнуки первых читателей. И благодарят математика, волею случая ставшего сказочником.

КЛЮЧИК К «ПРИКЛЮЧЕНИЯМ БУРАТИНО»

Бывает так, что и маститые писатели, авторы толстенных романов для взрослых, вдруг словно бы вспоминают собственное детство и пишут отличные книжки для детей. Именно так произошло однажды с **Алексеем Николаевичем Толстым**, автором трилогии **«Хождение по мукам»**, романа-эпопеи о Петре I и многих других книг. Среди них, правда, встречаются и приключенческие повести, даже научно-фантастические романы **«Аэлита»** и **«Гиперболоид инженера Гарина»**, но вот сказку он написал всего одну — **«Золотой ключик, или Приключения Буратино»**.

Алексей Николаевич Толстой (1882/1883—1945)

Как это вышло, Алексей Николаевич и сам рассказал в предисловии к книге. В свое время, будучи еще ребенком, он прочел сказку итальянца Карло Коллоди «Пиноккио, или Похождения деревянной куклы». Потом долгое время эта книга у нас не издавалась. Когда А. Н. Толстой решил записать сказку, то оказалось, что многих подробностей он не помнит. Тогда Толстой решил написать по мотивам «Пиноккио» свою сказку.

Многим читателям Буратино понравился даже больше, чем Пиноккио. Он куда более живой и изобретательный. Да и саму сказку читать намного интереснее.

А все потому, что Толстой сделал сказку по существу русской. Как говорят специалисты, «полностью изменил язык и стилистику сказочной повести, превратил ее в оригинальный текст русской литературной традиции».

Взять хотя бы Джузеппе Сизого Носа, приятеля папы Карло. По профессии он — столяр, а в России лица этой профессии частенько прикладываются к бутылке. И цвет носа Джузеппе, и его прозвище достаточно ясно говорят о пристрастии героя к спиртному.

Точно так же Толстой переиначил на русский лад и еду.

Голодный Буратино видит, закрыв глаза, не что-нибудь, а тарелку манной каши пополам с малиновым вареньем. Ни в одной итальянской поваренной книге такого блюда вы не найдете. Зато в России манная каша с малиновым вареньем — на почетном месте.

Опять-таки в харчевне «Три пескаря» кот Базилио заказывает себе «шесть штук самых жирных карасей и мелкой рыбы сырой на закуску».

Ну, что коты и кошки любят рыбу — это все знают. А вот жареные караси в сметане и к ним мелкая свежепосоленная рыба — это, между прочим, обычное меню придорожных трактиров в дореволюционной России.

Весьма интересны и имена персонажей. Правда, Карло, Джузеппе — типичные итальянские имена. Пьеро — тоже известный представитель кукольного театра XIX века. А вот Мальвина — популярное имя в России в XIX веке, его носят многие героини тогдашних сентиментальных романов. А пудель Артемон позаимствован у Куприна: в рассказе «Белый пудель» циркового пса зовут Арто. Причем скорее всего это сокращение от русского имени Артамон — распространенного среди дворовых людей у российских помещиков.

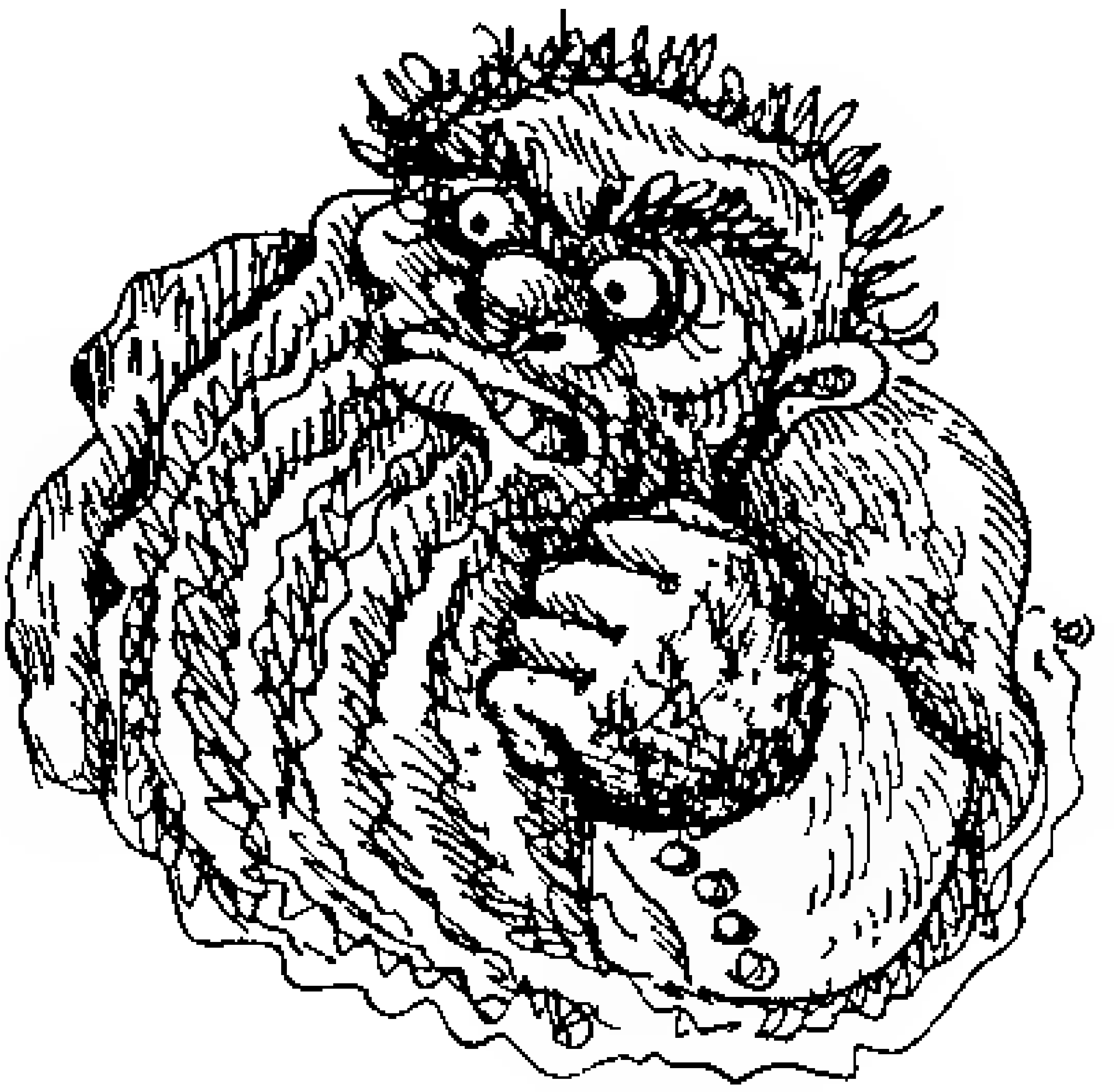
Но для главного героя Толстой придумывает новое имя — Буратино. Нечто про-

изводное от «буравчика» — этакое вертлявое и очень непоседливое существо, вечно лезущее во все дыры.

За ним следует Дуремар — замечательное, согласитесь, имя для противного продавца пиявок, старающегося объегорить своих покупателей-дураков, заморить их своими кровососами.

Труднее всего Толстому, пожалуй, было переименовать злого владельца кукольного театра. У Коллоди его имя — Манджафуоко, что по-итальянски значит «пожиратель огня». Однако русскому человеку, тем более ребенку, этакое имечко вовек не запомнить и без ошибки не выговорить. И тогда Толстой придумывает нечто громкое и грозное — Карабас Барабас. Будто большой барабан прогрохотал. Замечательное имя-громыхалка, типично злодейское, сказочное и даже загадочное. Потому как «карабас» — по-казахски «черная голова»; в Северном Казахстане, к югу от Караганды, и по сей день существует железнодорожная станция Карабас.

Откуда Толстой взял Барабаса, догадаться сложнее. Может, он происходит от соседней с Северным Казахстаном Барабы (Барабинской степи), может, от немецкого «Bramarbas» —



бахвал, хвастун. А скорее всего фантазер Толстой просто-напросто его удачно выдумал.

А вот феноменальную карабас-барабасовскую бороду, он, безусловно, позаимствовал у злого карлика Черномора из пушкинской поэмы «Руслан и Людмила». Причем у Пушкина специально оговаривается: «Вся сила карлы — в бороде». И Карабас Барабас тоже становится беспомощен, как только его борода прилипает к смолистому стволу сосны.

Вот она, оказывается, какая сказка получилась, всем известная и всеми любимая.

ПО СЛЕДАМ «РОКОВЫХ ЯИЦ»

Михаил Афанасьевич Булгаков (1891—1940)

Похоже, известность шотландского озера Лох-Несс, в котором вроде бы водится загадочная Несси, не дает покоя и российским любителям тайн и загадок. Во всяком случае, кое-кто из них утверждает, что в повести **«Роковые яйца» Михаил Афанасьевич Булгаков** коснулся тайны, которая до сих пор волнует криптозоологов.

Но давайте обо всем по порядку.

...Нет, эти строки на ночь читать не рекомендуется:

«Александр Семенович насторожился и стал всматриваться в глухую стену сорной заросли. Сероватое и оливковое бревно поднималось из чащи. Оно начало вытягиваться, изгибаясь и шевелясь, и вытянулось так высоко, что перегнало низенькую корявую иву. На верхнем конце бревна оказалась голова. Она была сплющена, заострена и украшена желтым круглым пятном по оливковому фону. Лишенные век, открытые ледяные и узкие глаза сидели в крыше головы, и в глазах этих мерцала совершенно невиданная злоба».

Ух, аж мороз по коже... Но откуда Булгаков черпал такие подробности? Ведь он хоть и был медик, но отнюдь не биолог... Давайте попробуем разобраться.

История создания повести вкратце такова.

В один из сентябрьских дней 1924 года Михаил Афанасьевич в очередной раз зашел в издательство «Недра». Его волновала судьба рукописи **«Белая гвардия»**. Увы, редакция по идеологическим соображениям не решалась опубликовать роман. Слишком уж симпатичными выглядели в нем белогвардейцы.

«В тот день мне пришлось дать Булгакову окончательный отказ, — писал позднее секретарь «Недр» Петр Зайцев. — Это глубоко резануло писателя. Был он худ и задумчив. В то время он перебивался случайными заработками и сильно нуждался...»

Тут Зайцева (по его же собственным словам) осенило.

— Михаил Афанасьевич, нет ли у вас чего-нибудь другого, что бы мы могли напечатать в «Недрах»? — спросил он.

Чуть подумав, Булгаков ответил:

— Есть у меня почти готовая повесть... фантастическая...

Зайцев протянул ему лист бумаги:

— Пишите заявление с просьбой выдать сто рублей аванса в счет вашей будущей повести. Когда вы ее сможете принести?

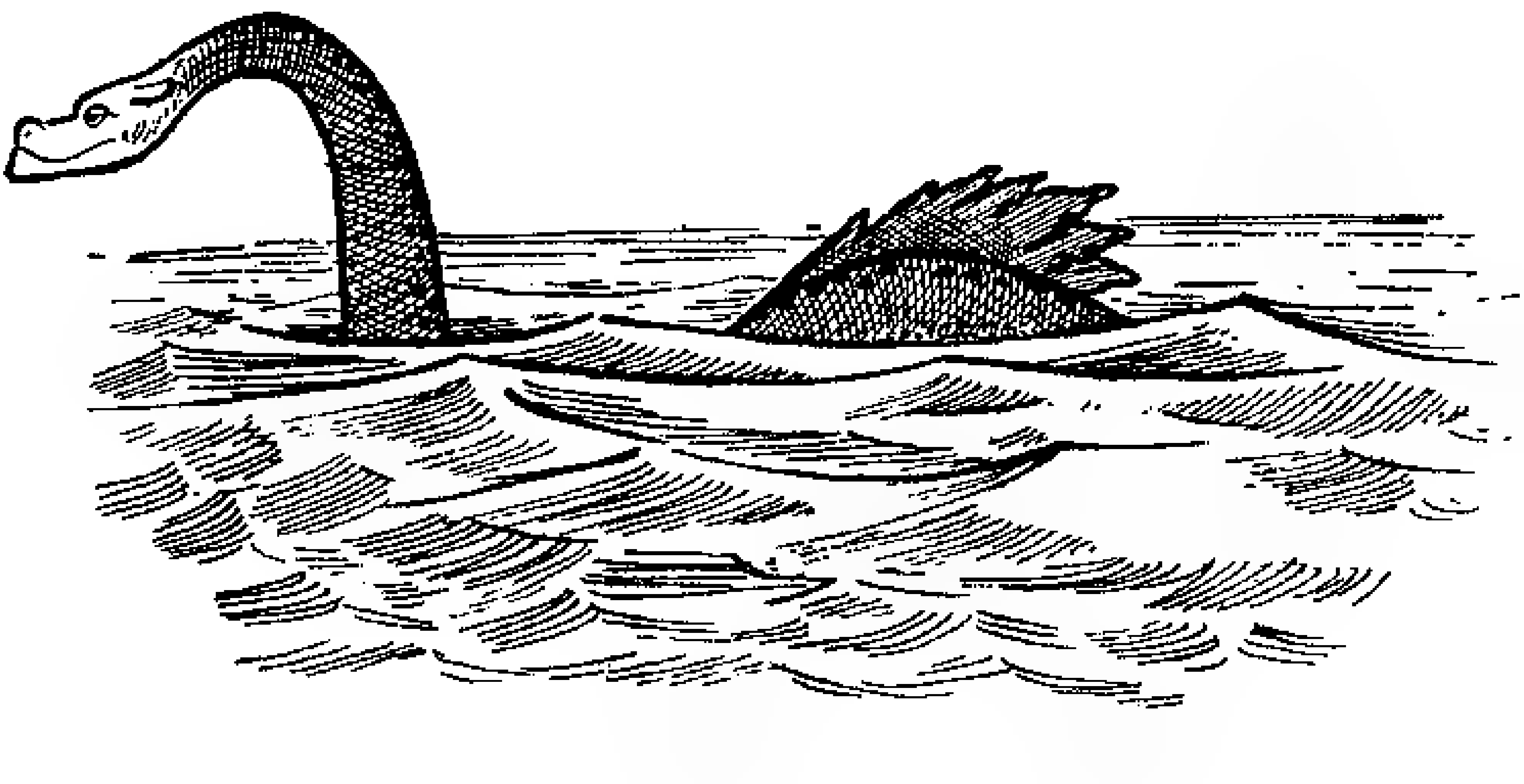
— Через неделю или полторы она будет у вас.

Получив обратно свое заявление, на котором Зайцев чирканул в уголке «Выдать сто рублей», Булгаков умчался в бухгалтерию Мосполиграфа...

Тут надо сказать, что автор «Белой гвардии» лукавил — никакой почти готовой фантастической повести у него еще не было. Не было ее и тогда, когда он по телефону просил издательство дать дополнительный аванс под «Роковые яйца» и даже зачитывал в трубку якобы уже готовые «отрывки». Это подтверждают воспоминания литератора Владимира Левшина, который присутствовал при этом разговоре.

Что же позволяло Булгакову гладко, как по писаному, «зачитывать» эти, еще не существующие строки? Можно, конечно, предположить, что Булгаков переживал творческий взлет — рукопись, как признают литературоведы, была написана на одном дыхании. Целые страницы идут без единой поправки, на полях нет обычных для Булгакова рисунков, свидетельствующих о «буксующей» мысли...

Но откуда взята сама фабула? Оказывается, существуют свидетельства, доказываю-



Морской змей

щие, что писатель лишь развил фантастический сюжет на основе уже имеющихся фактов. В феодосийских газетах за 1921 год можно найти сообщения о том, что в район давно потухшего вулкана Карадаг была отряжена рота красноармейцев для поимки загадочного гада, объявившегося там.

Булгаков совершенно точно читал об этом. Вырезки из газет ему присылала из Коктебеля Мария Степановна Волошина, жена известного писателя. Какой же монстр так перепугал местных жителей, что на его поимку отрядили военных? Что с ним стало? Судя по всему, красноармейцы так и не смогли отловить его. Такой вывод можно сделать и потому, что загадочное «нечто» видели в тех местах и позднее.

Писатель **Всеволод Иванов**, например, утверждал, что 14 мая 1952 года в Коктебеле в

Скелет морского змея

Сердоликовой бухте своими глазами наблюдал огромное чудовище со змеиной головой, поднявшееся из воды.

А вот свидетельство местной жительницы Варвары Кузьминичны Зозули, которая тоже видела гигантскую змею, но уже в сентябре 1952 года. Она пошла на Карадаг к мысу Мальчин за хворостом, и вот что с ней приключилось: «Скала эта у самой тропы, в нескольких метрах от моря. Там тихое прогретое место. Там оно и спало, — вспоминала Варвара Кузьминична. Она приняла гада за нагромождение хвороста и чуть на него не наступила. — Животное проснулось, подняло голову. Боже мой! Такая маленькая голова, шея тоненькая, а дальше спина, как столб толстая. Высоко-высоко поднялась голова». Женщина замахала руками, и «оно пошло, пошло разматываться, сколько там метров было, не знаю, и ушло к морю...»

Работник Феодосийского исполкома А. Бельский купался в бухте у мыса Киик-Атлама. Он отплыл от берега метров на 40, когда увидел впереди себя огромную, в полметра диаметром змеиную голову, поднявшуюся над водой. Чиновник тут же «рванул» назад к берегу, и уже с прибрежных камней наблюдал, как гигантское пресмыкающееся несколько раз показывалось из воды в том месте, где он недавно плавал.

Рыбинспектор В. Костюков рассказывал, что в районе Чауды люди видели огромное змееподобное существо, гнавшееся за дельфинами.

Примерно там же в 80-х годах проводила исследования подводная лаборатория «Бентос-300». На глубине примерно 100 метров гидронавты заметили существо, похожее на огромного серебристого змея. Увы, оно проплыло так стремительно, что его не успели сфотографировать.

Может быть, этот змей лишь привиделся исследователям глубин Черного моря? Или они забыли о свойствах воды преувеличивать объекты?

Впрочем, среди свидетелей есть и директор Карадагского (полуостров Крым) заповедника П. Семеньков. В 1994 году он сообщил, что неподалеку от Лягушачьей бухты рыбаки случайно поймали сетью дельфина (черноморскую афалину), у которого из живота был вырван огромный кусок. Гигантская рана была похожа на укус — отчетливо виднелись следы зубов по краям дуги диаметром около 40 миллиметров. Дельфин еще дышал, значит, трагедия произошла совсем недавно.

Примерно через полгода рыбакам попался еще один дельфин со следами таких же зубов на голове. Его поместили на берегу в холодильную камеру и пригласили для осмотра специалистов, в том числе из Ленинградского института зоологии. Но никто из ученых почему-то так и не приехал. Возможно, потому, что зоологи не верят в существование неведомых науке чудовищ и подобные истории относят просто на счет буйной фантазии местных жителей.

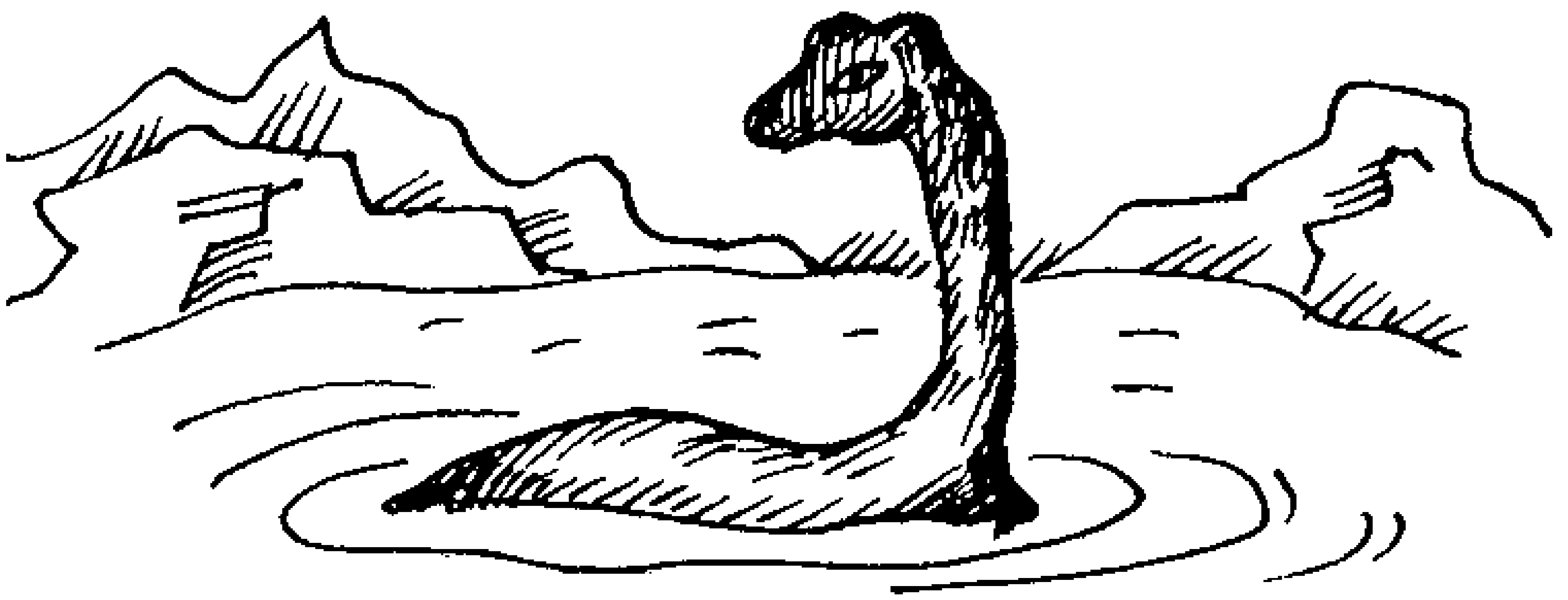
Лично мне вспоминается такой случай из детства, проведенного в станице Курской Став-

ропольского края, на берегу огромного по моим тогдашним меркам водохранилища. Было это в году примерно 1957 или 1959-м... Словом, однажды летом нам, детям, было запрещено купаться в течение целой недели. И это при сорокаградусной-то жаре!..

А все дело в том, что по станице со скоростью урагана пронесся слух о появившемся в водохранилище монстре длиной метров двадцать, а то и все двадцать пять... Такому слопать дитятю — раз глотнуть.

Конечно, немедленно нашлись и очевидцы, которые видели того змия собственными, правда залитыми отнюдь не водою глазами...

Матери были на грани паники, пацаны — на грани бунта, когда пришло всеобщее избавление от страхов в виде коротенького сообщения в местной газете. Оказалось, что из заезжего зверинца в городе Моздоке, за сто километров от станицы, действительно сбежал питон. Видно, и его жара достала, и он развил сверхбурную деятельность. Но к вечеру его нашли и благополучно водворили обратно в клетку. И было-то в нем всего от силы метра два.



Все остальное — дело фантазии и воображения. Вулгакову, например, этого хватило, чтобы написать повесть. А вашему покорному слуге — всего лишь на эти заметки...

Впрочем, если хорошенько подумать, то в повести Булгакова можно найти и куда более серьезные причины для ее написания, нежели весть о появлении неких гадов, почерпнутая в провинциальной газете.

В 1924 году, когда создавалась повесть, в печати публиковалось много статей о достижениях отечественной и зарубежной науки, в частности в области генетики, эмбриологии, медицины, зоологии, ботаники и сельского хозяйства. Н. И. Вавилов начал собирать по всему миру свою замечательную коллекцию растений и заложил основы отечественной генетики. С. С. Брюхоненко вел эксперименты по пересадке органов и тканей. За рубежом велись исследования по активизации живых тканей с помощью электричества и прочих физических и химических средств. Поговаривали, что не сегодня, так завтра будут открыты средства для продления жизни и вечной молодости.

Обо всем этом прекрасно был осведомлен медик М. А. Булгаков. Ну а писатель Булгаков отозвался на эти изыскания двумя повестями — «Роковые яйца» (сентябрь — октябрь 1924 года) и «Собачье сердце» (январь — март 1925 года). Заодно сатирик Булгаков прошелся и по некоторым сторонам окружавшей его жизни.

Похоже, он не очень верил, что советская власть сможет навести порядок в стране. Нашествие тех же гадов предотвратила вовсе не доблестная Красная Армия, а неожиданно ударившие морозы. И Шариков, связавшийся с разными Швондерами, сохранял человеческий облик весьма непродолжительное время...

Ну а о прочей чертовщине, водившейся в нашей стране, Булгаков напишет в «Мастере и Маргарите» уже куда позднее.

СЕКРЕТ АРИЭЛЯ

Ленинградца **Александра Романовича Беляева** писателем-фантастом сделала болезнь. Будь он здоров, он мог бы избрать себе другую профессию — стать, например, инженером. Или артистом. Или юристом. Или даже музыкантом.

Александр Романович Беляев (1884—1942)

Ко всем этим разнообразным занятиям у него были определенные способности. Так, например, биографы писателя указывают, что в юности он одновременно учил-

ся на юридическом факультете университета и в консерватории по классу скрипки.

Однако болезнь позвоночника сначала заставила его отказаться от профессий, требовавших физической активности, и он некоторое время работал библиотекарем, а потом вообще надолго приковала к койке. И тогда Беляеву осталось лишь два занятия: читать и писать.

Читать он научился рано, еще до школы. Ну а учиться писать по-настоящему пришлось уже лежа в постели.

О чем писать? О своей жизни?.. Но для этого ее сначала нужно было прожить. Например, как писатель **Николай Островский**. Да и то его жизни хватило лишь на две книги: «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей».

И тогда Александр Беляев решил писать о том, чего не было, но вполне могло бы быть. При стечении некоторых обстоятельств.

Самое интересное: фантаст мало что выдумывал. Обычио Александр Романович лишь творчески перерабатывал, переосмысливал факты, которые стали ему известны из научных публикаций или даже ежедневной прессы. Судите сами...

Основой **«Звезды КЭЦ»**, как говорит уже само название, послужили идеи К. Э. Циолковского. Узнав, что для их изучения, а потом и постройки первых ракет в Ленинграде организован ГИРД — Группа по изучению реактивного движения, — Беляев написал о будущем,

когда ракеты уже будут построены и полеты на орбиту станут почти таким же обыденным делом, как командировки в соседнюю область.

Было это в далеком 1936 году. А ныне мы с вами дожили уже до того, что на орбитальную космическую станцию стали летать первые туристы.

Узнал Беляев о первых опытах по передаче на расстояние изображения, и появилось **«Чудесное око»** — повесть о том, как школьник, по болезни оставаясь дома, лежа в постели, смог принять участие в экспедиции по поиску подводных сокровищ.

Кстати, да будет вам известно, более полувека спустя такая экспедиция действительно состоялась. В 1999 году американские и канадские школьники наблюдали на мониторах в своих классах за работой водолазов-глубоководников в Тихом океане. Передача велась через спутник, по сети Интернет.

Но начинал писатель не с этого. Свои первые романы — **«Голова профессора Доуэля»** и **«Человек-амфибия»** — Беляев написал, узнав о работах профессора С. С. Брюхоненко, который еще в 20-е годы XX века начал заниматься проблемой пересадки органов и достиг в этом ошеломляющих успехов. В его лаборатории одно время жила даже собака с двумя головами.

Перед Второй мировой войной Беляев написал повесть **«Замок ведьм»** Интрига в этой повести крутится вокруг шаровой молнии. И тут писатель отталкивался от действительности —

профессор Г. И. Бабат продолжал свои опыты даже в осажденном Ленинграде...

В этом ряду роман «Ариэль» стоит особняком. Написал Беляев о летающем человеке, а на какие факты опирался? Об этом мало что известно. Неужто изменил своему правилу? Оказывается, нет. Вполне может быть, что и тут фантастика опиралась на реальные факты...

А они таковы.

Ныне во Флориде каждый знает о достопримечательности штата — гигантском коралловом замке. Самые дотошные даже подсчитали: общий вес глыб, из которых он был сложен, достигает 1100 тонн. Между тем построил его голыми руками один человек — латыш, которого здесь и по сей день считают колдуном.

Эдвард Лидскалныньш — так звали этого человека — был почти ровесником А. Р. Беляева. Он родился в Латвии в 1886 году — на два года позже писателя. Закончил четыре класса местной гимназии, но на продолжение учебы у родителей не было средств. Пошел работать, однако богатеем не стал. Да тут еще и драма в личной жизни: накануне свадьбы его бросила невеста — видать, из-за неказистой внешности (его рост едва достигал 150 см) и бедности.

Собрав пожитки, Эдвард в тот же день покинул родину. Поскитавшись по миру, в конце концов осел в Америке. За 12 долларов купил 4 акра земли и начал на нем весьма странное строительство.

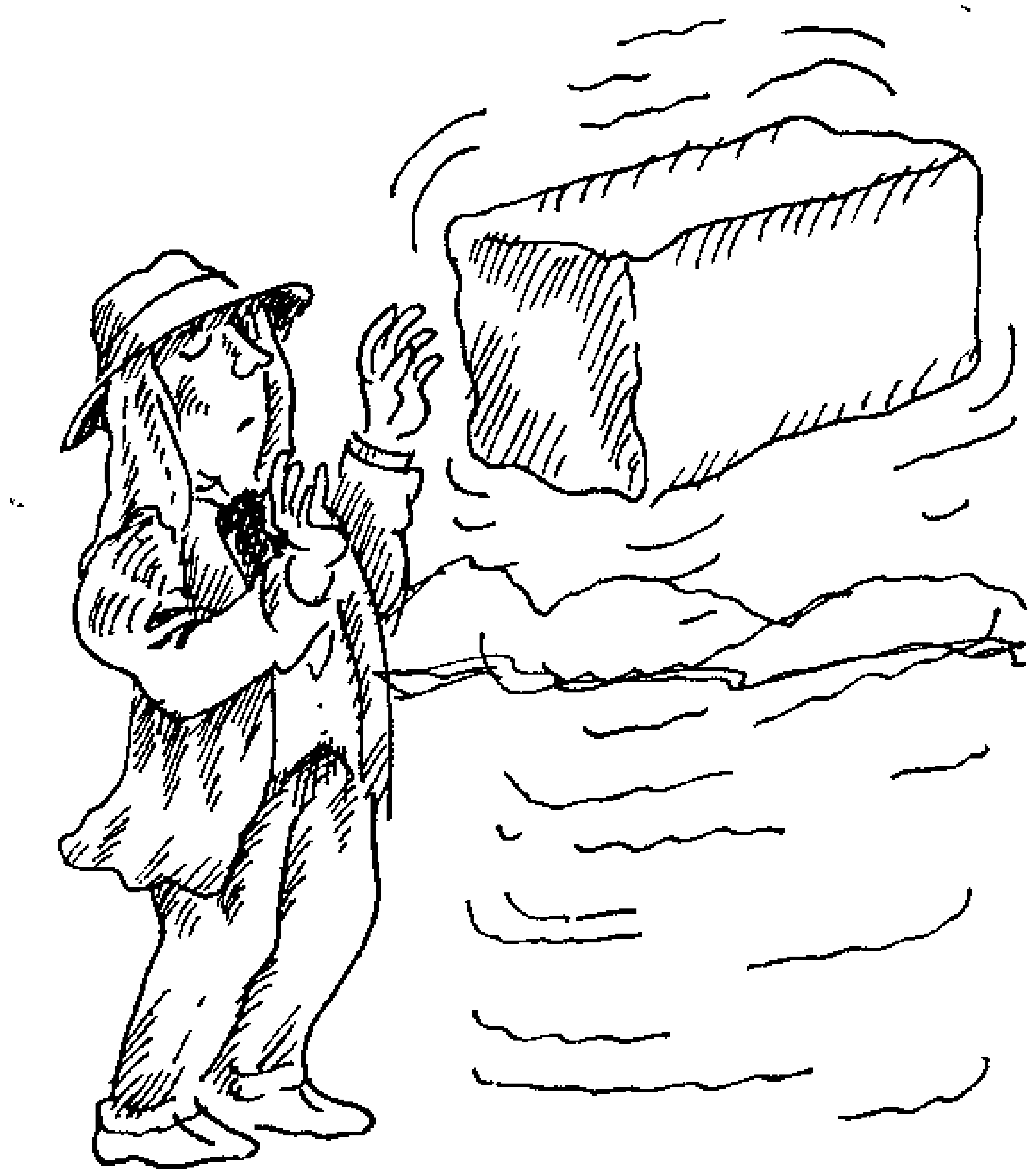
Без транспорта и рабочей силы он доставлял с побережья Мексиканского залива коралловый камень, каким-то образом ворочал многотонные глыбы, обрабатывал их. Вездесущие мальчишки, которые ныне стали уже глубокими стариками, рассказывают: глыбы у Эда летали по воздуху, точно снежинки. Только раз за 20 лет строительства он прибег к посторонней помощи — нанял грузовик, чтобы перевезти обтесанные глыбы на строительную площадку. Да и то водителю было строго-настрого запрещено присутствовать при погрузке огромных «кирпичей». Он приходил в назначенный час, и всякий раз машина была уже загружена.

Окрестные жители не раз пытались выведать тайну латыша, но он отмалчивался, лишь однажды обронил, что знает секрет египетских

пирамид. За нелюдимость и аскетизм его прозвали «угрюмым Эдом» и оставили в покое.

Знал ли об Эдварде Лидскалныньше Беляев? Свидетельств тому нет. Хотя вполне можно допустить, что что-то и слышал — ведь от Ленинграда до Латвии — расстояние небольшое.

И уж, во всяком случае, он наверняка читал о летающих буддийских монахах (о них писала, например, в начале XX века исследовательница Востока Е. П. Блаватская), а еще раньше нее — губернатор и писатель М. Е. Салтыков-Щедрин. Вспомните, как маркиз де Санглот, Антон Протасьевич, французский выходец и друг Дидерота, «летал по воздуху в городском саду и чуть было не улетел совсем, как



зацепился фалдами за шпиц, и оттуда был с превеликим трудом снят».

Слыхивал наверняка Беляев также и о святом Иосифе Купертинском, жившем в XVII веке и обладавшем, как говорят, способностью парить, подобно ангелам.

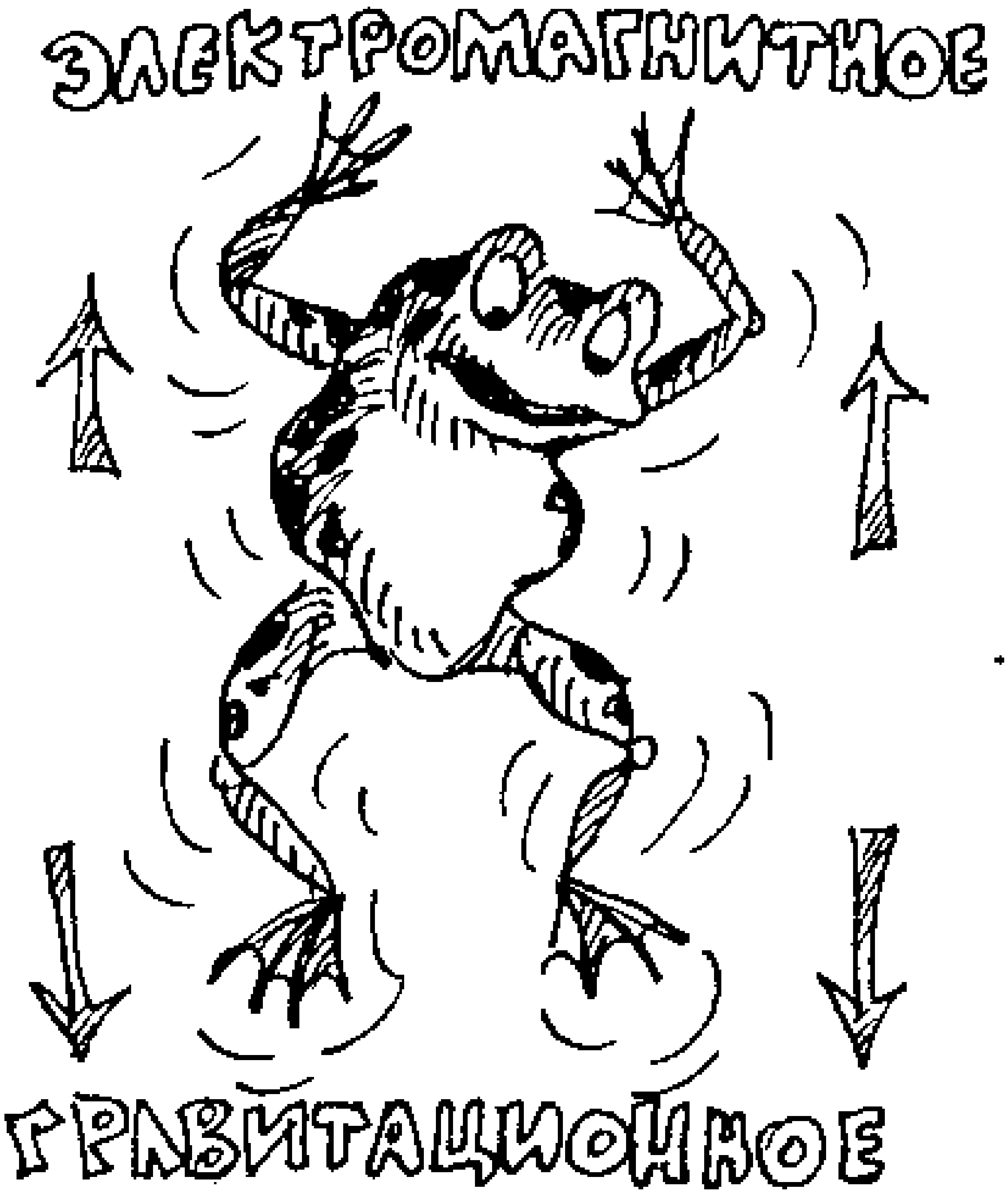
Этого было достаточно, чтобы Беляев предложил свой вариант полета без мотора и крыльев.

Святой Иосиф Купертинский (1603—1663) был канонизирован, потому что мог перемещаться по воздуху

Если помните, мистер Хайд из романа «Ариэль» сначала экспериментировал с «летающими металлами». Внутрь пористой структуры он заталкивал молекулы водорода, добиваясь уменьшения удельного веса всей массы. Затем он перешел к опытам с электромагнетизмом. Ему удалось упорядочить броуновское, или тепловое, движение молекул внутри кристаллической решетки таким образом, чтобы суммарная составляющая их импульсов была направлена вверх.

Это натолкнуло уже наших современников на мысль: а не испробовать ли для полета силы магнитной левитации? Ведь всем известно, что одноименные полюса магнитов взаимно оттал-

киваются. И их силы хватает для того, чтобы подвесить в воздухе не только фокусника Копперфильда, но и железнодорожные составы.



В 1998 году из Нидерландов пришло сообщение: голландские ученые противопоставили гравитационному полю электромагнитное. Они поместили в него обычную лягушку, и квакушка повисла в воздухе. Полагают, что она — первое живое существо на Земле, поднявшееся в воздух не посредством преобразованной механической энергии — крыльев, пропеллера, реактивной струи или взрывной волны, а иным способом, то есть пережившая самую настоящую левитацию.

Доктор Андре Гейн и его коллеги из университета города Наннели уверяют, что не видят никаких принципиальных затруднений и для того, чтобы поднять в воздух человека. Только поле придется создать куда более сильное, чем для подъема лягушки, которую, кстати, поднимали и прежде, только на специальной магнитной платформе.

Так что, в принципе, Ариэлем ныне может стать каждый. Внешнее магнитное поле спо-

собно воздействовать прямо на клетки живого тела. Электроны приобретают при этом добавочную угловую скорость, так что в каждом атоме или ионе возникает магнитный момент, направленный против внешнего магнитного поля. Иными словами, «использовалось явление молекулярного магнетизма, присущего абсолютно всякому веществу», утверждают исследователи.

...Вот как далеко завели нас попытки расследовать мотивы написания Александром Беляевым романа «Ариэль». Вероятно, сам писатель не знал и половины того, о чем рассказано выше. Но интуиция, согласитесь, у него была потрясающая. Он понял, что рано или поздно возможность полета без каких-либо приспособлений будет серьезно изучаться. И постарался подогреть интерес к этому явлению. Что ему и

прекрасно удалось. Ведь прошло уже более 60 лет с момента выхода романа в свет, а он все еще не забыт; тема, затронутая в нем, продолжает вызывать горячие споры...

НА КРАЮ ОЙКУМЕНЫ

«...Я прочла вашу замечательную книгу **«Туманность Андромеды»**. Поверьте, ее известность будет возрастать по мере того, как события в жизни будут увязываться с ее содержанием, и в следующем веке о вас будут говорить лучше, чем о Жюле Верне, потому что вы обладаете человеческим теплом и гуманизмом, которыми не обладал он...»

Так писала **И. А. Ефремову** читательница из Франции Дениз Бонтам — одна из многочисленных почитательниц известного писателя за рубежом.

Что же касается нашей страны, то я, например, помню, с каким нетерпением ждал очередного номера «Пионерской правды», где с продолжениями печаталась та же «Туманность Андромеды». Мгновенно «проглатывал» очередной фрагмент, а затем вырезал и бережно складывал вырезки одна к одной, чтобы потом перечитать роман еще раз, уже целиком.

И так поступал не только один я. Мстислав Листов, руководитель Центра ноосферных знаний и культуры имени Ивана Ефремова, вспоминал как-то, что один из лучших космо-

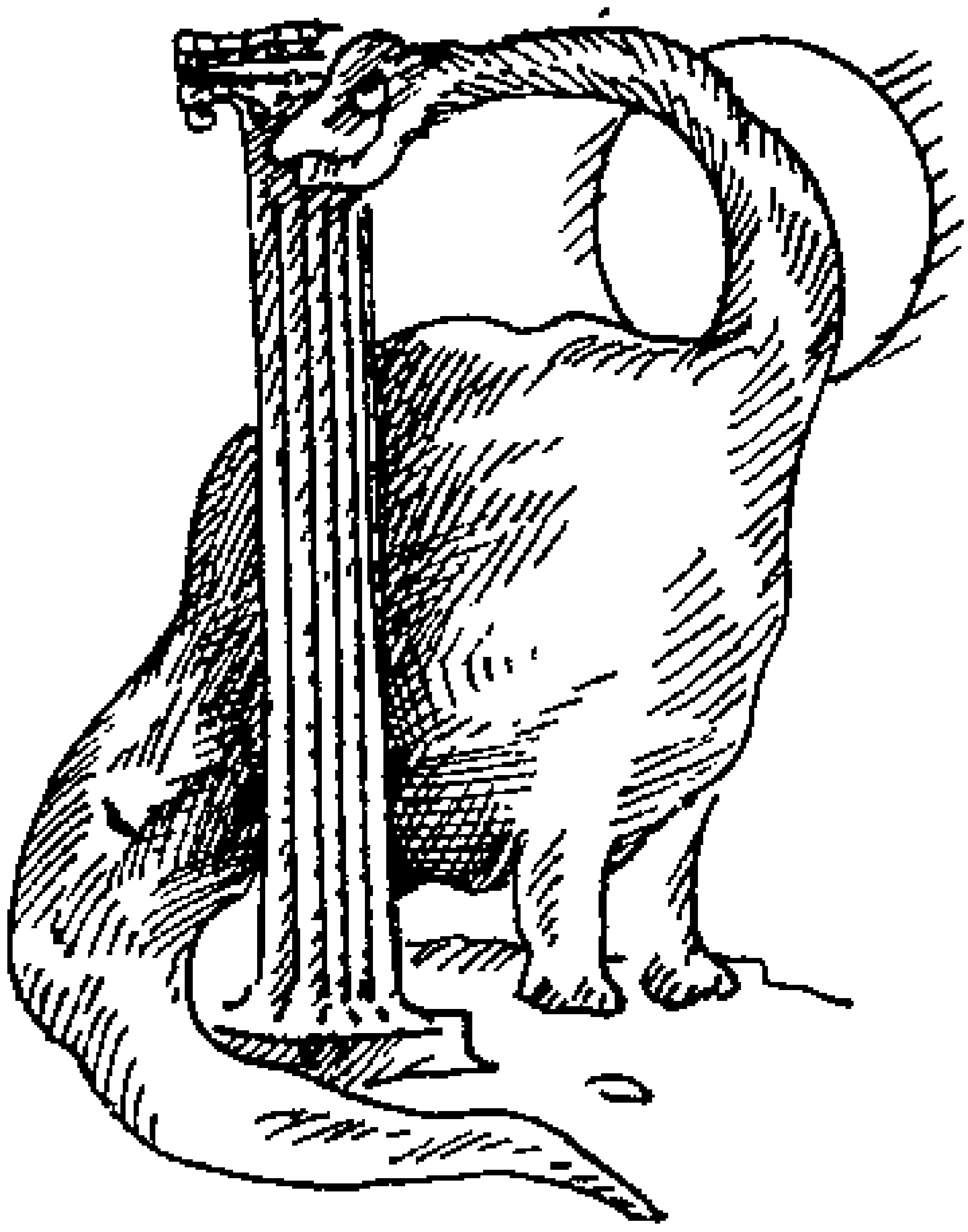
навтов мира, дважды Герой Советского Союза, генерал Владимир Джанибеков оставил в кабинете знаменитого писателя фотографию с надписью: «Своей судьбой я обязан Ивану Антоновичу Ефремову». И пояснил, что именно «Туманность Андромеды» зародила в нем мечту, которая в конце концов и привела Джанибекова в отряд космонавтов.

Однако теперь мало кто знает, что замысел известнейшего романа рождался в пустыне Гоби, где в трудные послевоенные годы тогда уже известный ученый-палеонтолог, профессор Иван Антонович Ефремов возглавлял Монгольскую палеонтологическую экспедицию Академии наук СССР. Ученые старались отыс-

кать исторические свидетельства существования неведомой нам жизни — останки гигантских ящеров, бывших владык Земли. Эта трудная, даже опасная экспедиция требовала не только больших знаний и умений, но и огромной выносливости — ведь предстояло исследовать малоизвестные районы Монголии.

На старых, потрепанных машинах по бездорожью, переживая песчаные бури, жару и холод, экспедиция под руководством Ивана Антоновича совершила подлинный научный подвиг. Из Гоби, после сложнейших раскопок, было вывезено 460 ящиков с монолитами «костей дракона» — динозавров — общим весом более 120 тонн... Сегодня реконструкции громадных ящеров украшают экспозиции палеонтологических музеев в Москве и Улан-Баторе.

Но главное даже не в этом. Долгое время палеонтология оставалась просто «музейной» наукой о вымерших чудовищах. Ефремов вскрыл незримые связи между такими, на первый взгляд, далекими областями науки, как палеонтология и исследования космического пространства. «Палеонтология — наука, погруженная, казалось бы, в недра планеты, — служит окном в кос-



мос, через которое мы научимся видеть закономерности истории жизни и появления мыслящих существ», — писал он.

Такую широту взглядов, способность связывать, казалось бы, несвязываемое, дала ему школа жизни. У Ефремова было непростое детство. Его отец-лесопромышленник происходил из староверов, был здоровяком, который запросто гнул подковы; этим умением, кстати, до глубокой старости обладал и сам Иван Антонович. Так что когда отец в начале века покинул семью, то часть забот о ней легла и на малолетнего Ивана.

А потом началась Гражданская война. Вместе с авторотой 6-й армии он дошел до Перекопа. После окончания военных действий уехал в Петроград, где экстерном закончил 23-ю единую трудовую школу и пошел работать. Был пильщиком дров, грузчиком, шофером. Одновременно умудрился закончить Петроградские мореходные классы, где получил диплом штурмана каботажного плавания...

О юных годах Ефремов вспоминал в одном из своих писем: «Когда-нибудь я напишу о своих первых плаваниях на Тихом океане. О том, как... матрос, попавший в одну компанию со всякой шпаной, сумел отстоять свое достоинство благодаря врожденной силе и боксерскому умению; как он за краткое время стоянок в Японии увидел нечто большее, чем портовые кабаки, и впервые смог понять — если не куда ему надо идти в жизни, то какой стороны ее держаться...»

Он действительно плавал на Дальнем Востоке, совершал рейсы на Камчатку, Сахалин... А в следующий сезон командовал катером на Каспии. Там и заинтересовался палеонтологией, прочитав в журнале статью известного ученого, профессора П. П. Сушкина. Осенью он нашел Петра Петровича в Петрограде и попросился в ученики. Сушкину понравился плечистый, самостоятельный юноша. И он предложил ему место препаратора в Геологическом музее. Пришлось выбирать: море или палеонтология.

Сделать выбор Ефремову помог знаменитый капитан Д. А. Лухманов. Он посоветовал: «Ступай-ка лучше в науку, а море, брат, что ж... все равно ты его уже никогда не забудешь. Морская соль въелась в тебя...»

Но окончательный выбор был сделан все же чуточку позднее. В 1925 году Ефремов оставил учебу на биофаке университета и перешел в Горный институт, на геологическое отделение. Работал, учился вечерами и диплом защитил с отличием. Более того, одновременно Иван Ефремов получил ученую степень кандидата иаук за оригинальное описание древнейших земноводных. И это в 17 лет!

С той поры он неоднократно участвовал в научных экспедициях. Сначала вместе с Сушкиным, а после смерти учителя самостоятельно. Свое первое научное открытие новоиспеченный ученый сделал в 18 лет...

Экспедиции, как правило, проходили вдали от жилья, в глухих местах, где приходи-

лось хлебнуть лиха. «В морозы ниже 40 °С приходилось туго... Обшивали все металлические приборы, чтобы к ним можно было прикасаться, не рискуя отморозить пальцы», — вспоминал Ефремов.

А один из участников тех экспедиций, тогдашний студент ЛГУ Н. И. Новожилов рассказывал, что попутно прослушал у своего начальника целый курс лекций — Иван Антонович обладал исключительной памятью. В редкие свободные часы он мог прочесть на память «Алые паруса» или «Корабли в Лиссе»... Причем не пересказывал, а именно читал наизусть.

Со временем он и сам начал писать. Первые литературные опыты И. А. Ефремова относятся к годам Великой Отечественной войны. На фронт его не взяли, а отправили со специальным заданием в Среднюю Азию, куда был эвакуирован Палеонтологический институт АН СССР.

Но тут Ефремов заболел и, пока валялся на больничной койке, написал несколько рассказов. Семь из них впоследствии составили сборник «Семь румбов». По выходе сборника в свет Ефремова пригласил к себе А. Н. Толстой.

Он сказал, что Иван Антонович уже состоявшийся писатель, и поинтересовался, когда это он успел выработать «такой изящный и холодный стиль»? Ефремов ответил, что все это идет от науки — ведь ему постоянно приходится описывать условия залегания пластов, окружающий ландшафт, не упускать из виду мельчайшие подробности...

А поскольку к тому времени у него было уже свыше четырех десятков трудов, то опыта описывать ученому было не занимать.

Вот так от науки он пришел в литературу. В результате этого синтеза стали рождаться произведения, которыми зачитывались наши современники. Причем перо Ефремова с одинаковой достоверностью описывало как приключения героев в Африке и Древней Элладе в далеком прошлом (**«Путешествие Бурджеда»** и **«На краю Ойкумены»**), так и в глубинах космоса в отдаленном будущем (**«Звездные корабли»** и **«Сердце Змеи»**).

А потом пришла пора ставшей классикой научной фантастики «Туманности Андроме-

ды»; романов **«Лезвие бритвы»**, **«Час Быка»** и **«Таис Афинская»** — произведений философских, будоражащих мысли и воображение читателей и по сей день...

Но это вовсе не значит, что И. А. Ефремов все писал «из головы». Он полагал, что герои будущего живут среди нас уже сегодня. Так, прототипом главного героя романа «Лезвие бритвы» стал известный психолог, профессор К. К. Платонов. А Таис Афинскую Иван Антонович в какой-то мере списал со своей жены — Таисии Иосифовны...

Однако одна из главных заслуг Ефремова-писателя состоит в том, что он перевел литературу из области человековедения в область человечествоведения... «Писатель-фантаст, — объяснял он, — обязан показать выход из грозных ловушек, которые будущее готовит для человечества...»

Впрочем, не всем его прогнозы нравились. Социально-философский роман Ефремова «Час Быка», написанный в конце 1960-х годов, находился под запретом почти 18 лет. Не сразу нашла путь к читателю и «Таис Афинская». Были попытки «выправить» и «Лезвие бритвы»...

Ефремов отстаивал свою точку зрения всеми возможными средствами и до конца. Более того, в последние годы жизни он начал подготовку к написанию романа «Чаша отравы», в котором, пожалуй, первым из советских писателей собирался всесторонне осветить пробле-

мы экологии, очищения ноосферы. «Я хочу сказать, — пояснял он свой замысел, — о том, что надо предпринять для очищения ноосферы Земли, отравленной невежеством, ненавистью, страхом, недоверием, показать, что надо сделать для того, чтобы уничтожить все фантомы, насилующие природу человека, ломающие его разум и волю».

Он не успел написать этот роман, который оказался бы как нельзя кстати в наши дни. Но многие его пророчества уже сбылись. Так, скажем, ему удалось предвидеть развитие глобальных систем связи и коммуникаций, открытие голографии и кимберлитовых трубок в Якутии, разгул международного терроризма и ухудшение экологии...

А ныне, похоже, мы приближаемся к раскрытию еще двух тайн, описанных впервые И. А. Ефремовым. Так, в одном из рассказов им был описан «большой и толстый червяк, неизвестный житель пустыни». Местные жители называли его олгой-хорхой.

«Это животное ни разу не попадало в руки ни одному человеку отчасти потому, что живет в безводных песках, отчасти из-за страха, который испытывают перед ним монголы, — писал Ефремов. — Этот страх вполне объясним: животное убивает на расстоянии. Что это за таинственная сила, которой обладает олгой-хорхой, никто не знает. Может быть, это огромной мощности электрический разряд или яд, разбрызгиваемый животным».

Позднее известный популяризатор науки В. Мезенцев, анализируя сообщения об олгоехорхое, склонился к гипотезе, что он убивает сильнодействующим ядом, например синильной кислотой. В природе известны существа, в частности многоножка кивсяк, которая убивает свои жертвы на расстоянии струйкой синильной кислоты.

Однако все большее подтверждение получает экзотическая гипотеза: дескать, олгой-хорхой убивает с помощью небольших шаровых молний, которые формируются во время мощного электрического разряда. Так, летом 1988 года газеты сообщили о странных событиях, происшедших в городе Луганске. Там 16 мая при проведении земляных работ в районе городка завода им. Октябрьской революции пострадал один из рабочих. Его доставили в больницу без сознания, с ожогом змееобразной формы на левой руке. Очнувшись, п ший объяснил, что почувствовал удар током, хотя электрические кабели поблизости не пролегали.

Два месяца спустя погиб шестилетний мальчик. Причина смерти — поражение электрическим током от неизвестного источника. Еще несколько подобных случаев были зарегистрированы в 1989 и 1990 годах. Все они связаны с земляными работами либо со свежей землей, доставленной из другого места. Один из пострадавших рассказал, что прежде чем потерять сознание, он слышал странный звук, похожий на всхлипывание ребенка.

Наконец, по свидетельству кандидата физико-математических наук Валентина Псаломщикова, зимой 2000 года вблизи теплотрассы при рытье ямы на территории усадьбы в Артемовском районе Луганска было поймано странное существо, издававшее при нападении похожий звук. К счастью для себя, человек, рывший яму, был в толстых перчатках и не пострадал. Он поймал существо, положил его в полиэтиленовый мешок и отнес показать соседу, работавшему в биологической лаборатории. Так неизвестное науке животное оказалось в металлическом боксе лаборатории за толстым бронированным стеклом. Похоже оно

на толстого сиреневого червяка длиной около полуметра. Заведующий лабораторией кандидат биологических наук В. М. Куликов утверждает, что это скорее всего неизвестный мутант. Но определенное сходство его с таинственным олгой-хорхоем несомненно.

Другой прогноз Ефремова касается обнаружения разумной жизни во Вселенной. Признаки разума в космосе ищут уже давно. Но только в 1999—2000 годах астрономам удалось обнаружить свыше 50 планет за пределами Солнечной системы. А в 2005 году работа выйдет на качественно новый уровень благодаря космическим супертелескопам серни «Кеплер». Эти разведчики, рассредоточившись в окрестностях нашей планеты, возьмут под наблюдение 250 звездных систем, находящихся на удалении порядка 50 световых лет от Земли. В них, по мнению специалистов, имеется по крайней мере 3 миллиона светил, подобных нашему Солнцу.

Кроме того, телескопы будут анализировать излучение этих звезд с целью выявления, какой процент железа, углерода, водорода и кислорода содержится в их излучении. Это поможет понять, насколько реальна белковая жизнь в той или иной планетной системе. «Конкретных результатов наших поисков следует ожидать уже к 2015 году», — убеждены исследователи.

Тогда, возможно, мы и узнаем, насколько был прав И. А. Ефремов в своих предсказаниях.

ПРЕДСКАЗАНИЯ ЭДГАРА ПО

Обычно, когда речь заходит об этом американском поэте и прозаике, вспоминают, что он написал знаменитое стихотворение «Ворон», да несколько рассказов о раскрытии преступлений, благодаря которым, как говорят современные критики, «возникла особая ветвь в литературе — детективный жанр».

Все это действительно так. Эдгар Аллан По действительно сформулировал несколько правил, которые затем использовали в своей работе многие писатели-детективщики. В частности, по мнению Э. По, куда интереснее, когда преступление разгадывает не полицейский, состоящий на государственной службе, а некий оригинал-любитель. Он же придумал и то, что место будущего преступления может казаться совершенно недоступным для посторонних, между тем преступник находит остроумный способ войти, сделать свое черное дело и незамеченным выскользнуть. Улики могут храниться на самом виду, но обнаружить их спосо-

Эдгар Аллан По (1809—1849)

бен только человек с аналитическим складом ума. И наконец, преступником, как правило, оказывается тот, на кого поначалу меньше всего падает подозрение...

Когда знакомишься с творчеством Эдгара Аллана По внимательнее, неожиданно для себя открываешь, что тонкий аналитический ум писателя был способен на большее: использовав россыпь фактов; которые были известны, казалось бы, всем, он делал неожиданные выводы, открытия и даже мистические прогнозы, которые сбывались десятилетия спустя. Вот хотя бы несколько тому примеров.

В 1884 году в суде разбиралось страшное дело. 28 июня того же года из английского порта Саутгемптон к далеким берегам Австралии вышла яхта «Миньонетт» с экипажем из четырех человек. Среди просоленных морских волков оказался и новичок — сбежавший от родителей семнадцатилетний парень. Звали его Ричард Паркер.

Яхта попала в шторм и затонула. А ее экипаж оказался в спасательной шлюпке без запасов еды и питьевой воды. Шестнадцать дней дрейфа сломили людей. Первым не выдержал юноша — он стал пить морскую воду и быстро ослабел. И остальные... съели его.

Когда морских скитальцев подобрало судно «Монтесума», кто-то проболтался об этой трагедии. Дело дошло до суда. Газета «Таймс» стала описывать ход судебного процесса, и тут кто-то вспомнил, что еще полвека назад, в 1838 году,

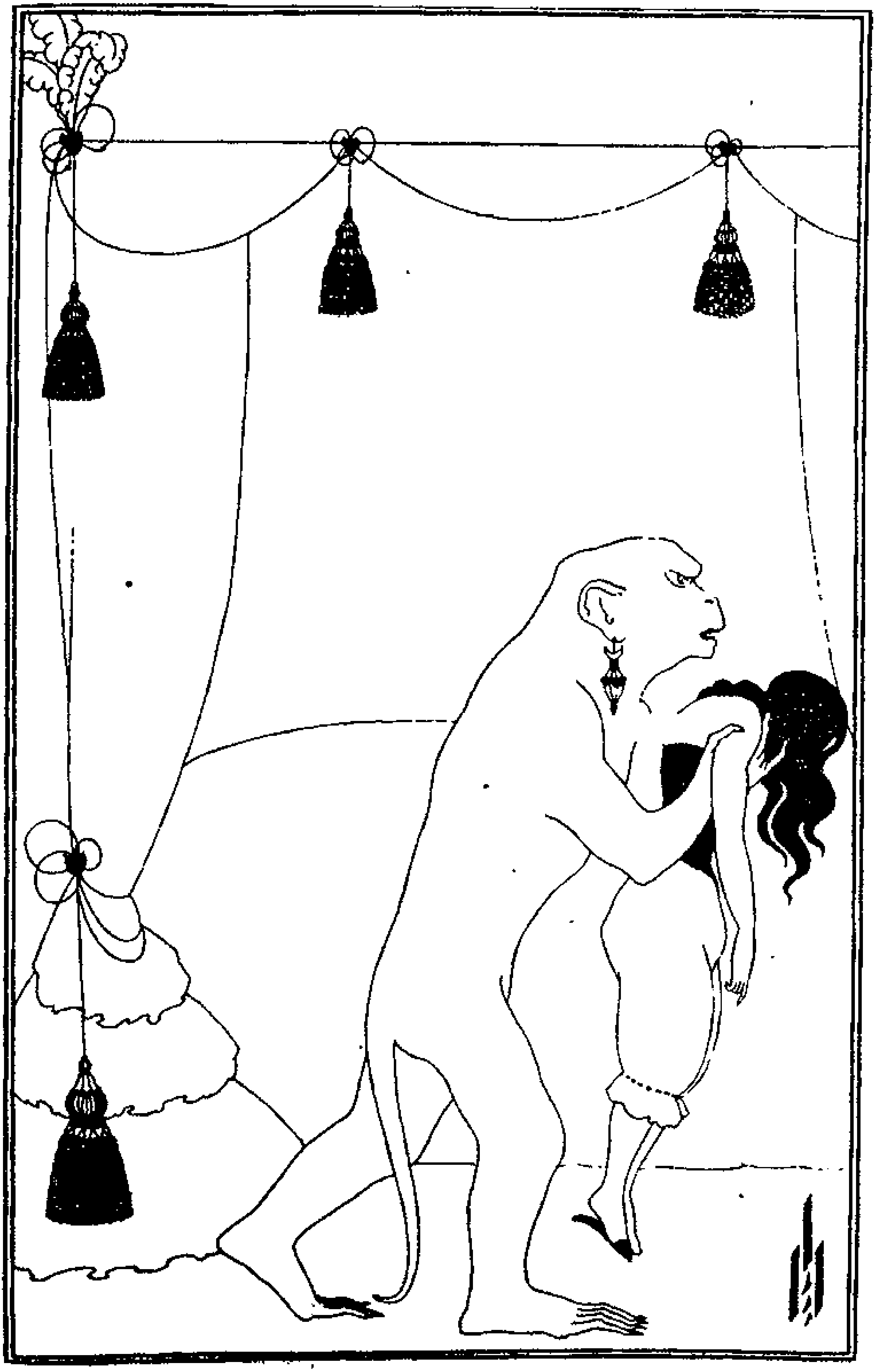


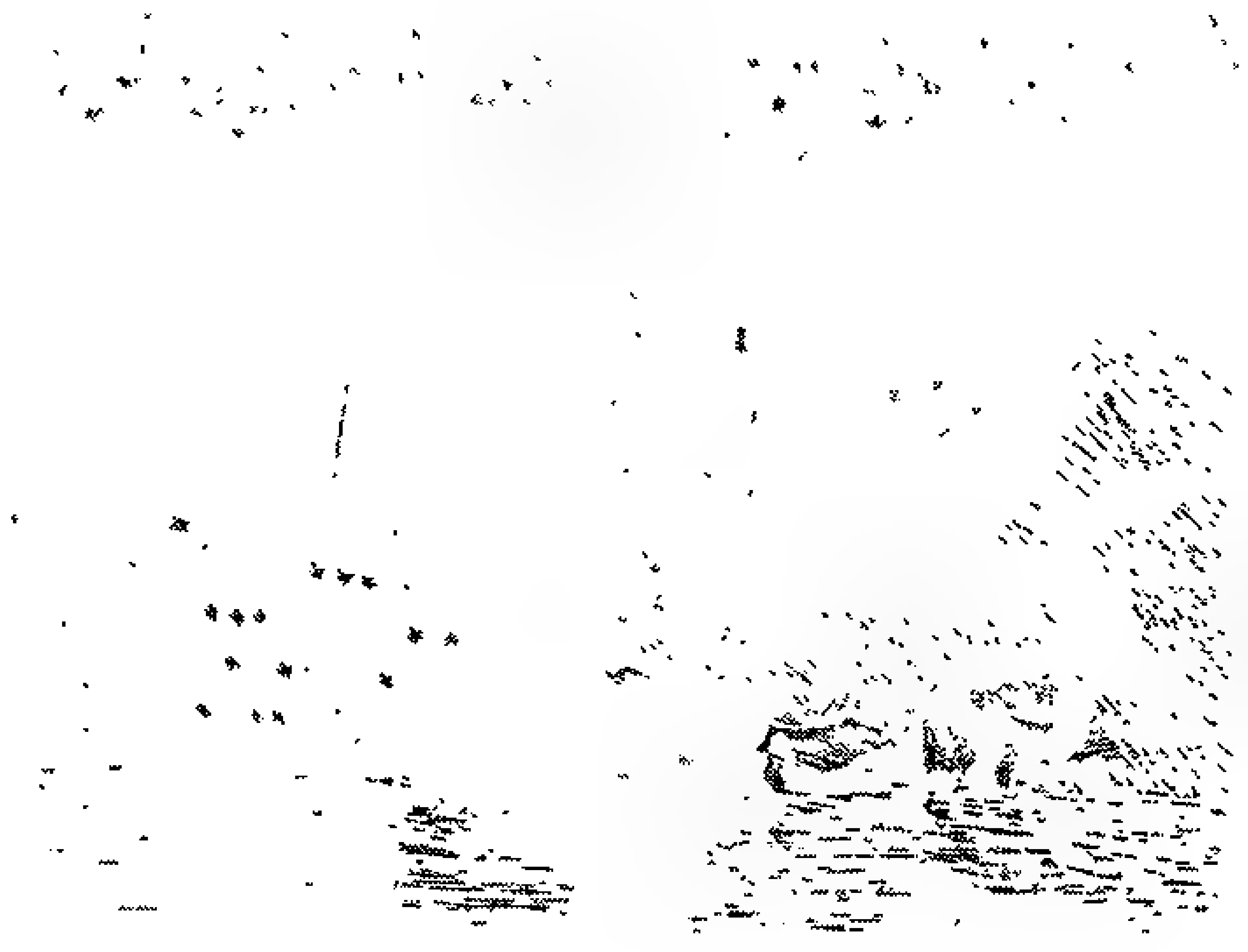
Иллюстрация О. Бердслея
к рассказу «Убийство на улице Морг» Э. По

все подробности трагедии описал Эдгар По в своей «**Повести о приключениях Артура Гордона Пима**». Совпало даже имя погибшего — в книге его тоже зовут Ричард Паркер.

Интересно, что Эдгар Аллан По оказался родоначальником некоего жанра литературных предсказаний. Вскоре там же, в Нью-Йорке, малоизвестный писатель **Морген Робертсон** выпустил в свет роман, в котором есть такой эпизод.

Пассажиры отправляются в путь через Атлантику на корабле «Титан», который, «стремительно плывя через туман... протаранил айсберг... Предсмертные вопли трех тысяч охваченных ужасом пассажиров взмыли к небу».

И далее с дотошностью следователя писатель приводит характеристики корабля и по-



«Титаник», столкнувшийся с айсбергом

дробности катастрофы. Длина лайнера 243 метра, водоизмещение 45 тысяч тонн, мощность двигателей 75 тысяч лошадиных сил, максимальная скорость 25 узлов, четыре трубы, три винта, две мачты... Приводит и такую деталь: «Непотопляемый, несокрушимый лайнер имел на борту значительно меньше шлюпок, чем предусматривалось морским правом...»

Заметим, что в 1898 году, когда роман вышел в свет, подобных кораблей в мире не было. Книга получилась не очень интересной, и о ней вскоре забыли. Но через 14 лет вдруг выяснилось, что писатель с большой достоверностью описал гибель «Титаника». Совпали почти все обстоятельства катастрофы и даже... опять-таки... фамилии некоторых пассажиров.

Беднягу-писателя хотели даже судить, да потом опомнились: а его-то за что?.. Напротив, его бы стоило поблагодарить за предсказание, да только кто к нему прислушался?..

Но вернемся к Эдгару По. Так вот, сравнительно недавно, спустя 100 лет после написания «Повести о приключениях...» в ней отыскалось и еще одно загадочное предсказание.

Когда уцелевшие после кораблекрушения моряки наконец добрались до берега, то их воображение поразил ручей с необычной водой. «Она отнюдь не была бесцветна, но и не имела и какого-то определенного цвета; она переливалась в движении всеми возможными оттенками пурпура, как переливаются тона у шелка, — описывает Эдгар По эту необычную воду

Иллюстрация О. Бердслея
к рассказу «Маска Красной смерти» Э. По

устами Артура Гордона. И далее: «...Набрав воды в посудину и дав ей хорошенько отстояться, мы заметили, что она вся расслаивается на множество отчетливо различимых струящихся прожилок, причем у каждой был свой определенный оттенок, что они не смешивались и что сила сцепления частиц в той или иной прожилке несравненно больше, чем между отдельными прожилками. Мы провели ножом поперек струй, и они немедленно сомкнулись, как это бывает с обыкновенной водой, а когда вытащили лезвие, никаких следов не осталось. Если же аккуратно провести ножом между двумя прожилками, то они отделялись друг от друга, и лишь спустя некоторое время сила сцепления сливала их вместе».

Доктор физико-математических наук, профессор А. С. Сонин, ознакомившись с этим описанием (книга, кстати, впервые была переведена на русский лишь в 1961 году), с удивлением отметил, что Эдгар По в подробностях описал свойства... жидких кристаллов. Они же, между прочим, были открыты лишь полтора века спустя после того, как писатель закончил свое повествование.

И это, кстати, не единственное произведение одного из самых загадочных писателей XIX века, где есть подобные прозрения. Например, в 1836 году он написал статью «Шахматный автомат Мельцеля», в которой раскрыл тайну знаменитого робота-игрока, как сказали бы мы сегодня. Эдгар По каким-то образом догадался,

что внутри «автомата» помещался настоящий живой игрок небольшого роста, и это именно он обыграл самого императора Наполеона и многих других знаменитостей.

Он же первый изобрел прием, которым затем воспользовались Герберт Уэллс и многие другие писатели-фантасты, — преподнес выдуманное им событие как реальность. Так, в рассказе **«История с воздушным шаром»** он в подробностях описал полет через Атлантику. В действительности такое событие состоялось лишь век спустя, но читатели безоговорочно поверили в мистификацию. Почему?

Федор Михайлович Достоевский (1821—1881)

Да потому что, как метко подметил **Ф. М. Достоевский,** «в его способности воображения есть такая особенность, какой мы не встречали ни у кого; это сила подробностей».

Эта же сила подробностей проявляется и в еще одном рассказе Эдгара По — **«Разговор с мумией».** В нем вообще немало удивительных намеков. Так, мумию оживляют с помощью электрического тока. Теперь, посмотрев телесериал «Скорая помощь», многие знают, что именно с

помощью электрического разряда действительно запускают вновь остановившееся сердце.

Далее, ожившая мумия указывает, что люди способны иногда впадать в длительный летаргический сон, что жизнедеятельность человека можно на время приостановить (ныне такая операция называется анабиозом) и что люди даже способны жить лет по восемьсот.

Увеличить продолжительность жизни ученые пытаются и по сей день. Пытаются они также и понять, каким же образом Эдгар По и некоторые другие авторы делали подобные предсказания. И вот до чего додумались.

Одна из самых необычных гипотез начинается ссылкой на древнегреческого философа Прокла. Некоторые исследователи предполагают, что одновременно может существовать множество миров, одинаковых по своей истории, но сдвинутых относительно друг друга во времени. И тогда, чтобы проникнуть в будущее (или прошлое), достаточно «заглянуть» в нужный параллельный мир...

Известный журналист и писатель Виталий Правдивцев считает, что такие способности есть у многих, но далеко не все об этом догадываются. Некоторые, правда, в затруднительных случаях полагаются на интуицию, другие — уповают на судьбу... Третьи, подобно А. С. Пушкину, чрезвычайно внимательны к приметам. Известно, например, что когда он собирался из Болдино ехать в Петербург, дорогу ему перебежал заяц. А в то время длинноухий считался

хуже черной кошки. Пушкин приказал вернуться и... не попал на Сенатскую площадь, где были его друзья-декабристы.

В наше компьютерное время некоторые ученые пытаются осваивать нетрадиционные способы прогнозирования будущего. Так, кандидат биологических наук Е. А. Файдыш считает, что современные математические методы и последние открытия физики «открывают ранее недоступные возможности настройки на разнообразные образы виртуального будущего».

Что из этого получится — покажет будущее.

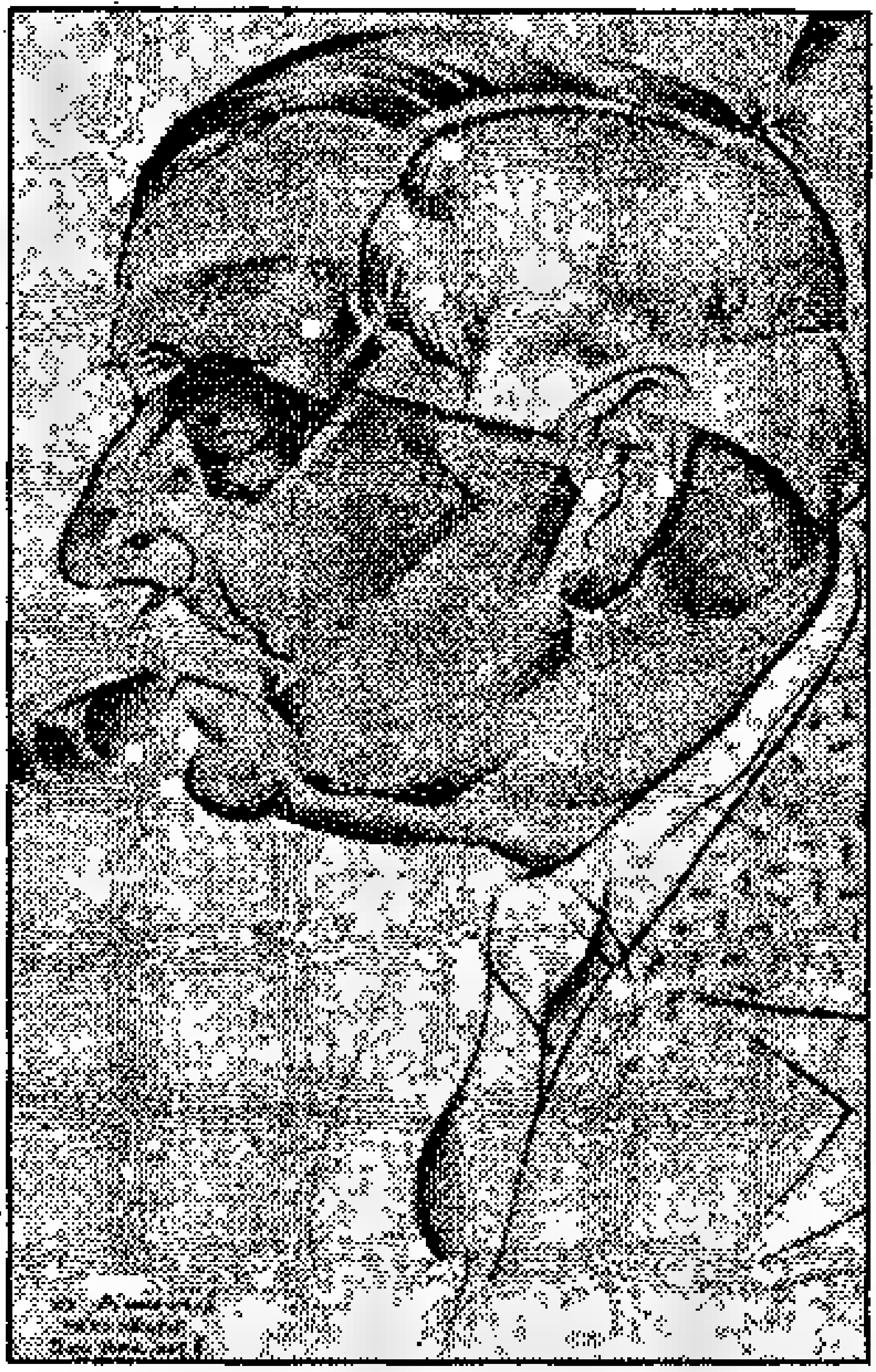
Во всяком случае, Эдгару Аллану По способности предсказателя счастья не принесли. Напротив, жизнь и судьба его оказались трагичны. Так что прав оказался Марк Твен, сказавший однажды, правда, совсем по другому поводу: «Остерегайтесь делать прогнозы, особенно если они относятся к будущему».

РАЗВЕДЧИК БУДУЩЕГО

Еще при жизни английского писателя-фантаста **Герберта Джорджа Уэллса** бытовала такая легенда. Дескать, он сам — заблудившийся путешественник во времени. Его машина времени отказала, вот он и остался в XIX веке. И принялся описывать хорошо ему известное будущее.

Однако на самом деле Г. Уэллс родился в 1896 году невдалеке от Лондона, в маленьком

городке Бромли. Его отец был владельцем посудной лавки, в которой продавались также принадлежности для игры в крикет. В молодости отец сам подрабатывал, участвуя в матчах крикетистов, но, сломав ногу, должен был отказаться от этого занятия и стал садовником.



Герберт Уэллс (1866—1946)
Рис. Ю. Анненкова

Однако и лавка, и садоводство приносили столь малые доходы, что мать будущего писателя вскоре после рождения сына вновь была вынуждена поступить экономкой в поместье, где до своего замужества служила горничной.

Так что мальчиком никто особо не занимался. И начальное образование он получил в частной школе в Бромли, весьма похожей, по его собственным словам, на захудалые учебные заведения, описанные в свое время Чарлзом Диккенсом. На восьмом году жизни с ним произошло такое же несчастье, как и с отцом: он сломал ногу и на долгое время оказался прикован к постели.

Единственное, что он мог делать, так это читать. И юный Герберт с головой ушел в чтение. В своем «Опыте автобиографии», опубликованном на склоне лет, он вспоминает среди книг, особенно поразивших его воображение, «Приключения Артура Гордона Пима» Эдгара По, «Парижские тайны» Эжена Сю, а также... труды по вопросам истории, геологии и естествознания. Этими областями знаиия он потом и занимался, став взрослым.

Впрочем, до занятий литературой было еще далеко. Сразу же после школы Герберт был определен учеником в магазин. Затем некоторое время работал в аптеке, урывками изучая латынь и посещая среднюю школу. Затем вновь оказался за прилавком мануфактурной лавки.

Дальнейшие перспективы казались безрадостными. Два его брата со временем стали торговцами мануфактурой, но Герберта это не прельщало. Его угнетало унылое однообразие будней. Тогда он решил самостоятельно подготовиться к экзаменам на звание помощника учителя. Вскоре он успешно их сдал и начал работать в школе.

Это место было лучше, чем работа в лавке, но вскоре и оно перестало устраивать будущего писателя. Ему удается заинтересовать своей особой попечительский совет школы и получить право на стипендию для дальнейшего обучения.

Так он стал студентом Империал-колледжа и уехал в Лондон. Основная сфера его интересов в колледже — естественные науки. Гер-

берт Уэллс занимается физиологией, анатомией, биологией; слушает лекции и работает в лаборатории Гексли — одного из крупнейших ученых-физиологов тех лет.

Однако напряженные занятия при крайне скудных средствах подорвали здоровье Уэллса. В 1887 году врачи обнаружили у него симптомы туберкулеза. Несколько месяцев ушло на лечение.

Лежа в постели, Уэллс снова читает, а затем пробует и сам писать. Уже первая его работа — повесть **«Аргонавты хроноса»** была опубликована в 1888 году.

Однако ни критиков, ни самого Уэллса ее качество не устраивает. И со временем этот же сюжет будет переработан в первый роман Уэллса — всем известную **«Машину времени»**. Он выходит в свет в 1895 году и приносит начинающему писателю первый успех.

В промежутке между этими двумя публикациями Герберт Уэллс успел сделать еще многое. Выздоровев, он успешно сдал экзамены в университете и начал работать школьным учителем. В 1891 году он женился на своей двоюродной сестре, но брак оказался неудачным и вскоре распался.

Отчасти это произошло по вине самого Уэллса, который объявил себя поборником теории свободной любви, на что в консервативной Англии смотрели весьма косо.

Через некоторое время Уэллс женился второй раз, более удачно, и продолжал работать,

много и плодотворно. До начала Первой мировой войны из печати выходят его романы **«Остров доктора Моро»** (1896), **«Человек-невидимка»** (1897), **«Война миров»** (1898), **«Когда спящий проснется»** (1899), **«Первые люди на Луне»** (1901), **«Пища богов»** (1904), **«Война в воздухе»** (1908) и другие.

Уэллс становится признанным писателем-фантастом. Одновременно он пробует свои силы и в написании бытовых романов, в которых критики отмечали связи с диккенсовской традицией. Однако «Любовь и мистер Льюишем» (1900), «Киппс» (1904), «История мистера Полли» (1910), «Жена сэра Айзека Хармана» (1914) и другие произведения бытового жанра все же пользовались меньшим успехом у читателей, и со временем были благополучно позабыты.

Впрочем, и в фантастических романах Уэллс не только рассказывает о необыкновенных открытиях, но и размышляет о быте будущего, социальном устройстве грядущего общества. Так, в «Машине времени» и «Борьбе миров» обрисовывается довольно мрачная картина, когда научные открытия и технические достижения обратятся против человека и человечества.

В «Машине времени» герой совершает полет в далекое будущее. Во время полета он представляет себе людей будущего счастливыми и радостными. Но на деле видит совершенно иное. Они, как и его современники, разделены на два лагеря — элоев и морлоков.

Грациозные, изящные элои живут на поверхности земли, наслаждаются солнечным светом, красотой природы, а в это самое время глубоко под землей трудятся обезьяноподобные существа — морлоки. Непосильный труд согнул их спины, подавил разум, темнота подземелья лишила их зрения. Они уже не похожи на людей.

Но и элои тоже деградировали, ведя существование, лишенное смысла. Они превратились в беззащитных и ничтожных существ, всецело зависящих от морлоков. А те по ночам выбираются из-под земли и пьют кровь элоев. Так противоречия между теми, кто трудится, и теми, кто живет трудом других, были доведены Уэллсом до предела.

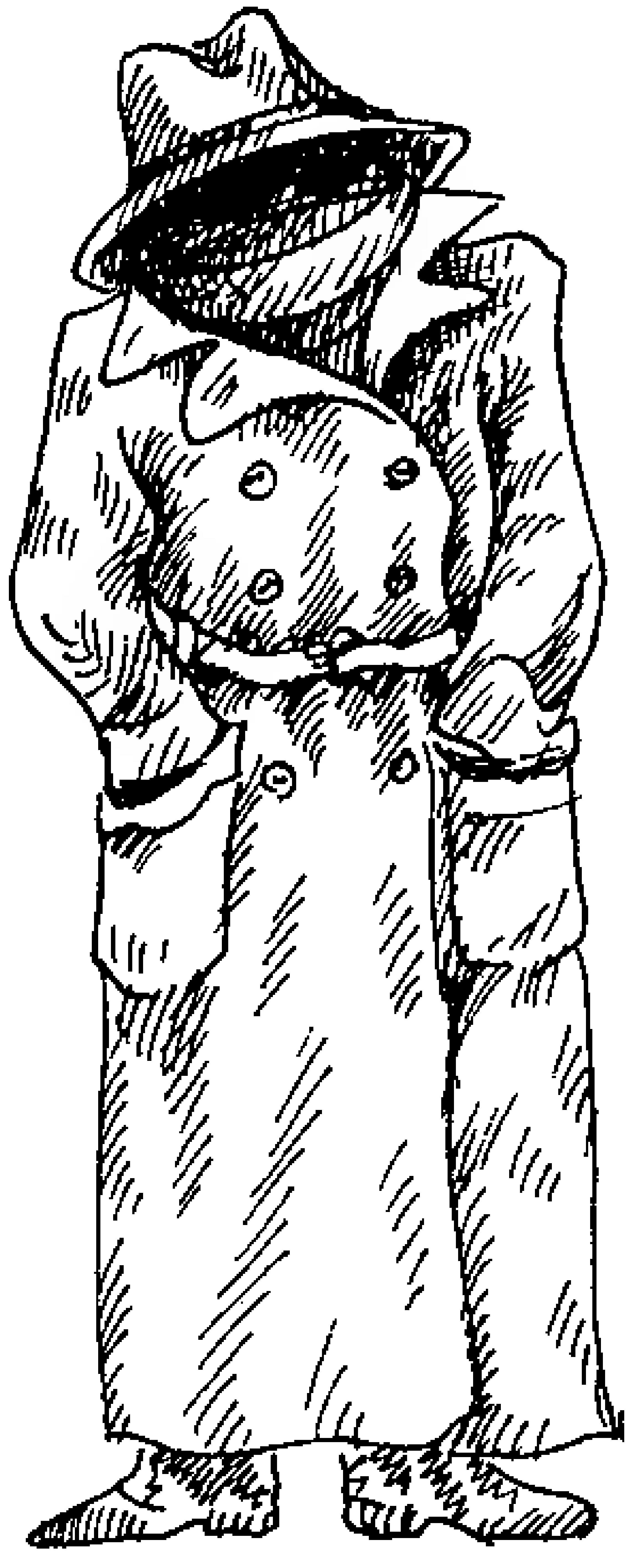
В «Борьбе миров» речь идет о нападении марсиан на Землю, на жителей Англии. Марсиане намного опередили землян в развитии техники. Они изобрели межпланетные снаряды и достигли с их помощью Земли. Но отнюдь не для того, чтобы нам помочь. С помощью тепловых лучей они уничтожают города, леса, всякую живность. Спокойно и планомерно осуществляется истребление человечества.

Марсиане сами превратились в усовершенствованные машины. Они свободны от переживаний, от чувств, обходятся без сна, работая по 24 часа в сутки.

Уэллс пишет, что и люди со временем уподобятся марсианам: «Мы с нашими велосипедами, коньками, пушками, ружьями и т. д.

только начинаем ту эволюцию, которую марсиане уже проделали». И только случай спасает человечество: кровожадные пришельцы оказались бессильны перед вирусом гриппа.

Этот же принцип сочетания фантастики с бытовыми реалиями использован в романе «Человек-невидимка». После многих лет научных изысканий ученый Гриффин открыл секрет превращения человека в «невидимку». Он полагает, что став невидимым, приобретет огромную власть над людьми. Однако на деле все получилось иначе. Чтобы его не заметили, он вынужден ходить голышом во всякую погоду. Но все же дождь и снег, дают возможность обывателям обнаружить его по следам и блеску воды на коже. Гриффина травят, словно экзотического зверя, и в конце концов он погибает.



В романе «Первые люди на Луне» рассказано о полете на Луну жителей Земли — исследователя Кейвора и писателя Бедфорда, от лица которого и ведется повествование. Кейвор создал вещество, «непроницаемое для всех форм лучистой энергии» и благодаря этому свойству «преграждающее вли-

яние притяжения», т.е. создающее невесомость. Двое землян поднимаются ввысь и летят «так же быстро, как снаряд, пущенный в бесконечное космическое пространство».

Когда они опускаются на поверхность Луны, обилие и вид местных богатств кружат Бедфорду голову, он мечтает о создании акционерного общества и личном обогащении. А Кейвора беспокоит совсем иное: «Правительства и державы, проникнув сюда, будут воевать из-за лунных территорий... Если я разглашу мой секрет, планета... очень скоро будет усеяна трупами».

В романе «Пища богов» речь идет об изобретении особой субстанции, содействующей быстрому росту живых организмов, превращению людей в гигантов. И здесь же ставится во-

прос о судьбе такого открытия. Как складываются отношения появившихся гигантов — Детей Пищи — с обществом? «Мы появились слишком рано... Мир был совсем не готов к нашему приходу и даже к появлению менее значительных гигантов, которых породила Пища», — говорит ученый Редвуд. Дети-гиганты оказываются в трагическом положении, хотя они и «чувствуют в себе необъятные силы для великих дел». Научное достижение оборачивается бедствием.

Наука не всегда ведет к благу. Эта точка зрения Герберта Уэллса со временем укрепляется, когда он видит, к чему ведут свой народ большевики в одной стране и фашисты — в другой. И если в книге **«Россия во мгле»**, написанной после поездки в Советскую Россию, Уэллс называет Ленина «кремлевским мечтателем» и просто не верит, что обрисованные ему планы когда-нибудь претворятся в жизнь, то к фашизму его отношение еще более негативное. В 30-е годы Уэллс занял активную антифашистскую позицию, в годы Второй мировой войны выступал за всемерную поддержку СССР.

Характер фантастики в произведениях Уэллса этих лет заметно меняется. «Кому интересны причуды мистера Парэма с улицы Уайт-Холл, когда мы ежедневно можем наблюдать г-на Гитлера в Германии? — писал он в 1934 году. — Реальность принялась подражать моим книгам и готова заменить меня».

В **«Самовластии мистера Парэма»** описан воображаемый фашистский переворот в Англии. В **«Игроке в крокет»** осуждается политика невмешательства в войну в Испании. Образ «игрока в крокет» — это образ обывателя, становящегося пособником фашизма. «Пусть мир идет ко всем чертям! Что бы там ни было, но в половине первого я играю с тетушкой в крокет!» Безымянный «игрок в крокет» опасен своей мнимой аполитичностью, которая оказывается в действительности орудием реакционных сил.

В произведениях писателя усиливается сатирическое начало, идущее в английской литературе от Свифта. В романе **«Бэлпиигтои из Блэпа»** рассказана история человека, сознательно приходящего к фашизму и принимающего его. Главный герой лишается своего человеческого достоинства, приспосабливается к обстоятельствам, оправдывает реакцию, становится защитником устанавливаемых ее силами порядков. И в итоге он провозглашает тост за начало войны, которая принесет гибель и ему самому.

Писатель дожил до конца Второй мировой войны, увидел, как члены антигитлеровской коалиции общими усилиями сломали хребет нацистскому зверю. Уэллс умер в 1946 году. А его книги продолжают жить и по сей день. И вот почему.

Творчество Уэллса оказало большое влияние не только на развитие современной на-

учной фантастики — его идеи ощущаются в творчестве А. Кларка, А. Беляева, И. Ефремова, братьев Стругацких. Изобретения Уэллса по сей день продолжают интересовать ученых-исследователей.

Так, проблема создания искусственной пищи несколько десятилетий разрабатывалась в СССР под руководством академика А. Н. Несмеянова. В своей книге «Пища будущего», написанной совместно с профессором В. М. Беликовым, академик рассказал, какими способами можно осуществить мечту Уэллса, что уже сделано и что еще предстоит сделать.

Только что, летом 2001 года, американскими учеными была открыта отрицательная гравитация. Если это открытие подтвердится, появится реальная возможность путешествий в космос по рецепту Кейвора — героя романа Уэллса.

Продолжаются работы по созданию невидимости. Уже получена специальная жидкость, позволяющая делать на некоторое время прозрачными конверты и прочие бумажные и хлопчатобумажные вещи. Недавно в газетах писали о прозрачном хомячке, которого сделали таким исследователи США. Несколько лет назад наши исследователи запатентовали этакую «шапку-невидимку» — устройство, позволяющее сделать невидимым даже огромный самолет.

Принципиальную возможность путешествия во времени теоретически доказали россий-

ский исследователь И. Новиков и его американские коллеги. В общем, дело за малым: осталось изготовить машину времени и отправиться в путешествие...

И вполне справедливо, что во время торжеств, посвященных 100-летию со дня рождения писателя, кто-то из журналистов назвал Г. Уэллса разведчиком будущего. Его идеи и мечты постепенно начинают осуществляться.

ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЙ КЛАРК

Известный британский писатель **Артур Кларк** — литератор со странностями. И дело, похоже, не только в его весьма почтенном возрасте — он родился в 1917 году. И даже не в его добровольном затворничестве — еще в 1956 году он оставил туманный Альбион и с тех пор практически безвылазно живет на далеком острове Шри-Ланка.

Уникальность писателя прежде всего в том, что он обладает даром предвидения. Впервые он открыл свой талант, когда в конце 40-х годов предсказал появление космических спутников связи и даже определил их будущую орбиту. До сих пор в космических кругах вместо привычного термиша «геостационарная орбита» иногда говорят «орбита Кларка».

Впрочем, сам Кларк не любит, когда его называют пророком. «Я не пророк, а экстраполятор», — говорит он о себе, подчеркивая, что

его предсказания появляются не благодаря высшим силам, но благодаря силе разума.

Так или иначе, но Артур Кларк продолжает делать поразительные прогнозы. Он был первым, кто предсказал возможность тотального сбоя в работе компьютерных систем, ныне известного как «Проблема 2000». Ему же принадлежат прогнозы о всеобщем развитии компьютерной техники, пагубном влиянии промышленности на экологию планеты и т. д.

Кларк верит, что со временем человечество перейдет на новую ступень эволюции. Тогда станет возможным не только появление экстрасенсорных способностей у всех и каждого, но даже физическое перерождение людей. Они сольются с Космическим Разумом и навсегда покинут Землю, которая, как убежден писатель, служит для нас своего рода детским садом.

Сочинять фантастические рассказы Кларк начал еще в школе. Тем не менее в журналисты или литераторы он не пошел, а поступил на физико-математическое отделение Лондонского университета, которое закончил с отличием. Занимался инженерной деятельностью. В годы Второй мировой войны служил в военной авиации, принимал участие в наладке первой радарной установки на Британских островах.

Печататься начал лишь после войны, в 1947 году, когда ему исполнилось уже 30 лет. Но зато быстро добился признания. Уже за первые романы о космосе он был награжден

премиями Небьюла и Хьюго. За научно-популярные книги и статьи международная организация ЮНЕСКО — подразделение Организации Объединенных Наций, которое занимается культурой, — наградило его премией Калинга.

На первый взгляд кажется, что Артур Кларк пошел по стопам своих предшественников — Жюля Верна и Герберта Уэллса. В его книгах есть и беллетризованная популяризация достижений науки, и легкий юмор, и плакатные, упрощенные образы героев, воплощающих идеалы добра. Однако он вовсе не стал затворником, как Жюль Верн, или снобом, как Герберт Уэллс.

В 50-е годы Артур Кларк увлекся подводным плаванием и киносъемками жизни моря. Он даже переселился поближе к теплому морю и с 1956 года, как уже говорилось, живет в Республике Шри-Ланка, на Цейлоне, неподалеку от города Коломбо. Впрочем, и связи с родиной он не теряет — Кларк является членом Королевского астрономического общества Великобритании, в 40—50-е годы был председателем Британского общества межпланетных сообщений.

В 1964—1968 годах писатель начал работать в кино. Совместно с режиссером Стэнли Кубриком он создал сценарий фильма **«2001 год: космическая одиссея»** по своему же роману. Кинокартина, как и книга, имела большой успех.

Вскоре писатель был приглашен в США для участия в передачах о высадке американских астронавтов на Луну. В 1970 году он совместно с Н. Армстронгом, М. Коллинзом и Э. Олдрином выпустил документальную книгу **«Впервые на Луне»**.

Он и по сей день, несмотря на почтенный возраст, продолжает работать, выпуская книгу за книгой, а в промежутках между ними успевает публиковать статьи, очерки, эссе и интервью.

Последние десятилетия Кларка все более занимает проблема: откуда появился человек и что ждет человечество в будущем? Что (или кто) определяет его судьбу? Какие законы управляют Вселенной?.. В связи с этим особый интерес представляет роман **«Конец детства»**. Сюжет его вкратце таков. Власть на Земле захватывают пришельцы, наз[illegible]е «Высшими правителями», которые, в свою очередь, лишь исполняют повеления «Сверхразума». «Правители» превращают Землю в царство рационального порядка, изобилия и полного отсутствия насилия. Но вместо того, чтобы привести ко всеобщему благоденствию, сытая кормушка приводит к тотальному вырождению человечества. В финале наступает апокалипсис — взрыв планеты Земля и переход ее в энергетическое состояние. Все взрослые погибают, и лишь дети, еще не зараженные грехами родителей, вместе с освобожденными силами Земли смогут, предполагает Кларк, слиться с таинственным «Сверхразумом», стать его частью.

Такая коицепция кое в чем напоминает мечтания К. Э. Циолковского о будущем превращении нашей планеты в разумиое существо, питающееся космической энергией. Однако у Кларка вера в таииственные космические силы соединяется с ироиическим отношением к традиционным религиям. В итоге «правители» в романе имеют обличье дьяволов — черные крылья, рожки иа голове и т. д. Писатель полагает, что в каждой религии, будь то христианство, мусульманство или буддизм, есть свое рациональное зерио — это отзвук тех представлений о космических пришельцах, которые сохранились в памяти первобытных людей.

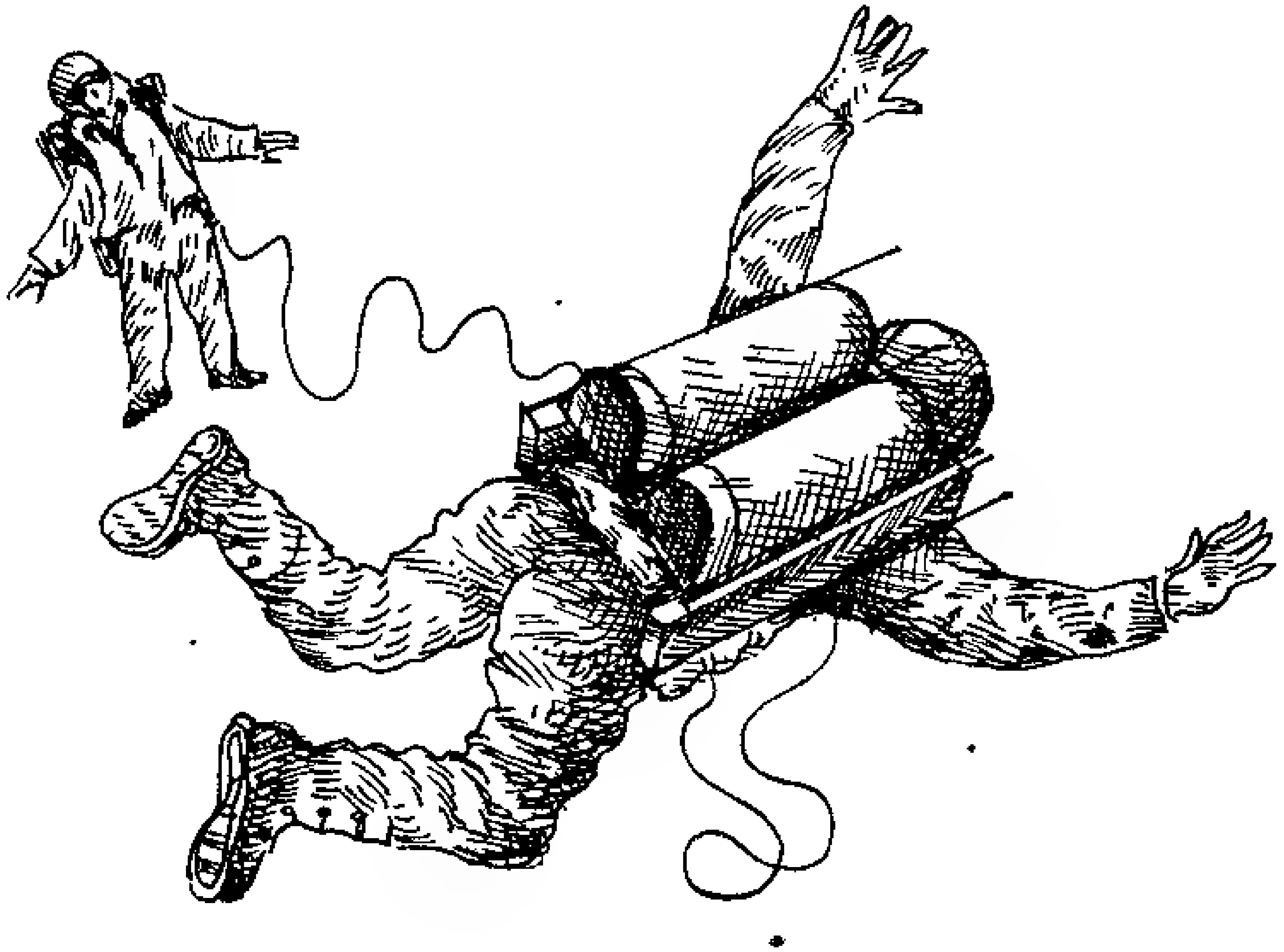
К.Э. Циолковский (1857—1935)

Проблема общения с Высшим Разумом так или иначе освещается и в других произведениях фантаста.

В романе «2001 год: космическая одиссея» появлеиие человека на Земле связывается с воздействием на первобытных обитателей нашей планеты таинственного Луниого Камия — гигантского кристалла-компьютера ТМА-1. Это он учит их уму-разуму.

Через три миллиона лет, в 2001 году, этот Лунный Камень, полагает писатель, возобновит свое взаимодействие с ранее созданным им человечеством. Космонавт Дэвид Боумен, отправляющийся в дальнюю космическую экспедицию, чувствует себя «Чрезвычайным и Полномочным Послом всего Человечества», призванным разгадать загадку Камня — гигантского параллелепипеда, обнаруженного в окрестностях Юпитера. Преодолев множество препятствий, в том числе и схватку со «взбесившимся» роботом, герой как бы попадает внутрь Камня, который оказывается устройством, способным порождать космические тела и даже планетные системы, или, как представляется герою, «гигантом, играющим с планетами».

Боумен и сам познает некие высшие тайны Вселенной, превращается во всемогущее суще-



ство. Однако «хотя сейчас он был хозяином мира, он не совсем был уверен, что делать дальше. Но он придумает что-нибудь». Такой нотой осторожного оптимизма заключает писатель свое повествование.

Интересно, что, рассуждая о далеком будущем, Артур Кларк всегда пытался одновременно повлиять своим творчеством и на порядки современного ему общества. Так, первая публикация второй части «Космической одиссеи» привела к скандалу в СССР, поскольку была посвящена космонавту А. Леонову и академику А. Сахарову, находившемуся тогда в ссылке, а в списке экипажа космолета то и дело встречались фамилии диссидентов, которых ЦК КПСС старался изгнать из страны. Впрочем, справедливости ради укажем, что в третьей части писатель осуждает также и экстремистов из «Соединенных Штатов Южной Африки» за терроризм, распространяемый в межпланетном масштабе.

Писатель всегда с большим интересом следил за тем, что происходит в нашей стране, подхватывал интересные идеи, выдвигаемые нашими специалистами. Так, в **«Фонтанах Рая»** он, опираясь на идею советских ученых И. Арустанова и Г. Полякова, рисует картину создания «космического лифта», а затем и целого «ожерелья Земли», состоящего из цепи спутников, висящих над планетой.

«Империя Земли» — еще одна вариация писателя на тему игры космоса с человечеством. Кларк показывает, что человечество не мо-

жет остановиться в своем развитии, оно должно все время совершенствоваться. Иначе его ждет деградация. Об этом говорят комические образы «Дочерей Революции» — наследниц идей Ленина, Мао и некоего Балунги. Им противопоставлена фигура главного героя романа, Дункана Макензи, жителя планеты Титан. Совершенствуя свой разум, он чувствует, что по-своему, «в своем малом масштабе играет в бога».

И наконец, многотомный роман «Свидание с Рамой». В нем снова анализируется ситуация двойного конфликта: человечество, расселившееся в XXII веке по разным планетам Солнечной системы, вместо того чтобы объединиться перед неведомой космической опасностью, продолжает жить в мелких дрязгах. Каждый тянет одеяло на себя, мнит себя хозяином положения, жаждет управлять другими. А в результате именно недооценка ситуации, враждебное отношение к «Раме» — гигантскому космическому спутнику, вошедшему в Солнечную систему, — чуть не приводит ко всеобщей катастрофе.

По-своему писатель встретил и новое тысячелетие. Он позволил себе опубликовать прогноз, что нас ждет в скором и отдаленном будущем.

Итак, 2001 год: исследовательский аппарат «Галилео» обнаружит подтверждения существования жизни в океане на Европе, спутнике Юпитера.

2002 год: на рынок поступит первый низкотемпературный ядерный реактор для быто-

вых нужд. Люди постепенно откажутся от нефтяного топлива. НАСА отправит к Марсу автоматический корабль с марсоходом на борту (это предсказание, кстати, сбылось досрочно — такой планетоход был высажен на Красную планету в прошлом году).

2004 год: появится первый в истории клон человека.

2005 год: на Землю будут доставлены образцы марсианского грунта.

2009 год: в огне ядерного взрыва погибнет крупный город в одной из стран третьего мира.

2011 год: в Марианской впадине глубоководный аппарат снимет на кинопленку самое большое животное на планете — 75-метрового спрута!

2014 год: из отработанных ступеней «Шаттлов» начнется сооружение отеля на орбите Земли.

2019 год: в ледовый щит Северного полюса врежется крупный метеорит. В этом же году будет создан искусственный мозг.

2021 год: первый человек высадится на Марсе.

2023 год: из ДНК динозавров методом клонирования будет воссоздана древняя рептилия.

2024 год: в инфракрасном диапазоне удастся засечь осмысленные сигналы, идущие из центра Галактики.

2061 год: возвратится комета Галлея. На ядро кометы высадится группа космонавтов.

2095 год: появятся космические аппараты, развивающие скорости, близкие к скорости света.

2100 год: начало эры межзвездных перелетов.

Главным же своим предсказанием он считает вот какое. Человечество ныне стоит на пороге обретения биологического бессмертия. Вскоре наступит время, когда мозг каждого отдельного человека может быть «перегружен» в новый носитель, которым может стать другой организм или кибер.

«Механизм переноса» сходен с тем, как ныне происходит копирование сложнейших программ, перекачивание информации из блока памяти на чистую дискету, — говорит Кларк. — Причем скопированный интеллект может быть помещен и в клонированную форму человека, что обеспечит появление полной физиологической и интеллектуальной копии организма».

Сам же писатель в надежде вновь возродиться в форме клона предпринял нетрадиционную акцию. Прядь его волос будет отправлена в сторону Млечного Пути базирующейся в Хьюстоне (США) американской компанией «Встреча: 2001».

«Будет интересно, если когда-нибудь некая сверхцивилизация наткнется на космическую «посылку» и воспроизведет меня», — шутит Кларк. — И я вовсе не прочь побывать в другом времени».

МАСКА, Я ТЕБЯ ЗНАЮ?!..

Почему один литератор подписывает свои произведения собственным именем, а другой предпочитает псевдоним — придуманное имя? Для чего ему такое прикрытие?

Вариантов ответа на этот вопрос множество. Одним не нравится собственная фамилия и они выбирают нечто звучное — скажем, Корней Чуковский вместо Николай Корнейчуков. Другие вынуждены скрывать свое авторство от властей, поскольку понимают, что те за такие сочинения по головке не погладят — скажем, «Н. Ленин» был одним из псевдонимов революционера В. И. Ульянова, ставшего затем первым руководителем советского государства. Третьи вынуждены поступать так, поскольку фамилия уже занята старшим братом — скажем, так получилось с младшим братом С. Маршака — писателем М. Ильиным...

Впрочем, всех вариантов не перечесть. Поговорим хотя бы о некоторых.

КТО БЫЛ ШЕКСПИР?

Шекспир в переводе означает «потрясающий копьем». Однако, пожалуй, знаменитого поэта и драматурга правильнее было бы назвать «потрясающей тайной». В чем же заключается «потрясающая тайна» Шекспира, которая вот уже не одно столетие не дает спокойно спать шекспироведам многих стран? Какова же судьба этого известного всему миру человека?

Уильям Шекспир
(1564—1616)

Некий юноша, принц датского королевства, будучи в путешествии за границей, вдруг узнает, что его отец умер при довольно загадочных обстоятельствах. Он срочно возвращается домой, и тут его подозрения еще более усиливаются. Он обнаруживает, что отец был убит весьма изощренным способом — ему спящему ночью влили в ухо яд. А за самим юношей теперь установлена слежка, и каждую ночь можно ожидать визита наемного убийцы.

Чтобы хоть как-то обезопасить себя, юноша притворяется сумасшедшим и тайно проводит собственное расследование. В конце концов ему удается установить заказчиков преступления. Это его дядя Клавдий и собственная мать.

Но как изобличить убийц? Юноша пишет пьесу про убийство и ставит ее в придворном театре. Наблюдая во время представления за дядей, юноша видит, как тот побледнел. Клавдий изобличен и понимает, что его замысел раскрыт. Теперь уже охота за юношей идет в открытую. Убийца вызывает юношу на дуэль, смазав острие своей шпаги ядом. Но в пылу по-

единка противники меняются оружием. Убийца ранен. Он, понимая, что обречен, рассказывает юноше, как было совершено убийство. Тот жестоко мстит, но в конце концов гибнет и сам.

Трагедия завершается гибелью всех главных героев. Одно убийство повлекло за собой цепь преступлений.

Таков вкратце сюжет или, если хотите, либретто самой знаменитой пьесы Шекспира «Гамлет». Сюжет, конечно, закручен лихо, но «Гамлета» ценят в основном не за это, а за те талантливые стихи, которыми написана пьеса. Вспомнить хотя бы один знаменитый монолог Гамлета — «Быть или не быть, вот в чем вопрос»!

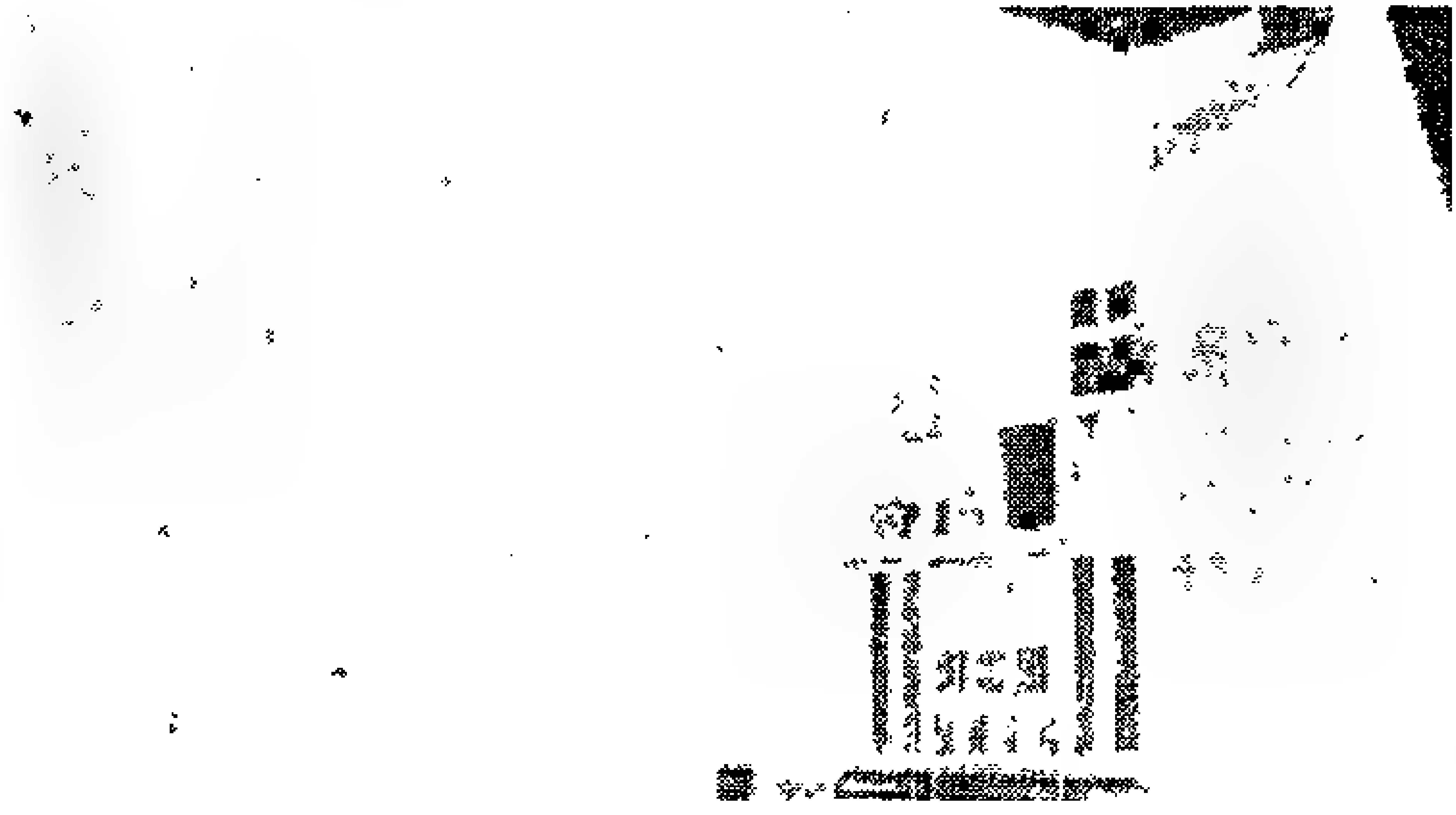
Литературоведы также утверждают, что в этой пьесе Шекспир не только показывает всю сложность человеческой сущности, но и задумывается над судьбой целого поколения. Гибнут все! «Сожжен на костре Джордано Бруно, сожжен приятель Рабле, издатель и просветитель Этьен Доле, запрятан в тюрьму великий ученый, надежда всего человечества Галилео Галилей...» — пишет по этому поводу литературовед С. Д. Артамонов и продолжает: «Новообретенный мир Нового Света стал ареной неслыханных злодеяний и надругательств над местными жителями ради серебра и золота».

Вот, оказывается, какие вселенские глубины можно усмотреть в сюжете про бытовое убийство.

Но мог ли в них погрузиться человек, после которого не сохранилось ни одной пьесы, ни одного сонета, ни одной строчки, которая была бы написана рукой маэстро... Так кто же был на самом деле автором пьес, которые приписывают Шекспиру?

Уже не один век исследователи ищут ответ на этот вопрос. Загадка Уильяма Шекспира основывается на гипотезе, предложенной и поддерживаемой многими литературоведами и историками, которые считают, что реальный человек — актер Шекспир — не мог быть автором столь многочисленных и знаменитых пьес и сонетов.

Достоверно о Шекспире известно немного. Он родился в Стратфорде-на-Эйвоне в 1564 го-



Дом, где предположительно родился Шекспир, в Стратфорде-на-Эйвоне

ду. Мы не знаем, грамотны ли были его родители и посещал ли школу он сам. Не подвергается сомнению тот факт, что Шекспир женился на Анне Хетуэй и стал отцом троих детей. Но неясно, что именно побудило Шекспира оставить спокойную, сравнительно безбедную жизнь, уехать из Стратфорда в Лондон и стать актером в театре «Глобус».

Тем не менее факт остается фактом: вскоре после появления Шекспира в театре труппа «Глобуса» стала пополнять свой репертуар драмами и комедиями, появлявшимися одна за другой и пользующимися большой популярностью среди зрителей. Дела театра пошли в гору, и в благодарность за это актера Шекспира сделали пайщиком, совладельцем театра.

Но почему тогда сам Уильям Шекспир относился к своему литературному наследию до-

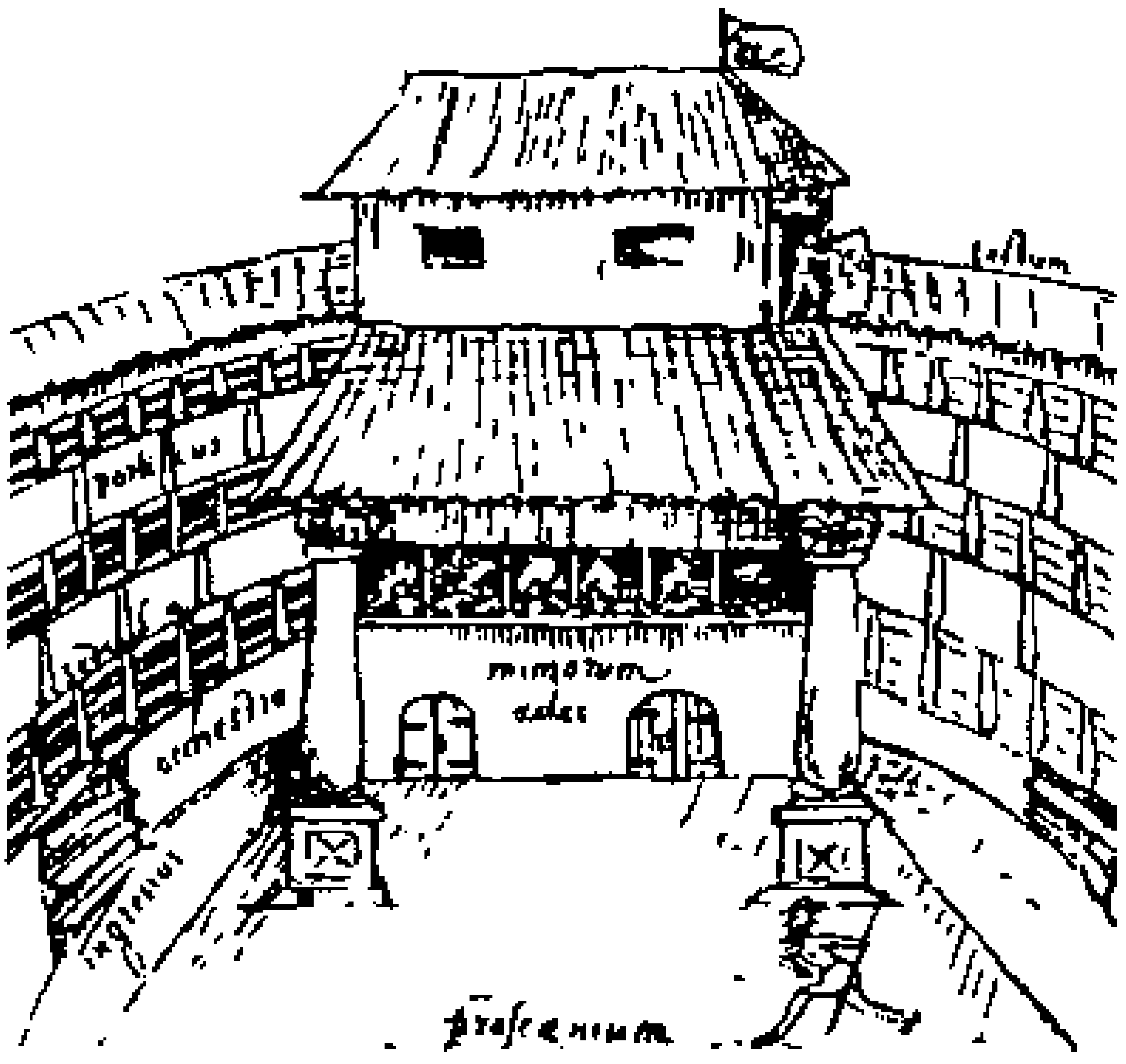
вольно безразлично? Установлено, что за несколько лет до смерти он вернулся в Стратфорд довольно богатым человеком. Приобретя дом и другую недвижимость, знаменитый драматург занялся... ростовщичеством.

А когда умер, то в своем завещании, где скрупулезно перечислялись самые незначительные вещи (например, «кровать поплоше»), не сделал почему-то абсолютно никаких указаний относительно рукописей и книг — основного, казалось бы, источника своего дохода.

Из этого факта противники авторства актера Шекспира, которых иногда называют анти-

В молодости Шекспир занимался браконьерством, за что представал перед законом

стратфордианцами, делают вывод, что у рукописей был другой хозяин — истинный автор-инкогнито. (Говорят, их было даже несколько.)



Интерьер театра «Глобус» в Лондоне. Рис. 1596 г.

Надо сказать, что для такого вывода есть немало оснований. Так, в доме Шекспира никто не видел книг. Это можно объяснить тем, что актер Шекспир был неграмотен и заучивал тексты своих ролей с голоса. Но как он тогда мог писать пьесы?

Обвинения в неграмотности строятся также и на том, что до нас не дошло ни одной рукописи Шекспира. А под разными юридическими документами стоят непохожие друг на друга подписи. Исследователи полагают, что они принадлежат нотариусам, которые подписывались вместо клиента. В то время так делали, если клиент был неграмотен.

Далее, никто из современников не написал ни одной элегии на смерть поэта и драматурга Шекспира, как это было принято в ту эпоху. Не упоминает имени Шекспира почему-то и актер Аллен, который отмечал в своем дневнике все мало-мальски значимые театральные события. И доктор Холл — зять Шекспира —

ни разу не упоминает в своих каждодневных записях о тесте как об авторе популярных пьес. Наконец, все портреты Шекспира написаны после его смерти и заставляют усомниться в подлинности и даже реальности изображенного лица.

Показательна в этом смысле и история памятника, поставленного на могиле Шекспира. Изображенный там человек совершенно не похож на скульптуру, воспроизведенную на рисунке, приложенном к первому собранию сочинений Шекспира, вышедшему в 1623 году. Судя по рисунку, первоначально скульптура представляла собой фигуру грузного бородача, прижимающего обеими руками к животу какой-то большой предмет, похожий на мешок.

Лишь в 1709 году, когда слава литератора стала всемирной, памятник претерпел изменения: вместо мешка у изображения Шекспира появилось перо в одной руке и лист бумаги — в другой.

Памятная доска во дворе датского замка Кронберг, где проходит ежегодный Гамлетовский фестиваль

Антистратфордианцы обращают внимание также на зага-

дочную фразу современника Шекспира, поэта Бена Джонсона, произнесенную им в связи с выходом первого собрания сочинений Шекспира: «Ты — памятник без могилы».

К могиле мы с вами еще вернемся. А пока давайте зададимся вопросом: «Если не Шекспир, тогда кто же был автором приписываемых ему произведений?»

Современное шекспироведение насчитывает более полусотни кандидатов на эту роль. В их список входит даже жена Шекспира — женщина деятельная и умная. Но в то время, дескать, было не принято, чтобы женщины занимались умственным трудом, а тем более писали пьесы и книги. Вот жена и попросила мужа «прикрыть» ее.

Впрочем, среди кандидатов-женщин есть и особы более именитые. Так, шекспировед Д. Э. Суит, например, полагает, что за мнимым авторством Шекспира укрылась... сама королева Елизавета I.

Эта версия основывается на миогочисленных намеках в сонетах Шекспира на политические события, которые могли волновать важного государственного деятеля, но не неграмотного актера-лицедея из театра «Гло-

Елизавета I (1533—1603)

бус». Суит также указывает на большое количество волевых напористых героинь в пьесах Шекспира, которые смело спорят и противодействуют слабовольным сомневающимся героям. В этом сочетании Суит видит очевидную аналогию с Елизаветой I и ее фаворитом графом Эссексом.

Кроме того, Суит обращает внимание на то, что Шекспир не написал элегии на смерть королевы. Для актера это естественно, а вот для знаменитого поэта того времени такой поступок непростителен. Кроме того, сразу после смерти Елизаветы I в 1603 году в творчестве самого Шекспира прослеживается явный спад.

Фрэнсис Бэкон (1561—1626)

Непонятным в этой версии остается лишь одно: зачем Елизавете I надо было прятаться за реальным человеком? Ведь проще было бы просто взять псевдоним...

Другой кандидат на роль автора пьес, приписываемых Шекспиру, — **Фрэнсис Бэкон** — великий философ и лорд-канцлер. Эта версия имеет массу поклонников, ибо лич-

ность Ф. Бэкона вполне соответствует представлению об авторе пьес как о признанном философе, получившем блестящее образование.

Свои суждения бэконианцы основывают на совпадении многих мыслей в записных книжках философа и пьесах Шекспира. Невозможно представить, чтобы простой актёр Шекспир мог быть знаком с записями лорда-канцлера Бэкона. Правильнее, как считают исследователи, предположить, что Бэкон сначала записывал свои мысли в записной книжке, а затем преподносил их зрителям «Глобуса» в высокохудожественной форме. Кроме того, утверждается, что если брать по определенной системе буквы из разных страниц первого издания произведений Шекспира, то получится фраза, подтверждающая авторство Ф. Бэкона.

Однако философ Бэкон прожил на 10 лет дольше Шекспира. Так что в данном случае герою нашего расследования вовсе не надо было бы бросать на склоне лет свое ремесло и возвращаться в родной город, чтобы заняться ростовщичеством.

Кроме того, новейшие изучения текстов Шекспира говорят о том, что их создатель не обладал такими уж глубокими познаниями. Например, он допускает много ошибок в географии, повторяя недочеты и промахи авторов дешевых изданий. Сомнительно, чтобы столь грубые ляпы мог допустить такой крупный ученый, как Фрэнсис Бэкон. Совпадения же некоторых мыслей в записных книжках одного и

пьесах другого могут быть объяснены тем, что многие трагедии Шекспира являются попросту переделками написанных и изданных ранее произведений. Они были наверняка знакомы и Бэкону.

Граф Оксфорд — еще один кандидат на авторство пьес — умер раньше Шекспира, в 1604 году. Интересно то, что достучавшийся до духа графа с помощью сеансов спиритизма Перси Аллен заявил, что все произведения, приписываемые Шекспиру, сочинены Оксфордом при участии Бэкона и некоторой помощи со стороны самого Шекспира. Это же вроде бы подтвердили духи философа и актера. Но, согласитесь, свидетельства духов не примет в качестве доказательств ни одна серьезная комиссия.

Куда более остроумная версия выдвинута Д. М. Максуэллом. Он полагает, что под именем

Шекспира скрывался министр двора **Роберт Сесил**, граф Солсбери. Годы его жизни близки к годам жизни Шекспира. Максуэлл нашел в сонетах намеки на физические недостатки автора, а известно, что Сесил был горбуном.

А вот по версии, выдвинутой Г. Джонсоном, получается, что пьесы Шекспира сообща писали члены католического подполья в Англии. Псевдоним «Шекспир» якобы взят отцами-иезуитами по созвучию с фамилией папы Андриана IV — единственного англичанина, возглавлявшего католическую церковь. Breakspeare («ломатель копий») был ими переделан в Shakespeare («потрясатель копий»).

Многие исследователи полагают, что внимания заслуживает гипотеза, согласно которой к написанию пьес Шекспира приложил руку **Вильям Стенли**, граф Дерби. Его инициалы W.S. совпадают с инициалами Шекспира. Кроме того, сохранились донесения иезуитского шпиона в Англии Джорджа Феннера отцу Парсону в Риме. Из них следует, что шпион пытался склонить английских аристократов к католическому заговору против Елизаветы I и надеялся на участие в нем графа Дерби. Но потом понял, что это тщетно, поскольку «граф Дерби занят ныне только писанием комедий для простых актеров».

В авторы по крайней мере части пьес, приписываемых Шекспиру, исследователи выдвигают и великого драматурга **Кристофера Марло**, трагически погибшего в 1593 году.

О его причастности к нашему расследованию говорят хотя бы такие факты.

Биография Марло почти столь же бедна достоверными сведениями, как и биография Шекспира.

Известно лишь, что сын сапожника из Кентербери, Марло окончил Кембриджский университет, где получил степень магистра. Будучи еще студентом, он стал агентом секретной службы. Выполняя секретные поручения, объездил всю Европу, где выдавал себя за протестанта, перешедшего в католическую веру.

Впоследствии Марло оставил секретную службу и примкнул к обществу вольнодумцев, которым руководил ученый и мореплаватель Уолтер Реши. Однако деятельность этого общества вскоре была раскрыта. И 20 мая 1593 года его члены предстали перед Тайным советом. Однако Марло, к удивлению многих, арестован не был.

Впрочем, через десять дней он погиб при странных обстоятельствах. Говорят, был убит ударом ножа, обезобразившим его лицо до неузнаваемости. Случилось это в селении Дептфорд, недалеко от Лондона, во время карточной игры. Причем партнерами Марло были известный карточный шулер Инграм Фризер, вор Николас Скирс и правительственный шпион Роберт Пули.

Однако непонятно, как это Марло позволил себя втянуть в игру с шулером? Как он вообще оказался в столь малопочтенной компа-

нии? Почему убийца Фризер был помилован через месяц после случившегося? И каким это образом человек умер от раны, которая по сути не является смертельной (последнее доказали исследования современных экспертов)?

По предположению сторонников авторства Марло, драматург опасался нового вызова в Тайный совет, грозившего ему, возможно, пытками. Поэтому было инсценировано его убийство, для чего покровитель Марло Томас Уолсингем (брат умершего к тому времени руководителя секретной службы) привлек секретных агентов Пули, Фризера и Скирса. Следствию, как предполагается, был предъявлен труп неизвестного человека (рана в лицо затруднила опознание трупа), а Марло пережидал опасное время в имении Уолсингема. Затем он тайно уехал на континент и на протяжении многих лет посылал в Англию пьесы, где они ставились под именем Шекспира.

...В общем, вопрос, кому принадлежат пьесы Шекспира, так и остается открытым. А исследователи продолжают свое дело и время от времени удивляют нас новыми неожиданными открытиями.

ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА ЖЮЛЯ ВЕРНА

О знаменитом французском писателе-фантасте написано и сказано едва ли не больше, чем написал он сам. В основном все указывают

на то, каким замечательным прогнозистом оказался **Жюль Верн**: и широкое распространение электричества предвидел, и появление телевидения предугадал, и развитие авиации предсказал...

Поэтому давайте мы с вами поговорим о другом — о последней тайне Жюля Верна, которую мир разгадывает до сих пор. Ее разгадка, возможно, кроется в недавно впервые опубликованном романе-предсказании (да-да, тут нет никакой ошибки — произведение это увидело свет в 1994—1995 годах), где сделана попытка предсказать, каким станет мир через сто лет.

Жюль Верн (1828—1905)

Книга эта называется **«Париж в XX веке»**. В ней описывается, какой виделась французская столица маститому писателю в 1960 году.

Если вы еще не читали ее, то и не торопитесь: скорее всего, вас постигнет разочарование — этому роману весьма далеко, скажем, до **«20 000 лье под водой»**. И хотя в предисловии говорится, что он «не столь уж отличается в литературном отношении от других», вы вскоре сами убедитесь: отличия есть, и весьма существенные. Роман откровенно слаб, его по-

просту неинтересно читать. Это же, кстати, сказал автору в свое время и издатель Этцель: «Вы не созрели для этой книги, вы ее переделаете через двадцать лет».

Но Жюль Верн не переделал. Более того, роман считался настолько безвозвратно потерянным, что внук писателя Жан Жюль Верн даже не упоминает о нем в своей книге, изданной в 1973 году.

Впрочем, может быть, роман не упомянут потому, что его в тот момент вовсе не было?

Выдвинуть столь необычное предположение нас заставляют вот какие факты.

Известно, что последние годы жизни Жюля Верна-старшего, умершего 24 марта 1905 года в Амьене, в возрасте 77 лет, были омрачены диабетом — тяжелой болезнью, которая отнимала силы и не давала возможности засесть за любимые рукописи. Кроме того, давало о себе знать некогда полученное ранение. Так случилось, что в Жюля Верна стрелял его психически больной племянник. Пуля застряла в тазобедренной кости, и писатель едва мог ходить — по сути, он стал инвалидом.

На страдания физические налагалась и боль душевная, которую в течение многих лет причинял писателю его сын Мишель. Мальчик с раннего детства был непослушен, капризен и всех в доме изводил постоянными требованиями сладкого или еще чего-нибудь.

Известен случай, когда выведенный из себя громким ревом Мишеля, отец оторвался от

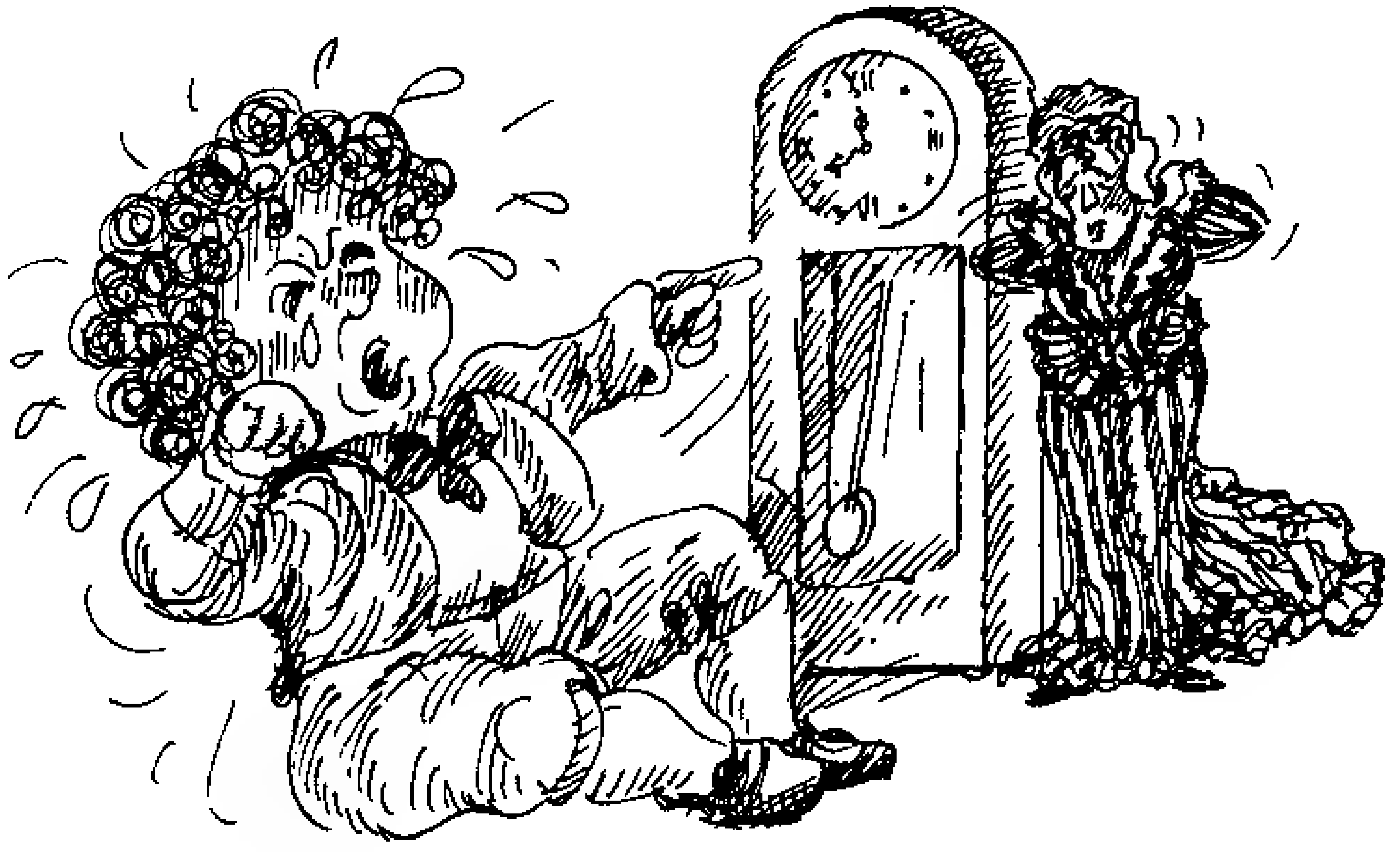
рукописи и вышел из кабинета узнать, что случилось. Жена Онорина развела руками:

— Мальчик просит маятник от старинных часов в гостиной.

— Отдайте ему маятник вместе с часами, только пусть уймется! — приказал Жюль Верн.

Однако даже получая требуемое, Мишель не унимался. С возрастом его аппетиты росли, вскоре он стал притчей во языцех во всех окрестностях. За годы учебы его неоднократно изгоняли из многих школ, пансионов, и даже в частном исправительном доме он смог продержаться всего восемь месяцев.

В 17 лет Мишель был отдан в лицей Нанта, однако за «преждевременную испорченность» его вскоре исключили и оттуда. Администрация города даже сочла необходимым дать писателю совет: надо препроводить сына на некоторое время в городскую тюрьму, чтобы он мог хотя бы там поразмыслить о последствиях своих поступков.



Отец на это не пошел, но отправил сына с глаз подальше — пристроил учеником лоцмана на корабль, отплывавший в Индию. Юноша с удовольствием проветрился, но через восемь месяцев, загорелый и просоленный, вернулся под родительский кров. И... принялся за старое.

Работать он и не думал, занимался одними лишь развлечениями, быстро влез в долги, а в дополнение ко всему еще и объявил отцу, что намерен жениться на актрисе из местного театра.

Молодая пара тут же обзавелась двумя детьми, и они «уселись на шею» Жюлю Верну уже вчетвером. Мало того, вскоре Мишель решил развестись и женился вторично, обзаведясь третьим ребенком.

Повторный брак, впрочем, несколько остепенил Мишеля. По совету жены он занялся музыкой и вскоре, к удивлению всех, сочинил оперу! Она (правда, на деньги отца) была поставлена на сцене и даже получила кое-какие отклики. Критики, например, заявили, что музыка «походила одновременно и на Россини, и на Оффенбаха». Однако это не смутило новоиспеченного композитора. В его голове уже роились новые честолюбивые планы.

Он бросил сочинять музыку и сказал отцу, что теперь пойдет по его стопам и попробует свои силы на литературном поприще. Но когда, опять-таки с помощью Верна-старшего, он опубликовал несколько опусов в издательстве Этцеля, оказалось, что и тут публика не жаждет одарить Мишеля своей благосклонностью.

Тогда он загорелся новым увлечением — кинематографом. В короткий срок снял несколько фильмов по романам отца, и... снова прогорел.

Так и пошло: сын затевал какое-нибудь дело, а отец оплачивал убытки. Так было, когда обанкротилась велосипедная фабрика, разорилось горнорудное предприятие, с треском лопнула компания по изготовлению калориферов...

В общем, на закате жизни Жюль Верн в письме к брату подвел печальные итоги: «Я потерял из-за него 200 000 франков, и воспитание трех его мальчиков целиком ложится на мои плёчи. Что и говорить, конец мой печален...»

Тем не менее он оставил завещание, в котором указал, «чтобы все мои рукописи, все мои книги, мои карты, моя библиотека, мои бумаги, все без изъятия, включая ноты, черновые наброски и т. д., немедленно перешли в полную и безраздельную собственность моего сына Мишеля Верна».

Когда отец умер, Мишель понял, что отныне «спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Тем более что сводные сестры — падчерицы Жюля Верна — наотрез отказались что-либо ему выделить из общего наследства.

Впервые в жизни Мишель крепко призадумался. И нашел, как ему показалось, блистательный выход из положения.

В год смерти отца ему было чуть более сорока лет. Окружающие говорили, что он удивительно походил на своего родителя в том же

возрасте, и это сходство натолкнуло его на мысль. Он засел за изучение бумаг и рукописей отца, и вскоре выступил в прессе с сообщением, что обнаружил в архиве Жюля Верна романы, которые тот не опубликовал при жизни.

Таких романов оказалось восемь, и Мишель перечислил их названия, стараясь заинтриговать почитателей великого фантаста: **«Маяк иа краю света»**, **«Золотой вулкаи»**, **«Агентство Томпсон и К°»**, **«В погоие за метеором»**, **«Дуиайский лоцман»**, **«Кораблекрушение «Джоиатаиа»**, **«Тайиа Вильгельма Шторица»** и **«Удивительиые приключения экспедиции Барсака»**. Была еще небольшая повесть «Вечный Адам», к которой позже Мишель добавил сборник новелл «Вчера и сегодия».

И вот перечисленные произведения одно за другим стали выходить в издательстве Этцеля-

младшего (старший Этцель, в свое время подсказавший Жюлю Верну идею писать романы-триллеры, к тому времени уже умер). И печатались они вплоть до 1920 года!

Однако с выходом в свет каждого нового произведения в обществе поднимался все больший шум. Читатели, мягко говоря, не узнавали руки своего кумира. Поползли слухи о мистификациях: сын, дескать, в надежде подзаработать дописывает (а то и пишет) произведения за отца.

Назревал скандал, и Этцель-младший, припертый к стене, был вынужден показать контракт, заключенный с Мишелем Верном. Там черным по белому было прямо написано, что сын может перерабатывать рукописи отца как полноправный соавтор. Основанием к этому служило то обстоятельство, что он, дескать, неоднократно обсуждал с отцом сюжеты многих романов. Издатель продемонстрировал и некоторые тексты, которые были напечатаны на пишущей машинке Жюля Верна, но правлены рукой Мишеля.

Шум после этого, как ни странно, несколько поутих. Видимо, читатели резонно рассудили: читали же они после Дюма-отца и книги его сына. Главное, чтобы было интересно...

И воодушевленный таким исходом дела Мишель с головой ушел в работу. Говорят, особенно ему удались «Удивительные приключения экспедиции Барсака». В романе высказывались оригинальные взгляды, касавшиеся

вопросов государства и права, частной собственности, анархизма и социализма. Этих тем, как известно, Жюль Верн-отец практически не касался.

Интересно в связи с этим признание самого Мишеля Верна, сделанное им в кругу друзей. Он заявил, что и сам поневоле заделался фантастом, ибо этот роман ему пришлось составлять лишь «по заготовкам фраз и мыслей отца».

В 1978 году итальянский журнал «Панорама» опубликовал интервью с вице-президентом парижского Жюльверновского общества, крупнейшим знатоком творчества фантаста П. Гондолоделла Рива.

В нем, в частности, прямо сказано, что интервьюируемый «нашел другого Верна», то есть его сына Мишеля. «Когда отец умер, Мишель пытался коммерчески использовать его имя и славу, публикуя якобы неизданные произведения Жюля Верна, написанные в большинстве им самим, Мишелем».

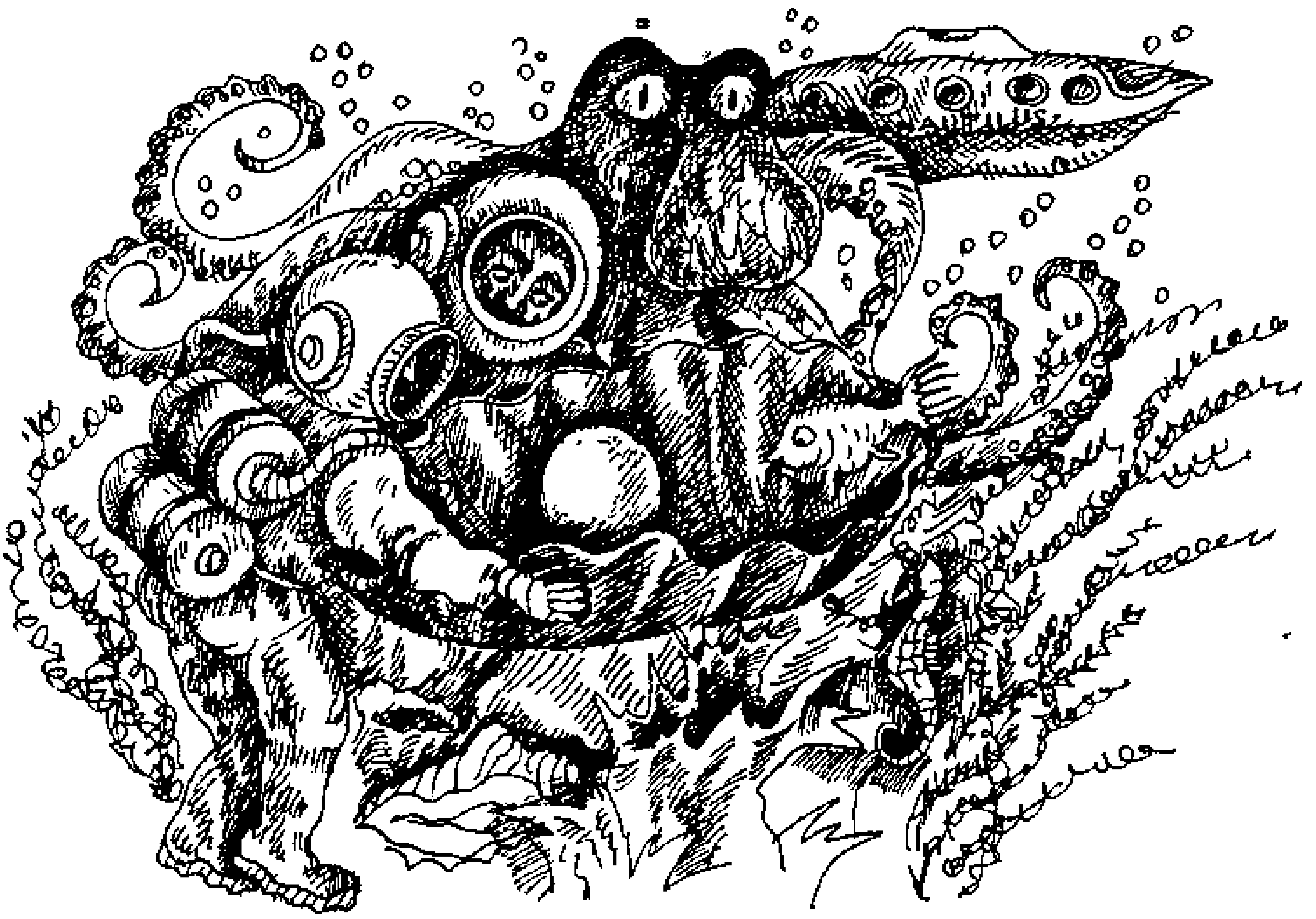
— Но ведь и так было известно, что Мишель дописал неоконченный роман отца «Удивительные приключения экспедиции Барсака»...

— Да, но это единственный случай, когда он признал «совместную» работу. И не потому ли и сам роман оказался единственным из «посмертных», о котором мы знаем — его рукопись (написанная рукой Мишеля) действительно существует? У всех же остальных — лишь машинописные копии более или менее завершенного текста с пометкой «оригинальный».

— Так вот, мне удалось получить некоторые тексты от наследников издателя Этцеля, — продолжает далее вице-президент Жюльверновского общества. — Я сравнил их с тем, что опубликовал Мишель, — разница огромная! Например, повесть «Вечный Адам» целиком принадлежит Мишелю. Или «Кораблекрушение «Джонатана» — роман, который до сих пор считается политическим завещанием великого фантаста. У Жюля Верна он обрывается на 16-й главе, Мишель успешно довел его до 31-й главы и изрядно переделал доставшиеся по наследству, изменил ход событий, даже ввел новые действующие лица.

— И тем не менее эти посмертные фальшивки имели успех?

— Поразительно, но Мишель, несомненно, стал лучшим писателем, чем поздний Жюль



Верн, у которого сюжет развивался медленно, натянуто, запутанно. Многие эксперты признают все сочиненное Мишелем, безусловно, положительным и талантливым с точки зрения требований литературы.

— Почему же он так мало написал?

— Дело в том, что сразу после смерти отца Мишель опубликовал в «Фигаро» статью, в которой дал «полный перечень» всех неизданных романов, оставшихся в архивах отца. Естественно, он вынужден был придерживаться списка. И когда эти романы опубликовали, «открывать» другие было небезопасно...

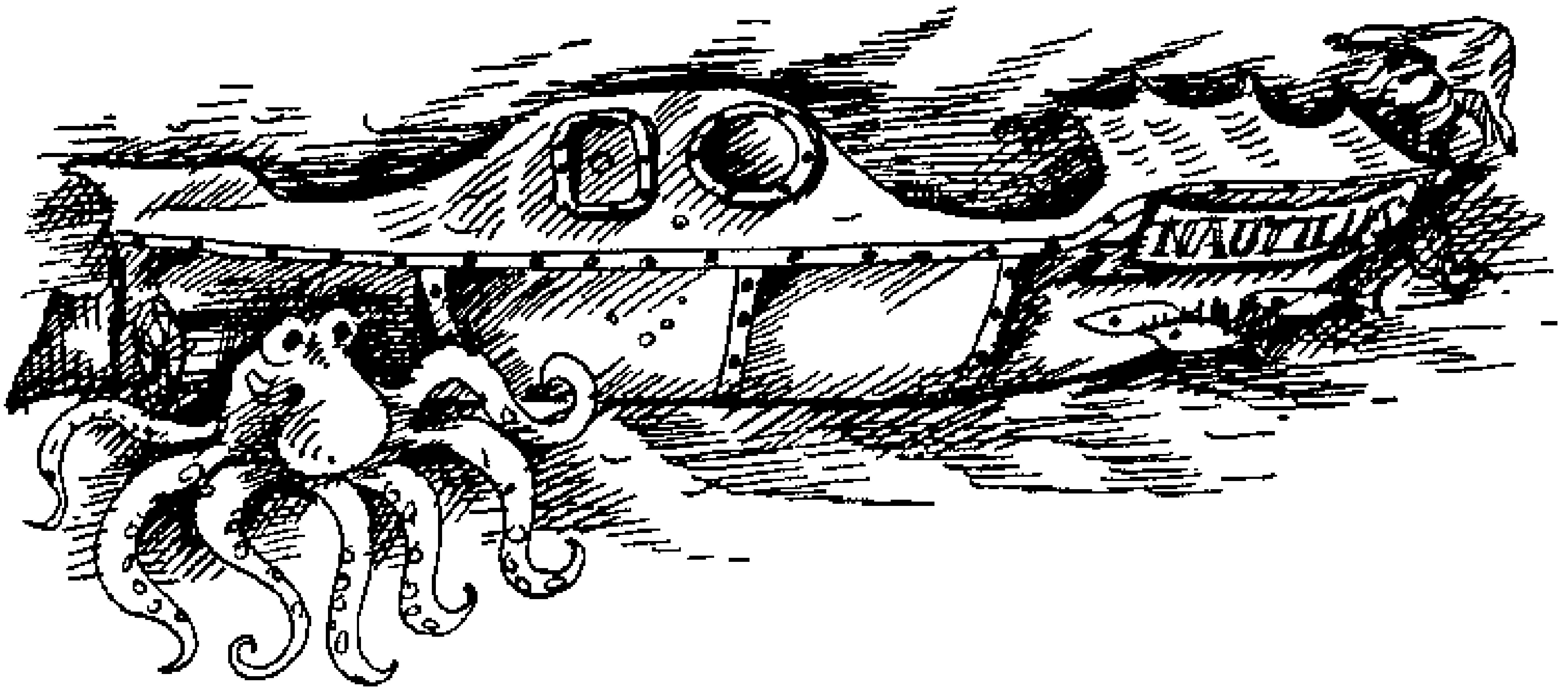
Итак, здесь, кажется, все ясно. Верн № 2 выдал себя, что называется, с головой. Ну а что произошло дальше?

Историк Лев Вяткин в одной из своих публикаций указывает, что Мишель Верн умер в 1926 году в возрасте 64 лет. «В последние годы он с головой ушел в издательские дела и всеми силами отбивался от репортеров, которые толпой ходили за ним в надежде получить какие-нибудь новые сведения о жизни Жюля Верна, а также о судьбе его огромного архива...»

Сложилась довольно странная ситуация: книги знаменитого фантаста издавались в невероятном количестве, переиздавались на языках разных народов мира, однако к подлинным текстам, наброскам и вариантам Мишель Верн не подпускал никого под тем предлогом, что, дескать, наследие отца еще недостаточно изучено им самим.

Мало что переменилось и после его смерти. Архив перешел к внуку Жюля Верна — Жану Жюлю Верну, и читающая публика уж было решила, что теперь-то, наконец, станет ясно, что написал Верн-старший, а что младший. Однако Жан, видимо, решил продолжить дело своего отца. Он объявил о наличии в рукописном архиве деда 90 научно-фантастических и приключенческих романов, не считая новелл, рассказов и всевозможных набросков, но предусмотрительно не стал перечислять их все.

Кроме того, Жан заверил общественность о безусловном допуске специалистов к архиву; вот только он — наследник — наведет в нем окончательный порядок. Однако год проходил за годом, внук вовсю пользовался наследственными правами при переиздании книг деда и не торопился с выполнением обещанного. Лишь в 1973 году — спустя почти полвека после вступления в наследство, как уже говорилось, он издал монографию о Жюле Верне, где привел кое-какие из документов, хранящихся в дедовском архиве.



От нападок литературоведов и журналистов Жан — юрист, занимающийся судебной практикой в Тулоне — легко отбивался, указуя на закон, запрещающий вмешательство в частную жизнь, и ссылаясь на собственную занятость. Вот, дескать, он выйдет на пенсию, и тогда...

Причем сразу же он подыскал возможность обезопасить себя и от будущих нападок, намекнув, что еще в 1928 году племянница Жюля Верна — Маргарет де ла Фюи — провела ревизию в архиве, уничтожив многие документы, поскольку, дескать, «архивы скромностью не отличаются»...

В общем, Жан Жюль Верн отделался от общества одной монографией и благополучно скончался в апреле 1980 года в возрасте 88 лет.

Архив перешел к его наследникам, правнукам Жюля Верна, и те решили распорядиться им по своему усмотрению. «Высоко ценящие писателя родственники, — с сарказмом иронизировал журнал «Экспресс», — запросили за литературное наследие кругленькую сумму в 8 млн франков».

Мэрия Нанта, родного города великого фантаста, не смогла найти такую сумму, чтобы приобрести документы для пополнения фондов музея, посвященного писателю. Министерство культуры Франции тоже отказалось взять на себя долю расходов, сочтя стоимость архива чрезмерной. Казалось, архив Жюля Верна вот-вот упорхнет в США, где нашлись богачи, готовые выложить требуемую сумму.

Однако патриотично настроенные французы взбунтовались. Разразился публичный скандал, общественность надавила и на семейство наследников, и на правительство Франции. В конце концов стороны сговорились, архив был выкуплен и поступил на хранение в нантский музей. Однако... доступ к нему по-прежнему остался закрытым; теперь уже музейные работники заявили, что сначала необходимо составить и опубликовать их полную опись.

А пока суд да дело, на свет божий всплыла и была опубликована еще одна рукопись, приписываемая Жюлю Верну. Действительно ли роман «Париж в XX веке» принадлежит его перу или тут приложил руку кто-то из продолжателей «семейиого дела», исследователям еще предстоит выяснить. И тогда, возможно, мы наконец-таки узнаем, скольких же Вернов предлагали нашему читательскому вниманию — двух, трех или даже четырех?..

Заодно, глядишь, появится и надежда понять, в чем заключалась самая большая тайна великого фантаста. Почему его архив на протяжении почти столетия столь тщательно охраняется наследниками?..

ВЕЛИКИЙ УТЕШИТЕЛЬ

Человек по имени **Уильям Сидней Портер** родился в 1862 году на юге США. Писатель **О'Генри** появился в Нью-Йорке в 1901 году.

Какие же события произошли между этими двумя датами?

О'Генри (1862—1910)

Отец Уильяма Портера был деревенским доктором. Мать его рано умерла, а сам Портер-старший после смерти жены вскоре спился и бросил врачебную практику. В пятнадцать лет мальчик оставил школу и поступил в ученики к аптекарю.

В 1882 году он уехал в Техас, где прожил два года на скотоводческом ранчо, общаясь с ковбоями и тем пестрым, бродячим людом, который населял тогда эту еще мало обжитую окраину США.

Потом в течение 12 лет он был обитателем небольшого городка Остин, тогдашней столицы штата. Здесь он работал сперва чертежником, позднее бухгалтером и кассиром в местном банке. В это же время он впервые взялся за перо; стал писать заметки и фельетоны для юмористического еженедельника «Роллинг Стоун» и газеты «Пост». Причем время от времеии он иллюстрировал свои произведения, проявив дар рисовальщика-карикатуриста.

Так, может быть, и шла бы его жизнь без особых потрясений, если бы в конце 1894 года банковская ревизия не обнаружила недостачу

пяти тысяч долларов в кассе Уильяма Портера. Многие биографы будущего писателя полагают, что это произошло из-за элементарной небрежности — отчетность в банке велась весьма беспорядочно.

Сперва казалось, что Портер сможет избежать судебной ответственности. Но в феврале 1896 года он все же был арестован. Выпущенный под залог, он поддался панике и бежал в Гондурас. Там он прожил около года, пока не пришло известие о смерти жены, которую он очень любил. Портер вернулся домой, похоронил жену и получил пять лет заключения по совокупности — и за недостачу, и за побег.

Тюрьма, куда попал Портер, отличалась весьма жестокими порядками. Заключенных изнуряли тяжелой работой, морили голодом, а при неповиновении, случалось, забивали насмерть...

Знание аптекарского дела спасло Портера от физических мучений — он был назначен ночным аптекарем при тюремной больиице. Но по характеру своей работы он стал свидетелем большинства трагедий, происходивших в тюрьме.

«За хорошее поведение» срок заключения Портеру был снижен, и он вышел на свободу через три с небольшим года. С той поры мало кто слышал об Уильяме Сиднее Портере, но все больше людей знакомилось с веселыми и забавными рассказами писателя О'Генри.

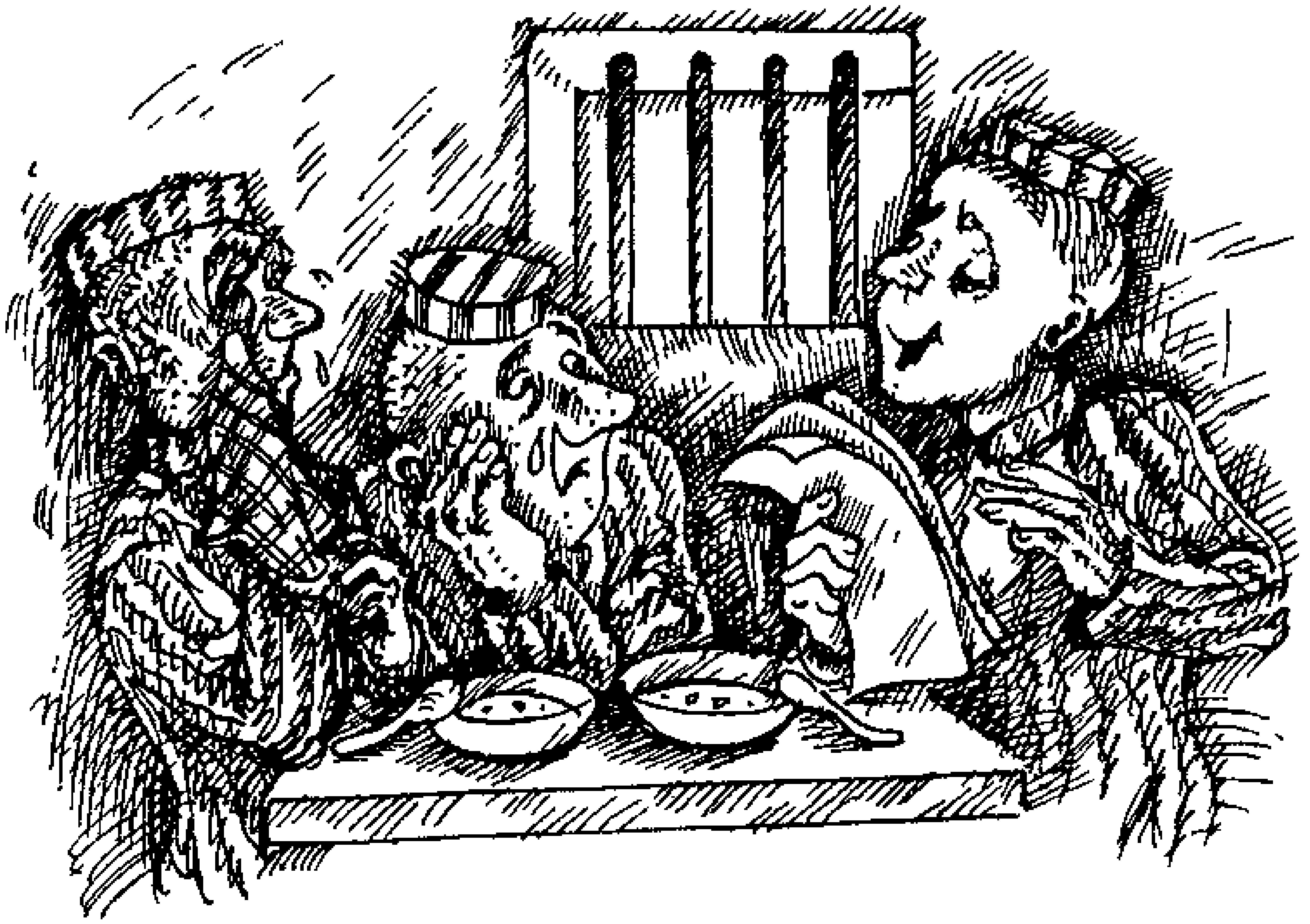
Первые из них были написаны еще в тюрьме.

«Он свернул рукопись и поднялся со стула,— вспоминал Эл Дженнингс, один из знакомых Портера по тюрьме.

— Милостивые государи, прииошу вам свою благодарность. Мог ли я подумать, что рассказ мой вызовет слезы у таких старых опытных профессионалов, как вы!

Наверное, и в самом деле странно было смотреть, как два грабителя хныкали над немудрящей историей...»

Портер, похоже, хотел спрятаться за своими рассказами, за личиной О'Генри от тяжести и несп [illegible] сти окружающей его жизни. Если судить по его рассказам — это ему во многом удалось. Если судить по сохранившимся письмам и воспоминаниям немногих современников, близко знавших его, — все обстояло вовсе не так.



«На людей здесь смотрят как на животных без чувства и без души... Рабочий день — тринадцать часов, и тех, кто не выполнит урока, ждет наказание, — писал Портер из тюрьмы. — Если человек изнемог на работе, его волокут вниз, в подвал, и подставляют под струю из брандспойта, бьющую с такой силой, что он теряет сознание. Потом доктор приводит несчастного в чувство и его подвешивают на час или на два за руки к потолку так, что ноги болтаются в воздухе...»

Портер знал сотни случаев самого трагического содержания, но в его рассказах все, как правило, кончается благополучно.

Взять хотя бы историю, описанную в рассказе **«Превращение Джимми Валентайна»**, который был напечатан в 1903 году, почти сразу же после выхода Портера из тюрьмы.

Герой рассказа, как вы помните, искуснейший взломщик сейфов, приезжает в маленький городишко, чтобы ограбить банк.

Но влюбляется в дочь местного банкира и решает переменить профессию, зачеркнуть прошлую жизнь. И вот в тот день, когда он собирается отправить по почте своему другу чемодан с отмычками и сверлами, в банке происходит несчастный случай.

Девочка, внучка банкира, играя, забирается в сейф и запирается изнутри. Открыть его невозможно, ребенок задыхается — и вот бывший взломщик вскрывает сейф. Затем безмолвно уходит.

Но за первой развязкой следует вторая — у дверей банка его поджидает сыщик, выследивший его. Пораженный благородством Валлентайна, он отпускает его на все четыре стороны.

Хеппи энд...

На самом же деле все было вовсе не так.

В Колумбусе, где помещалась тюрьма, исчез казначей акционерного общества, оставив запертым сейф с ценными бумагами. По просьбе местных властей тюремная администрация поручила вскрыть сейф отбывавшему вечную каторгу взломщику Прайсу, о котором было известно, что он владеет секретом, позволяющим ему раскрыть код любого цифрового замка. За выполнение операции ему было обещано помилование.

Прайс, уже пробывший в тюрьме «по первому разряду» — то есть лишенный права переписки и свиданий — 16 лет, больной чахоткой, соглашается. С помощью напильника он стачивает себе ногти, а затем и живую ткань на указательных пальцах так, чтобы обнажились окончания нервов. Искалеченные пальцы стали восприимчивы к малейшим вибрациям, и вращая механизм замка, Прайс уловил шифр.

Сейф был открыт, но заключенного жестоко обманули. Помилование не состоялось.

Прайс не вынес потрясения, слег и вскоре умер. Вероломство властей произвело огромное впечатление на всех заключенных. Портер подробно расспрашивал всех об обстоятельствах дела.

— Это замечательный материал для рассказа, — говорил он.

Но написал, как известно, совсем другой. Почему?

Тюрьма, видимо, надломила душевные силы писателя, и он хотя бы своим пером, на страницах сотворенной им сказки восстанавливал справедливость. Он упорно уходил от жестокостей окружающего его мира в свой собственный, выдуманный. Здесь не было места насилию, лжи. Здесь все и всегда кончалось хорошо.

Своими забавными рассказами писатель создал себе репутацию «вечного утешителя». Даже его псевдоним, говорят, был подарен ему одним из почитателей, который, отсмеявшись, сказал как-то: «О, ты как Генри — смешишь до слез!» — имея в виду своего приятеля, умевшего замечательно рассказывать анекдоты и прочие смешные истории.

Но забава ради забавы не могла длиться вечно. Это понимал и сам О'Генри. Волей или неволей в его рассказах то и дело прорезаются горькие нотки, хлесткие замечания. Вот только один эпизод.

«Ангел-полисмен подлетел ко мне и взял меня под левое крыло. Совсем близко стояло несколько вызванных в суд весьма состоятельных, судя по внешности, духов.

— Вы не из этой шайки? — спросил меня полисмен.

— А кто они?.. — полюбопытствовал я.

— Ну как же, — сказал он, — те, кто брал на работу девушек и платил им в неделю пять или шесть долларов. Не из их ли вы шайки?

— Нет, ваше бессмертство, — ответил я. — Я всего-навсего поджег приют для сирот и убил слепого, чтобы воспользоваться его медяками».

«Я неудачник, — пишет о себе сам О'Генри в одном из писем. — У меня беспрестанное чувство, что следовало бы вернуться назад и начать все сначала...»

Он хотел, он очень хотел вернуться.

«...Я задумал написать повесть о некоем человеке, — писал О'Генри в незаконченном письме к одному из друзей-редакторов. — Все мы вынуждены быть лицемерами, комбинаторами и лжецами до конца своей жизни, в ином случае здание нашего общества не выдержало бы и рухнуло в первый же день. Это будет повесть о человеке, рожденном и выросшем в сонном маленьком южном городе. Он не пошел дальше школы, но его доучили книги и жизнь. Постараюсь одарить его писательским слогом, наилучшим из тех, что хранятся в моей кладовой. Я проведу его через главные фазы его биографии, через бурные приключения и жизнь в большом городе... Он узнает светское общество, кое-что о преступном мире... И обо всем он скажет правду...»

Но Уильям Сидней Портер не успел сказать правду о себе самом — ведь не приходится сомневаться в автобиографичности задуман-

ной книги. Он умер 6 июня 1910 года на 48-м году жизни, в самом расцвете литературных сил и таланта.

КТО СШИЛ «АЛЫЕ ПАРУСА»?

На этот вопрос есть как минимум три ответа. Один весьма прозаический: насколько мне известно, алые паруса для кинокартины под таким же названием были сшиты в мастерских Одесской киностудии. Второй содержится в самой книге: там говорится, что паруса из алого шелка сшили матросы, усевшись по-турецки на палубе бригантины. И наконец, ответ третий, пожалуй, самый правильный: тому, что на свете появилось само это понятие «алые паруса», мы целиком обязаны Александру Степановичу Гриневскому. Именно так звали писателя Александра Грина в жизни.

Почему писатель отказался от своей фамилии на обложке? Тому тоже есть несколько причин. Во-первых, начинал Грин писать в те вре-

Александр Грин
(1880—1932)

мена, когда на уличной вывеске вполне можно было прочесть, например, такое: «Портной Степан Иванов из Парижа», а в цирке поголовно все артисты и артистки звались Жанами, Полями и Стеллами, хотя на самом деле все они были русскими. Такая в начале XX века была в России мода — все иностранное казалось лучше отечественного. Так что и Гриневского издатель вполне мог попросить сделаться Грином. Да и сам Александр Степанович против этого не возражал. Псевдоним гораздо лучше запоминался читателями, а это для писателя немаловажно. Кроме того, многие воспринимали как само собой разумеющееся, что о городах с названиями Гель-Гью, Зурбаган и Лисс, о героях с именами Ассоль, Эгль и Летика будет писать литератор с иностранным именем.

Вот так уроженец Вятской губернии и стал «иностранцем».

Кстати, не меня одного ввел в заблуждение его псевдоним. Всем известный писатель **К. Г. Паустовский** вспоминал, как во времена своей юности, пришедшейся как раз на начало XX века, зачитывался выпусками «Универсальной библиотеки».

«Это были маленькие книжечки в желтой бумажной обложке, напечатанные петитом, — писал Константин Георгиевич. — Стоили они необыкновенно дешево. За десять копеек можно было прочесть «Тартарена» Доде или «Мистерии» Гамсуна, а за двадцать — «Давида Коп-

перфильда» Диккенса или «Дон Кихота» Сервантеса.

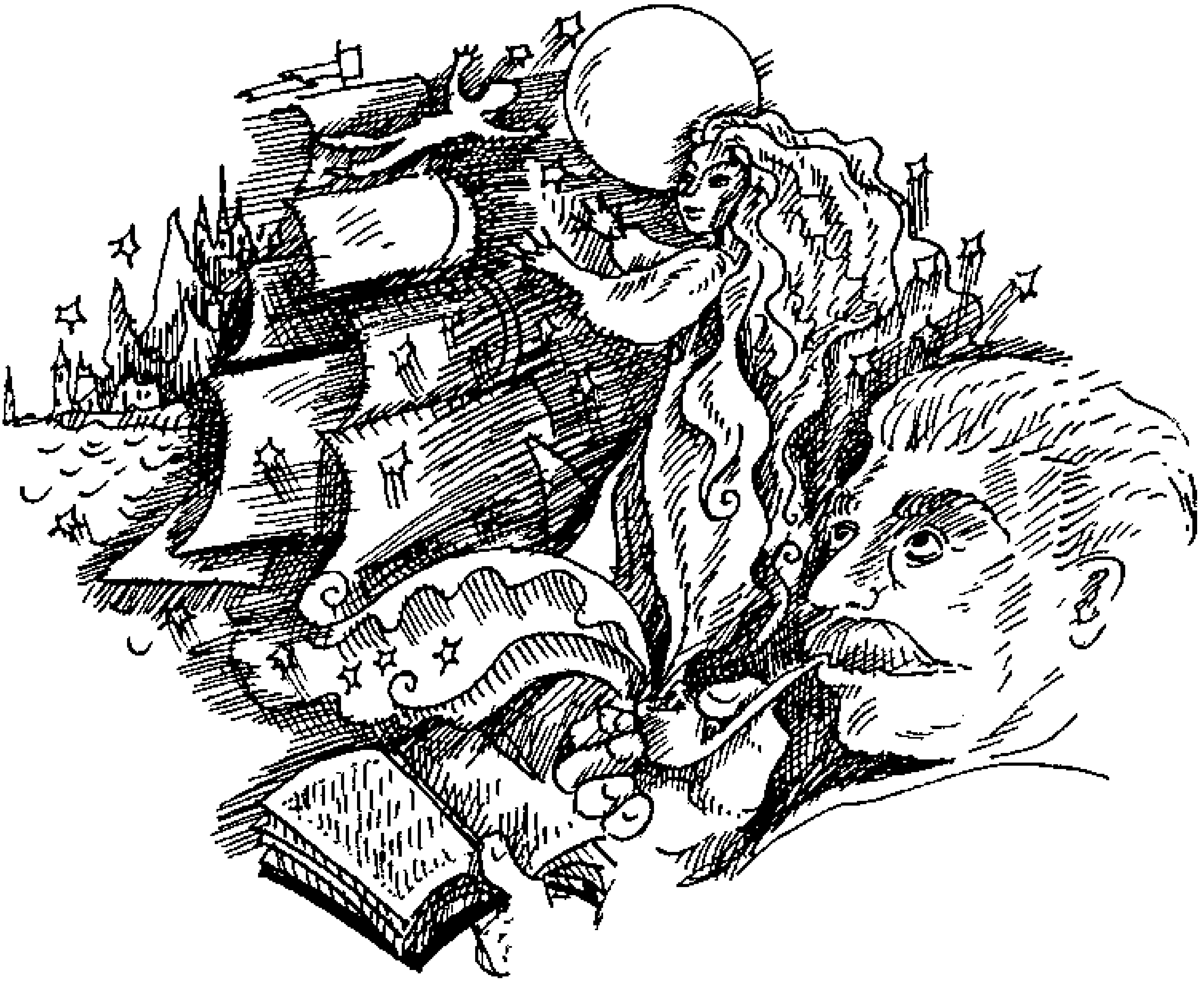
Русских писателей «Универсальная библиотека» печатала только в виде исключения. Поэтому, когда я купил очередной выпуск со странным названием **«Синий каскад Теллури»** и увидел на обложке имя автора — Александр Грин, то, естественно, подумал, что Грин иностранец...»

А вернее всего, даже вновь приобретенным именем, как и своими книгами, писатель хотел отгородиться от той скучной и беспросветной жизни, которая его окружала. Нужда заставила его перепробовать множество профессий. В поисках заработка Гриневский скитался по России, становясь то рыбаком, то золотоискателем, то переписчиком ролей для театра, а то и банщиком. Одно время он был даже революционером. Но прятаться толком не умел, в людях разбирался плохо, и потому вскоре был выслежен, арестован, посажен в тюрьму, а затем и отправлен в ссылку.

Там он и начал писать. А чтобы полиция не узнала еще и об этом его занятии, придумал себе псевдоним.

В общем, как видите, у Гриневского было предостаточно причин, чтобы превратиться в Грина. И если революционер Гриневский так и не смог осуществить свою мечту — сделать так, чтобы земля вокруг стала царством всеобщего счастья, то литератор Грин такую землю открыл и описал в своих книгах.

«Нет более бестолкового и чудесного порта, чем Лисс, — писал он. — Разноязычный город определенно напоминает бродягу, решившего наконец погрузиться в дебри оседлости. Дома рассажены как попало среди неясных намеков на улицы, но улиц, в прямом смысле слова, не могло быть в Лиссе уже потому, что город возник в обрывках скал и холмов, соединенных лестницами, мостами и узенькими тропинками. Все это завалено сплошной густой тропической зеленью, в веерообразной тени которой блестят детские, пламенные глаза женщин. Желтый камень, синяя тень, живописные трещины старых стен; где-нибудь на бугрообразном дворе — огромная лодка, чинимая босоногим, трубку покуривающим нелюдимом; пение



вдали и его эхо в овраге; рынок на сваях под тентами и огромными зонтиками; блеск оружия, яркое платье, аромат цветов и зелени, рождающий глухую тоску, как во сне — о влюбленности и свиданиях; гавань — грязная, как молодой трубочист; свитки парусов, их сон и крылатое утро, зеленая вода, скалы, даль океана; ночью — магнетический пожар звезд, лодки со смеющимися голосами — вот Лисс».

Впрочем, бывший революционер А.С. Гриневский сделал еще одну попытку превратить свою мечту в действительность. На Гражданскую войну он ушел с солдатским мешком, где рядом с парой портянок и сменой чистого белья лежала рукопись **«Алых парусов»** — поэмы в прозе, или феерии (от слова фея — волшебница).

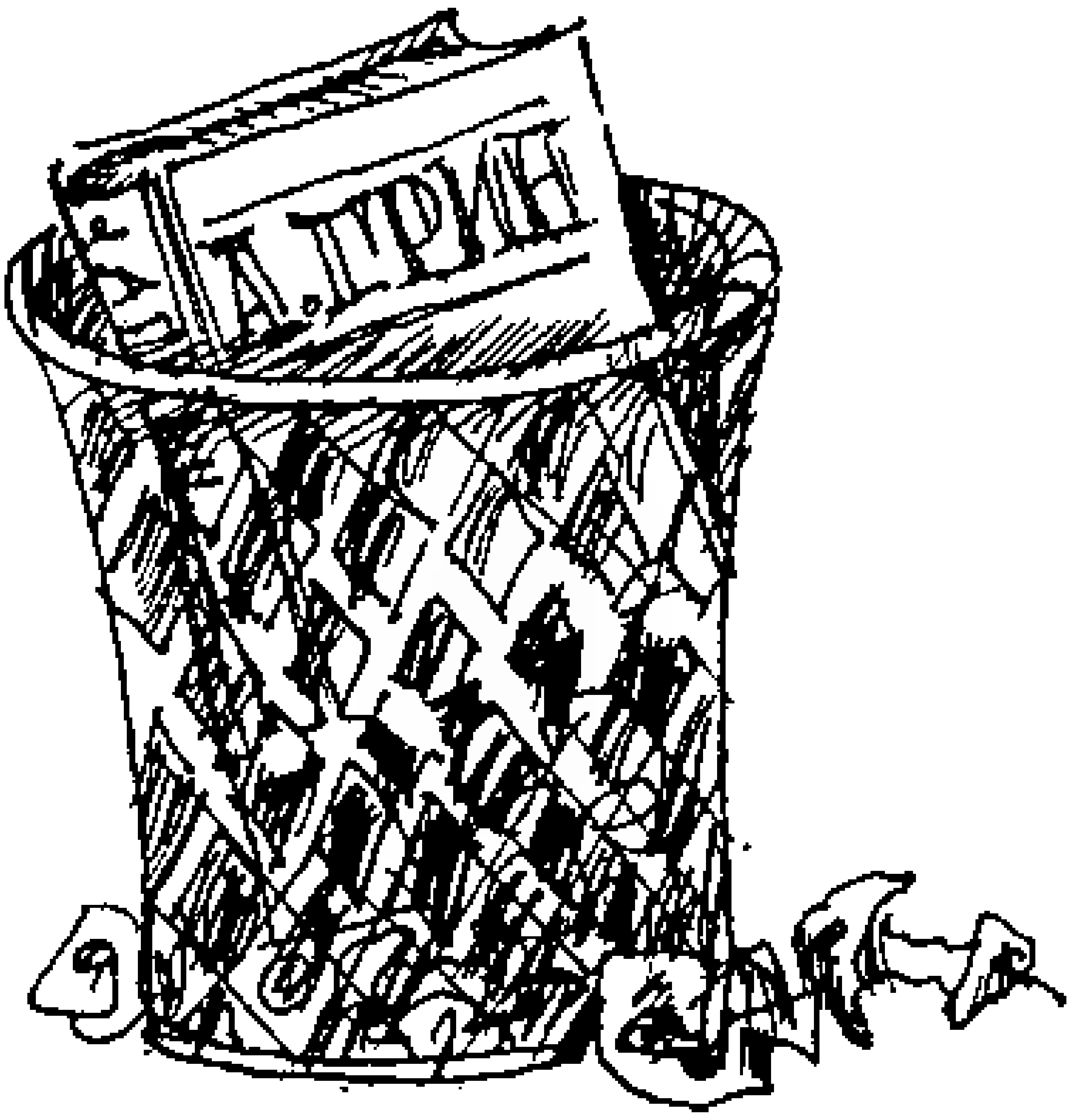
Но то, что он увидел на войне, и то, что получилось в результате, разительно отличалось от его представлений о мире чистоты и справедливости. И писатель окончательно ушел от действительности в свой мир грез и сказок.

Однако и тут ему не повезло. Одна из его книг попалась на глаза невысокому человеку с черными усами и следами оспы на лице. Тот желтыми пронзительными глазами пробежал по строчкам, отбросил книжку в сторону и глуховатым голосом с грузинским акцентом произнес всего одну фразу:

— Нам такие мечтатели не нужны!..

А поскольку к тому времени бывший семинарист Иосиф Джугашвили, бывший револю-

ционер Коба уже превратился во всесильного товарища Сталина, вождя всех людей и народов, то его слово стало законом. По крайней мере в Стране Советов, занимавшей одну шестую часть суши.



Александра Грина тут же перестали печатать. И он, наверное, пожалел, что в действительности не был иностранцем. Каково ему жилось в то время, можно судить хотя бы по такому факту. Музейные работники в Феодосии рассказывали, что когда они открывали музей Александра Грина, то так и не смогли найти вещей, принадлежавших лично писателю. Их у него практически не было — все, имевшее хоть какую-то ценность, было продано, обменяно на хлеб. Ну, а рыбу писатель ловил сам.

Умереть с голоду писателю Грину не дал один отважный человек, фамилию которого мне узнать так и не удалось, — редактор маленькой местной газеты. Он, невзирая на запрет, потихоньку продолжал печатать заметки и рассказы писателя, придумывая ему каждый раз все новые псевдонимы.

Ну, а тому оставалось лишь надеяться, что когда-нибудь алые паруса удачи появятся и в его гавани.

Но если девочка Ассоль все же увидела громаду «алых парусов белого корабля», то А.С. Гриневский, гражданин без определенных занятий, этого так и не дождался. Он умер в 1932 году, когда до заката сталинской империи было еще далеко...

Однако Александр Грин преодолел-таки забвение. И пустые комнаты маленького домика-музея в Феодосии, где некогда жил писатель, ныне заставлены стеллажами с книгами, на обложках которых на разных языках обозначено одно и то же имя — А. Грин.

РОДИТЕЛИ ОСТАПА БЕНДЕРА

«Как мы пишем вдвоем? Как братья Гонкуры. Эдмонд бегает по редакциям, а Жюль стережет рукопись, чтобы не украли знакомые».

Так отшучивались **Илья Ильф** и **Евгеиий Петров**, когда их спрашивали, почему это у них общее литературное хозяйство. Но на деле все было гораздо сложнее...

Одно время в нашей стране было модно работать целыми литературными бригадами. Об этом, например, вспоминает К. Г. Паустовский, которого Максим Горький хотел было включить в состав одной такой бригады, которая должна была описать историю какого-нибудь промышленного предприятия. Константин Георгиевич воспротивился этому, поехал в Петрозаводск в одиночестве и привез оттуда

Илья Ильф и Евгений Петров

«Судьбу Шарля Лонсевиля» — повесть, которую переиздают и перечитывают и поныне. А кто сейчас помнит бригадную «Историю заводов»?

Ильф и Петров такую вот бригаду создали. И на первый взгляд вполне добровольно. А дело было так...

Евгений Петров на самом деле родной младший брат знаменитого писателя Валентина Катаева, автора известной повести «Белеет парус одинокий».

Когда Евгений Петрович подрос, то вслед за старшим братом ринулся в литературу. А поскольку фамилия была уже занята, взял себе псевдоним, превратив отчество как бы в фамилию — традиция, довольно распространенная среди журналистов.

В середине 20-х годов XX века Евгений Петров работал в газете «Гудок», где вместе с ним трудились Юрий Олеша, Михаил Булгаков и Илья Ильф. Ильф, кстати, это тоже псевдоним: настоящая фамилия Ильи Арнольдовича — Файнзильберг.

Сюжет про двенадцать стульев где-то услышал и подарил своему брату Валентин Катаев. Но тот, видимо, побоялся, что сам сразу с дюжиной стульев не справится, и выделил половину Ильфу. В общем, в итоге они стали каждый день засиживаться допоздна в редакции, придумывая и описывая приключения разбегающегося по стране мебельного гарнитура и гоняющихся за ним героев.

Причем поначалу потомку турецких янычар Остапу Бендеру отводилась в романе вспомогательная роль проходного героя. Но появившись на странице однажды, он вовсе не захотел исчезать из книги и нахально лез в каждый эпизод, пока не потеснил всех героев, сделавшись центральной фигурой.

Но почему это вдруг одессит Бендер вдруг стал турком? Тут, оказывается, все тоже непросто. В городе Одессе, откуда были родом и Ильф, и Петров, жили люди самых разных национальностей. И Бенде-

ра хотели поначалу сделать греком. Но потом вспомнили, как в Одессе одно время происходила поголовная «туркенизация», если можно так выразиться.

Во время Гражданской войны и белые, и красные с большим подозрением относились к евреям, грекам и прочей «швали», как тогда выражались.

И тогда одесситы всеми правдами и неправдами стали записываться в турки. И уж, конечно, такой возможности не мог упустить великий комбинатор Остап Сулейман Берта Мария Бендер-бей.

Разобравшись с именем и главными героями, Ильф и Петров писали главу за главой, пока не подошли к финалу. Тут ребром встал вопрос: что делать с Бендером?

«Участь героя решилась жребием, — пишут сами авторы в предисловии к продолжению «Двенадцати стульев» — роману «Золотой теленок». — В сахарницу были положены две бумажки, на одной из которых дрожащей рукой был изображен череп и две куриные косточки. Вынулся череп — и через полчаса великого комбинатора не стало. Он был прирезан бритвой».

Поставив последнюю точку, авторы стали искать такого отчаянного редактора, который бы напечатал рукопись. Это оказалось довольно непростой задачей.

Во-первых, роман получился смешным. А «что за смешки в реконструктивный период?» — спросил авторов некий «строгий гражданин из числа тех, что признали советскую власть несколько позже Англии и чуть раньше Греции». Во-вторых, что было еще хуже, роман получился сатирический. А сатиру, как известно, сильные мира сего любят еще меньше, чем юмор. В общем, дело с напечатанием застопорилось. И неизвестно, чем бы все кончилось, если бы, в конце концов, в журнале «30 дней» не нашелся один сверхотчаянный редактор.

Что это был за человек, говорит хотя бы такой факт. В свое время, в начале 20-х годов, он издавал в Петрограде «Синий журнал», который отличился тем, что объявил конкурс на самую глупую рожу города. И когда все претенденты на это звание кончились, редакция опубликовала объявление такого рода: «Спешите увидеть! Сегодня и больше никогда! Наш главный редактор сегодня вечером войдет в клетку, чтобы в компании с тигром выпить чашку кофе с пирожным...»

Понятное дело, вечером цирк ломился от зрителей. В назначенный час возле клетки с тигром появилась фигура в черном смокинге и цилиндре. Открыв дверцу, фигура вошла в клет-

ку, залпом опрокинула в рот чашку кофе, затолкала туда же пирожное и молниеносно ретировалась. И когда до ошарашенного тигра дошло, что вместе с посетителем ушел, возможно, и его ужин, то бедняга так разволновался, что его пришлось полчаса отливать холодной водой из брандспойта.

Вот этот-то отчаянный человек и взялся опубликовать роман. Обещание он свое выполнил, и наутро после выхода в свет очередного номера «30 дней» Ильф и Петров проснулись знаменитыми. И стали думать, что делать дальше. И неизвестно, до чего бы они додумались, если бы на них не нажали читатели. Читающая публика потребовала — именно так! — чтобы авторы немедленно оживили Остапа Бендера и написали продолжение романа.

После некоторого раздумья Ильф и Петров капитулировали, и три года спустя после

«Двенадцать стульев», в 1932 году, выпустили в свет «Золотого теленка». Где и рассказали подробно, как Остап Бендер, избежавший смерти благодаря успехам отечественной медицины и отделавшийся лишь тонким шрамом на горле, в компании новых подручных организовал облаву на подпольного миллионера Корейко. Роман разошелся с не меньшим успехом, чем первый. Авторы совсем уж было возгордились и собирались было написать третью часть романа, чтобы получилась трилогия, да не вышло. К середине 30-х годов шутить в СССР стало совсем уж опасно. А в 1937 году умер от туберкулеза Илья Ильф.

Евгений Петров попытался было писать в одиночестве, но придумать больше, чем «Мой друг Илья Ильф», ничего не смог. Да и то работа шла туго: каждая строчка напоминала, что друга больше нет...

Тогда он попытался найти другого напарника, написал пару киносценариев в соавторстве с Г. Мунблитом. Но тут началась война. Евгений Петров стал фронтовым корреспондентом и в 1942 году погиб, разбившись во время очередного вылета на бомбардировщике.

Так Остап Бендер остался круглым сиротой. И удалось ли ему переквалифицироваться в управдомы, как он собирался, осталось неизвестным. Хотя можно предположить, что таланты великого комбинатора в нашей огромной стране не остались бы без применения. Вон у него нынче сколько подражателей!

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Говорят, каждый может написать одну хорошую книгу — про свою жизнь. Но почему многие этого так и не делают, другие — пишут десятки томов, а третьи действительно останавливаются на первой книге? Что писатели «выдумывают из головы», а что просто берут из окружающей жизни? Может ли книга повлиять на жизнь общества или, по крайней мере, самого автора? Почему одни книги становятся знаменитыми сразу, а других не замечают десятилетиями?..

Давайте перестанем задавать вопросы и попробуем поискать ответы хотя бы на некоторые из них.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПУШКИНА

Казалось бы, об Александре Сергеевиче уже все известно. За без малого двести лет пушкинисты проанализировали каждую написанную им строчку, просмотрели на свет каждую буковку и рисунок. И все-таки в творчестве **Пушкина** остались тайны. Одну из них открыла совсем недавно литературовед из Нижнего Новгорода Валерия Белоногова.

Незаконченная пушкинская повесть **«Дубровский»** занимает в сознании советских поколений гораздо больше места, чем заслуживает, рассуждает она. Ее «проходили» в средней школе не потому, что она — исключительный художественный шедевр, а потому, что в ней

Александр Сергеевич Пушкин (1799—1837). Портрет работы Ореста Кипренского

автор напоминает о «барстве диком» и даже вплетает в ткань повествования мужицкий бунт против помещика.

Великий знаток Пушкина Анна Андреевна Ахматова даже считала, что «Дубровский» — единственное пушкинское произведение без загадки, без тайны.

Быть может, поэтому Александр Сергеевич его и не закончил. Скучно ему стало, вот он и бросил своих героев на полдороге.

Но права ли Ахматова? Верно ли, что в «Дубровском» все так просто и понятно? Оказывается, у этой повести есть свое двойное дно...

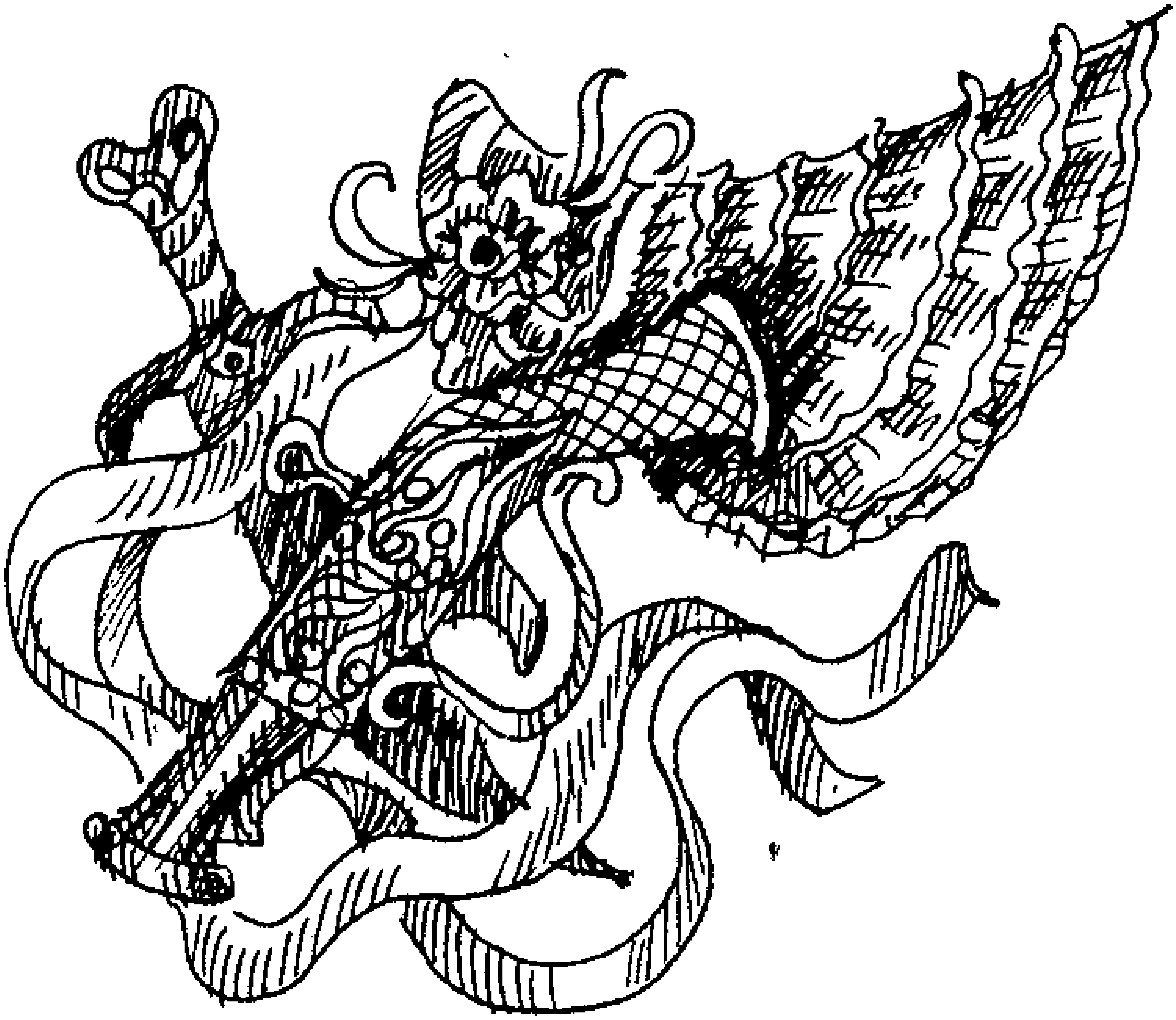
Как выяснилось, первоначально Пушкин собирался развернуть свое повествование в настоящий роман с продолжением, в котором написанный текст составил бы максимум две трети, а то и всего половину.

...Когда старый князь Верейский, взявший в жены 17-летнюю Машу Троекурову, умер, молодая вдова, хозяйка 3000 крепостных и богатого княжеского имения, продолжала вести замкнутый образ жизни, почти не покидая

своего Арбатова. Но однажды она приехала по делам в губернский город, и в одном из домов ей представили молодого англичанина. Его лицо показалось ей почему-то знакомым...

Эта сцена новой встречи Марьи Кирилловны с Дубровским так и не была написана Пушкиным, последняя часть его «разбойничьего» романа осталась в пунктирном наброске плана: «Вдова. Англичанин. Свидание. Игроки. Полицмейстер. Развязка».

И поклонникам этой самой динамичной повести Пушкина — как бы сегодня сказали, триллера-боевика с поджогом, переодеваниями, стрельбой и погонями — остается только гадать, что же там еще могло быть дальше.



Потому как, дописав 6 февраля 1833 года последние строчки черновика 19-й главы, где коротко сказано, что грабежи прекратились, а сам Дубровский, не сумевший вовремя перехватить свадебный кортеж, вроде бы скрылся за границу, Пушкин так уже никогда и не переписал повести набело. И заканчивать ее не стал. И даже самого названия «Дубровский» в рукописи не было. Его поставили издатели уже после смерти поэта.

Но почему автор так резко охладел к своему повествованию о «благородном разбойнике»? Ведь начинал он работу с азартом. В сентябре

1832 года в Москве он услышал от своего друга Павла Нащокина историю о небогатом белорусском дворянине по фамилии Островский, который проиграл судебную тяжбу с соседом, был вытеснен из своего родового имения и с горя стал со своими крестьянами заниматься грабежом на дорогах. Дворянин — разбойник?! Превратности его судьбы так заинтриговали Пушкина, что он тотчас по возвращении в Петербург садится за повесть.

И скоро с радостью сообщает в письме Нащокину: «...честь имею тебе объявить, что первый том Островского кончен и на днях прислан будет в Москву на твое рассмотрение... Я написал его в две недели».

Работа действительно подвигалась сначала очень быстро. И вдруг в январе застопорилась. А потом и вовсе остановилась. По какой причине?

Может быть, Пушкин понял, что шансы пройти цензуру у его «разбойничьего» произведения равны нулю? Некоторые литературоведы именно так и объясняют причину охлаждения Пушкина к своему замыслу.

Но скорее причина в другом. Действие приближалось к эпизодам в разбойничьем лагере, где благородный Дубровский должен, наконец, предстать перед читателем не в очередной «маске» (гвардейского офицера, учителя Дефоржа или щедрого генерала, возвращающего вдове скопленные ею для сына деньги), а таким, какой он есть на самом деле.

И вот тут Пушкин не мог не задуматься о реальной судьбе Островского, который поначалу грабил с большим разбором, а потом стал обирать всех подряд. Плюс к тому вспомнил, возможно, и другого дворянина-разбойника, описывать злодейства которого ему, наверное, никак не хотелось.

Слухи о безобразиях, творимых в селе Черновском местным помещиком Ермоловым, быстро облетели округу. Не разобравши с пьяных глаз, что к чему, он решил, что деревенское стадо пасется на его земле, и зверски избил пастуха из соседней деревни Алфимовки Афанасия Куприянова. За своего крепостного вступилась Пелагея Ивановна Топорнина, подавшая в уездный суд прошение о привлечении к ответственности распоясавшегося родственника. Узнав про это, пьяный Валериан Ермолов отправился к ее дому выяснять отношения. Не сумев взломать крепких дверей, он встал перед окнами и на глазах толпы собравшихся крестьян принялся бранить Топорнину, приходившуюся ему теткой, угрожая спалить ее имение.

Дело это потом разбиралось в Сергачском уездном суде неподалеку от Болдино. А сам Александр Сергеевич в бытность свою в Болдино в 1830 году не раз гостил у Пелагеи Ивановны Топорниной.

С буйным ее племянником поэт лично мог и не встречаться, но не слышать о его «подвигах» никак не мог. Знал он наверняка, что того в округе прозвали Валерианом-разбойником.

Сохранились и воспоминания современника А. С. Пушкина — помещика Филатова, где прямо указано: «Составил он из своих крепостных шайку и занимался грабежом проезжающих. Он имел здесь притон воров, конокрадов, цыган... Мне показали даже мост, под которым он со своей шайкой дожидался добычи...»

Вот вам и благородный дворянин-разбойник! Справедливости ради, впрочем, надо заметить, что 12 декабря 1839 года Валериана Ермолова исключили из Нижегородского дворянского собрания «как известного по явным и бесчестным поступкам, до тех пор пока не оправдается».

Неизвестно, оправдался ли разбойник Валериан, но пройдут годы, и уже в начале XX века Лев Анатольевич Пушкин, внучатый племянник поэта и последний владелец Болдино, говоря о соседнем селе Черновское, будет утверждать: «Сюжет «Дубровского» взят в этом месте, и до сего времени существуют как потомки героев, так и названия мест. Дубровский — Ермолов, Троекуров — Топорнин. Полное название села — Черновское, Покровское тож (как и имение Троекурова), соседнее село Кистенево, неподалеку Дубровка...»

Но, видно, все-таки крепко испортил знакомый разбойник настроение литератору, так что тот забросил перо и больше уже никогда не возвращался к незаконченной рукописи. Ее главный герой явно разонравился Пушкину, и он скомкал повествование.

Так что, как видите, тайну могут иной раз содержать и всем хорошо знакомые произведения. Заодно мы с вами убедились, что даже великие литераторы с хорошо развитой фантазией и воображением — а Пушкин, безусловно, относился к таким — не могут совсем уж игнорировать происходящие события.

СТРАННАЯ ДУЭЛЬ ЛЕРМОНТОВА

Не везет нашим литераторам на поединки! Пушкин погиб на дуэли в 37 лет, а Лермонтов и того ранее — на 27-м году жизни... Понятное дело, столь трагический конец столпов русской литературы не дает покоя историкам и литературоведам вот уже многие десятилетия. Как это случилось? Почему?

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814—1841)

И если раньше, в советские времена, чуть ли не в официальном порядке считалось, что оба поэта погибли в результате заговора, душой которого был сам царь, то сегодня есть другие точки зрения.

Царь-то, оказывается, взял на себя

все долги А. С. Пушкина. А сама дуэль великого поэта представляется, судя хотя бы по недавно изданному сборнику документов «Последний год жизни А. С. Пушкина», едва ли не семейным делом: дуэлянты-то были женаты на родных сестрах!

Еще более странной выглядит в свете последних исследований дуэль М. Ю. Лермонтова с Н. С. Мартыновым. Многое в этой истории кажется весьма непонятным, полагает ростовский историк Игорь Таранов. В первую очередь: а из-за чего, собственно, Мартынов вызвал Лермонтова на поединок? И вот тут выясняется, что этого никто толком не знает...

Мало того, о самой дуэли пишут все по-разному! Одни говорят, что Лермонтов выстрелил в воздух, а потом Мартынов — в него, другие утверждают, что Мартынов стрелял первым...

Достоверно известно только одно: в салоне Верзилиных, где якобы и произошла ссора, Лермонтов громко сказал: «Пуаньяр!» (кинжал). И тем самым нанес оскорбление Мартынову.

Тот, дескать, служил до отставки в Гребенском казачьем полку и продолжал носить форму этой части, к которой полагался кинжал. Так вот, Мартынов носил особенный кинжал — больше обыкновенного. Именно это оружие и было предметом многочисленных острот — в том числе и язвительного Лермонтова.

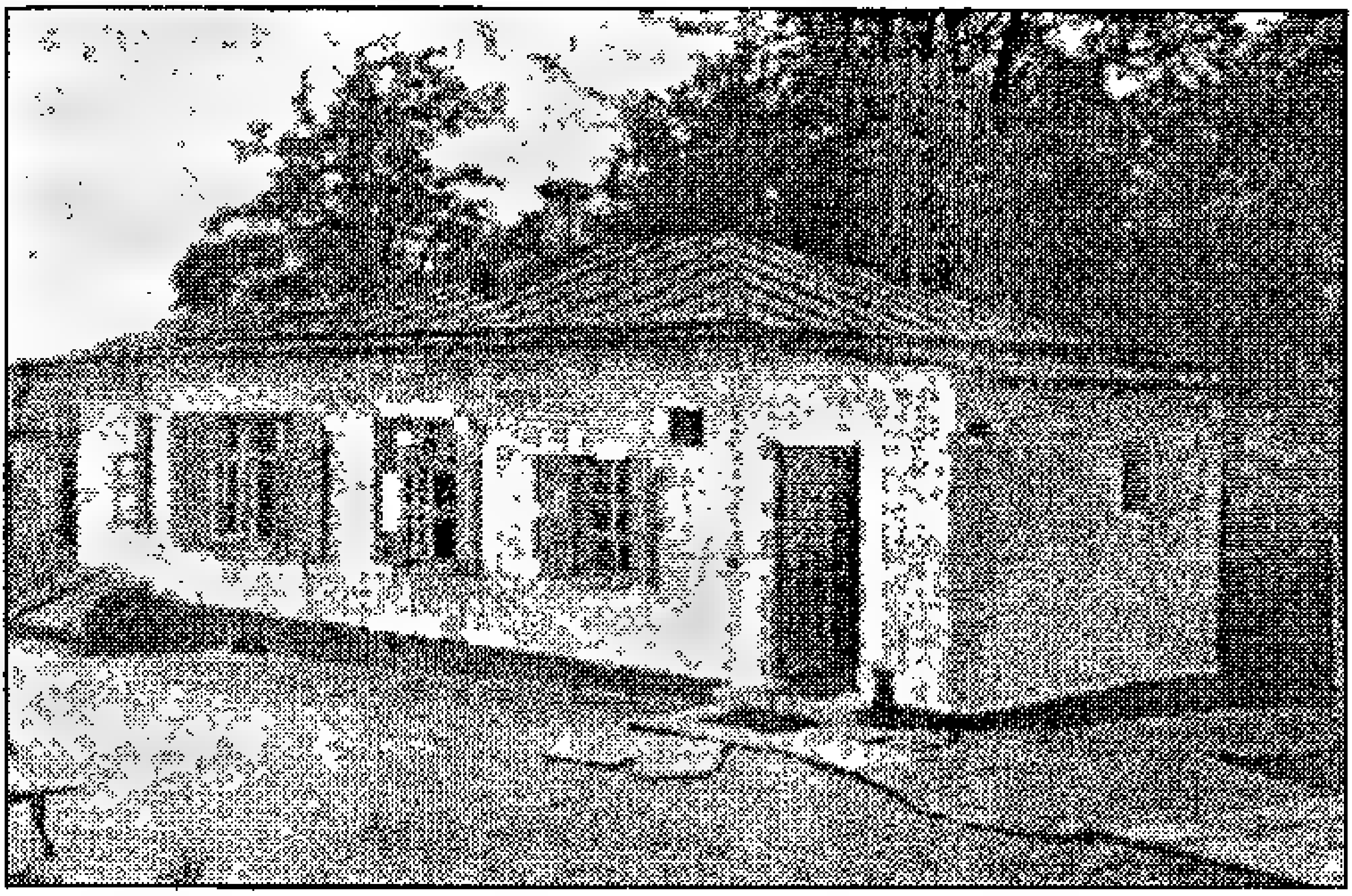
Услышав громко произнесенное слово «кинжал», по свидетельству очевидцев, Мартынов

подошел к Лермонтову и сказал: «Сколько раз я просил вас оставить свои шутки при дамах!» Лермонтов вспылил: нечего мне указывать! Слово за слово — и дошло до дуэли...

Такова общепринятая точка зрения.

Однако при ближайшем рассмотрении в ней обнаруживается довольно много натяжек, хотя литературоведы и соглашаются: дурной характер Лермонтова всем известен. Да и Мартынов был не сахар...

Но вот что интересно: на месте дуэли вместо обычных двух оказались четыре секунданта: М. П. Глебов (боевой товарищ Лермонтова — лечился в Пятигорске после ранения), князь А. И. Васильчиков, князь С. В. Трубецкой, ну и, конечно, Монго-Столыпин — куда же без него:



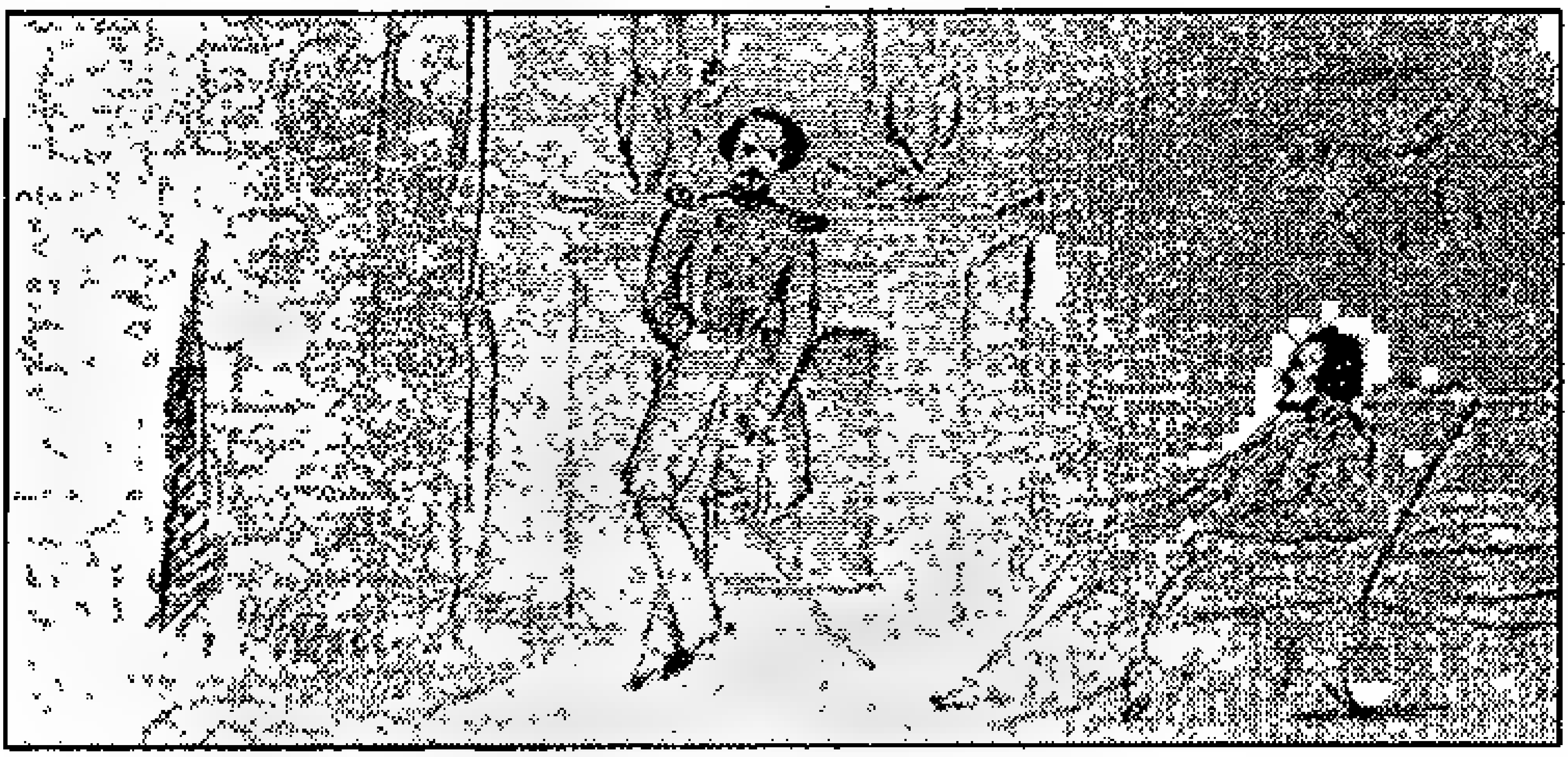
Домик в Пятигорске, где жил М. Ю. Лермонтов

он и в предыдущей дуэли Лермонтова с де Барантом был секундантом. Тут надо, наверное, сказать, что А. А. Столыпин, по прозвищу Монго, приходился Михаилу Юрьевичу двоюродным дядей. Но, будучи на два года моложе племянника, фактически был для Лермонтова братом и самым близким другом.

Выходит, все четверо были хорошими знакомыми Лермонтова. И стало быть, его секундантами. С кем же тогда приехал Мартынов? Да с этой же компанией! Поскольку тоже всех знал, со всеми дружил. А с Лермонтовым Николай Соломонович Мартынов даже учился в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Только Лермонтов числился в гусарах — легкой кавалерии, а Мартынов в кирасирах — тяжелой.

А поскольку «юнкерское братство» было весьма сильно у офицеров, то непонятно, как это друзья не отговорили поссорившихся однокашников от поединка. Почему позволили им стреляться, хотя всем было известно, что в той же юнкерской школе оба — и Лермонтов и Мартынов — слыли лучшими фехтовальщиками на эспадронах (учебных саблях)? По пятницам они не раз устраивали «показательные» поединки, собиравшие много зрителей-юнкеров. И при холодном оружии было куда легче остановить поединок при появлении первой крови...

Тем не менее секунданты смотрят сквозь пальцы на то, что дуэлянты собираются стреляться, причем барьер установлен на десяти шагах, а сами участники поединка воспользовались не дуэльными, а дальнобойными армейскими пистолетами. С такой дистанции и при таком оружии Мартынов, слывший «ред-



«Дипломатия гражданская и военная».
Рис. М. Ю. Лермонтова

ким стрелком», мог попадать на выбор куда угодно.

Получается, при таких условиях дуэль превращалась в убийство. Или... в показуху! Именно на последнем варианте настаивает историк И. Таранов. И приводит в защиту своей версии следующие аргументы.

Начнем хотя бы с того, что лишь после гибели поэта секунданты определились (по жребию!) — для следствия: Васильчиков стал считаться секундантом Лермонтова, Глебов — Мартынова. А участие в дуэли Столыпина и Трубецкого вообще скрыли, так как тем грозили за это особо крупные неприятности.

Известно также, что за несколько часов до поединка компания уже заказала ящик шампанского — что-то собиралась праздновать... Она также не взяла на поединок врача, зато помимо четырех секундантов пригласила на дуэль еще и зрителей!

И главной причиной дуэли была вовсе не ссора, а желание Лермонтова... получить отпуск! Как известно, неоднократные просьбы Лермонтова об отставке или хотя бы об отпуске неизменно отклонялись Николаем I, заявлявшим, что ссыльному не положено ни того, ни другого.

Николай I

Но быть может, тогда царь во всем и виноват? Его подручные подговорили Мартынова, и тот ухлопал опального поэта...

Отнюдь... Такой версии противоречат следующие обстоятельства.

Во-первых, то была уже не первая ссылка поэта, а вторая. Первую царь отменил по личной просьбе графа А. Х. Бенкендорфа. Шеф жандармов фактически поручился за Лермонтова, а вот прощенный «не оправдал доверия». Так что теперь «нашла коса на камень»...

Во-вторых, известно, что ссылка эта в какой-то мере носила... воспитательный характер. Именно так!

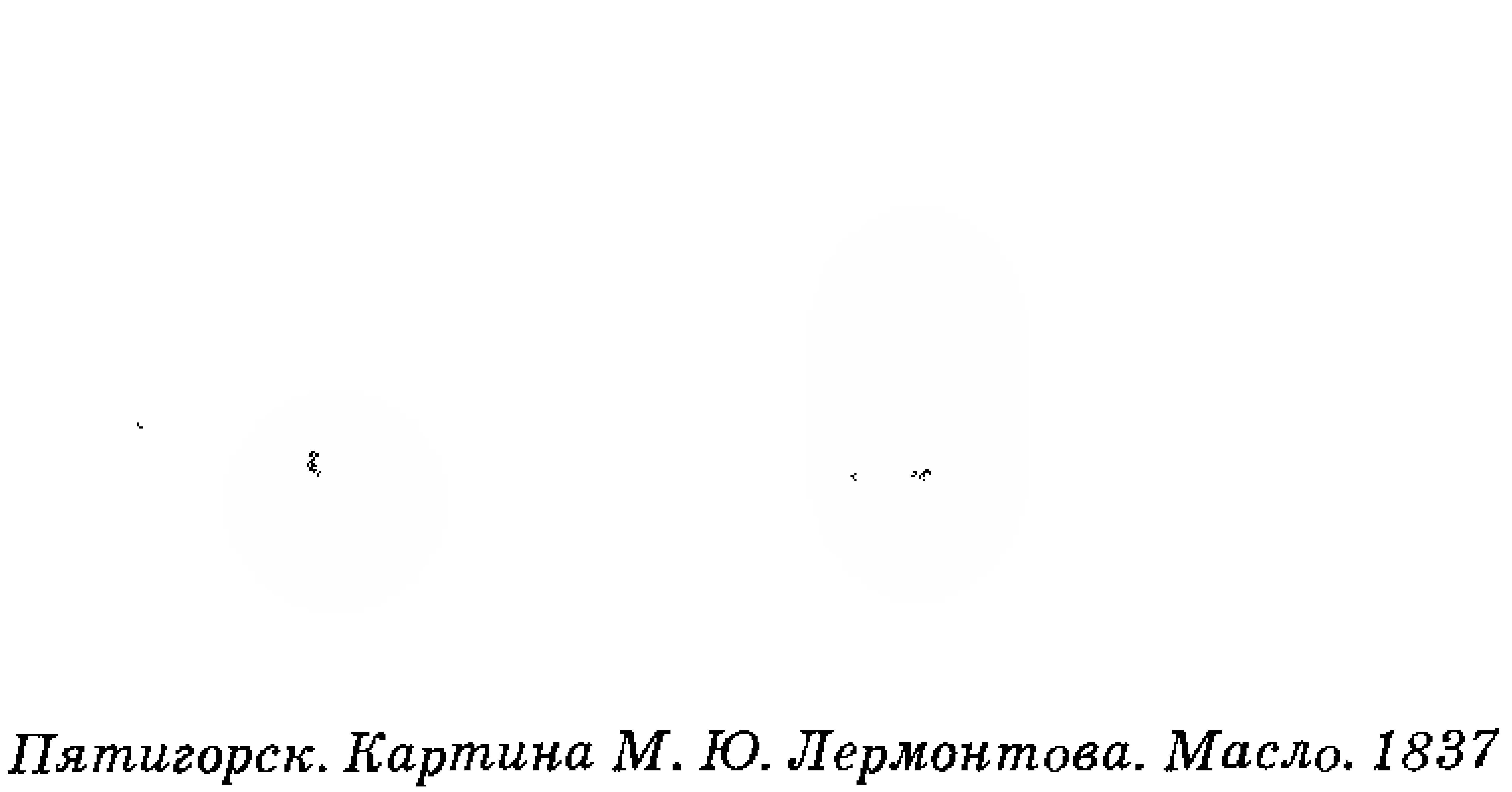
Есть сведения, что, прочитав первый вариант знаменитого стихотворения «На смерть поэта», Николай вовсе не рассвирепел, как этого можно было ожидать, а просто сказал: «Этот, чего доброго, заменит России Пушкина!» А прочитав **«Героя нашего времени»** — представьте себе, монарх читал все новые книги того времени, — царь написал сестре: дескать, в начале он надеялся, что этим самым героем будет Максим Максимыч, но был очень разочарован, когда увидел в роли «героя» Печорина. Николай посчитал, что у Лермонтова не хватило таланта или опыта по-настоящему раскрыть образ штабс-капитана. А потому царь так и написал: посылая Лермонтова на Кавказ, он надеется, что там поэт сможет подольше побыть в среде настоящих русских офицеров, таких, как Максим Максимыч, по-

дальше от «Печориных», и тогда в будущих главах сможет лучше раскрыть образ истинного «героя нашего времени»...

Видимо, все эти обстоятельства были хорошо известны как самому Лермонтову, так и его друзьям. А потому единственной возможностью для поэта получить отпуск становилось ранение. В случае же, если оно будет тяжелым, то возможна и полная отставка.

И в боях с горцами поручик Лермонтов отличался необыкновенной храбростью, по словам очевидцев — вплоть до безрассудства. Достаточно сказать, что даже будучи посланным в разведку, он бросался с горсткой людей на многократно превосходящие силы противника.

«Вот тут и возникает вопрос, — пишет И. Таранов, — а не было ли «безрассудство» Лермонтова как раз наоборот — предельно

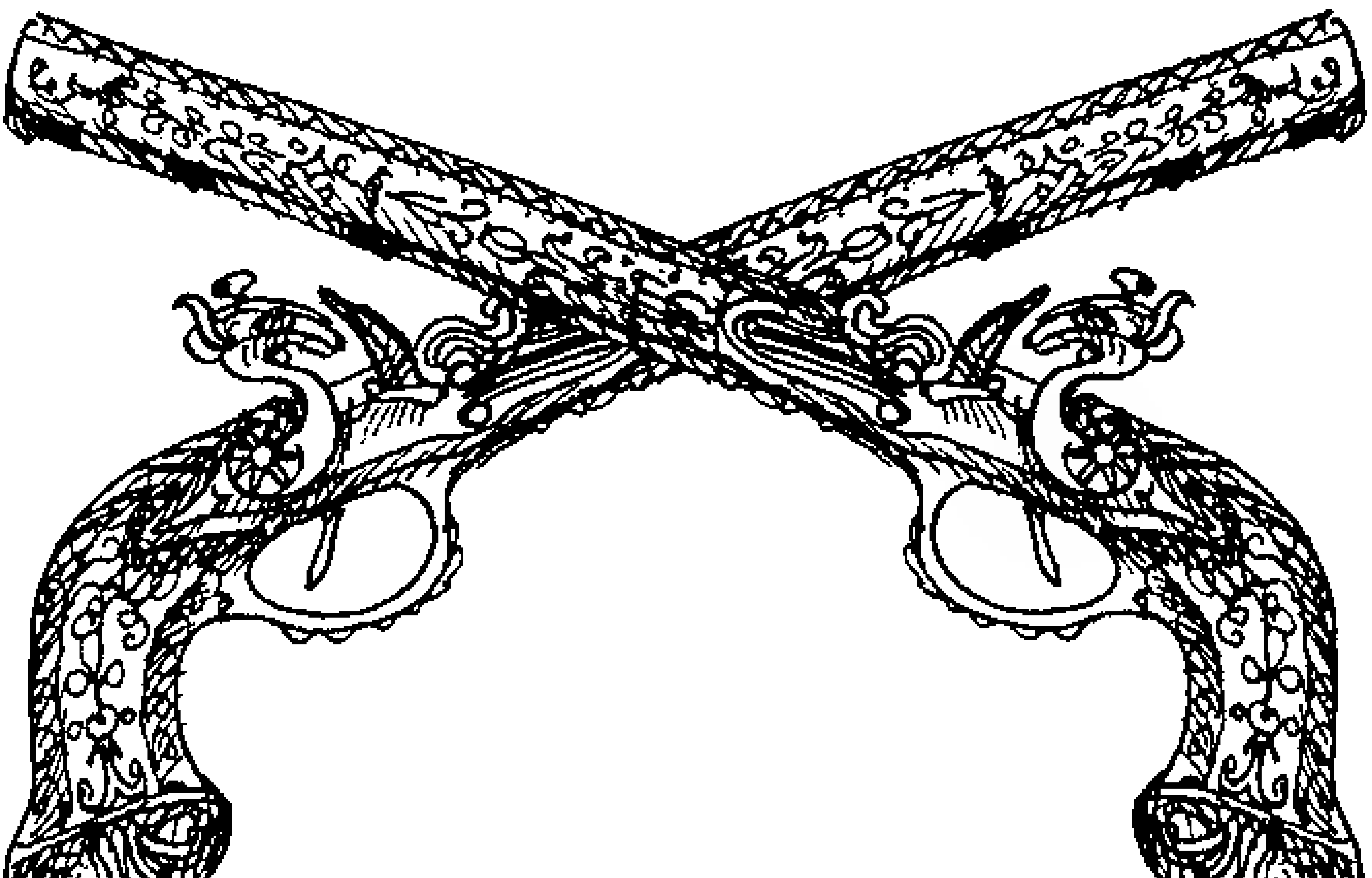


Пятигорск. Картина М. Ю. Лермонтова. Масло. 1837

хладнокровным расчетом? Что, если поэт стремился не отличиться на поле брани, а — получить ранение (а вместе с ним —долгожданный отпуск в Петербург, а то и отставку)? Проницательный читатель скажет: «Но ведь на войне пуля не выбирает — может ранить, а может и убить!»

Вероятно, Лермонтов понимал это не хуже нас. Поэтому тоже не считал войну идеальным вариантом для своего замысла. Лучше было бы действовать наверняка — так, чтобы пуля попала туда, куда надо — в колено, например. Тогда негодность к строевой службе была бы обеспечена, поэзии это не помешает, а хромать — он и так прихрамывал.

Но такое ранение может быть обеспечено наверняка, если хороший стрелок целится с близкого расстояния, не спеша и не нервничая, не опасаясь ответного огня и уж, конечно, не желая смерти того, в кого стреляет.



Вот какой груз ответственности, получается, возлагал Лермонтов на своего «противника». И выбрал таковым Мартынова вовсе не случайно. Во-первых, тот был отменным стрелком. Во-вторых, уже находился в отставке, так что дуэль не грозила его карьере. И, наконец, в-третьих, Лермонтов достаточно хорошо знал своего однокашника, был уверен в нем настолько, что мог поручить ему свою жизнь.

Ведь еще когда Михаил Юрьевич ехал в первую ссылку, в Москве он встретил Мартынова, и они несколько раз завтракали вместе в «Яре». Регулярно общались они и позже, по возвращении Лермонтова, а также на Кавказе. Офицер П. И. Магденко, приехавший в 1841 году с Лермонтовым и Монго-Столыпиным в Пятигорск, вспоминал, как сразу по прибытии Лермонтов обрадовался, узнав, что его приятель тоже здесь.

Более того, Лермонтов был уверен, что Мартынов, узнав о его приезде, сразу же прибежит. И тот действительно вскоре пришел.

В руки Мартынову и вручил свою судьбу Лермонтов. Сговорившись, приятели разыграли дальнейший сценарий, как по нотам. Показная ссора произошла при свидетелях, у генеральши Верзилиной, где собралась компания молодых людей в обществе хозяйки и трех ее дочерей.

Разыграть скандал, кстати, было нетрудно: все знали язвительный характер Лермонтова и его манеру выбрать себе жертву и цеп-

ляться к ней с постоянными придирками. Мартынов с его кинжалом и прозвищем Мартышка прекрасно для этого подходил.

Были ли посвящены в замысел секунданты? Возможно, но не все — иначе кто-нибудь обязательно проболтался бы. Зато все были уверены, что дуэль завершится несерьезным ранением или вообще выстрелами в воздух. Поэтому секунданты побеспокоились о шампанском, чтобы отпраздновать примирение, но не о враче. В конце концов, опытные боевые офицеры могли бы и сами оказать первую помощь, а город был неподалеку.

Секундантам и зрителям Мартынов должен был объяснить, что не выстрелил в воздух, чтобы избежать насмешек за заведомо безопасную дуэль (впоследствии он так и скажет). Секундант Васильчиков вспоминал, что под дулом пистолета у Лермонтова было спокойное, даже веселое лицо...

Казалось бы, все было учтено. Но, как часто бывает в таких случаях, вмешалась незапланированная случайность. Дуэль была назначена на 7 часов вечера (в середине июля по старому стилю — еще светло!). Но именно в этот вечер над Пятигорском разразилась небывалая на памяти его жителей гроза.

Резко потемнело, и Мартынову по существу пришлось стрелять в глубоких сумерках. Ему бы отложить дуэль или выстрелить в воздух, да, видно, отставной майор понадеялся на свою выучку и верность руки.

Но целился он довольно долго, так что князь Трубецкой даже крикнул: «Ну, стреляйте же, господин Мартынов, или я развожу дуэль!» И, как говорится, попал «под руку»...

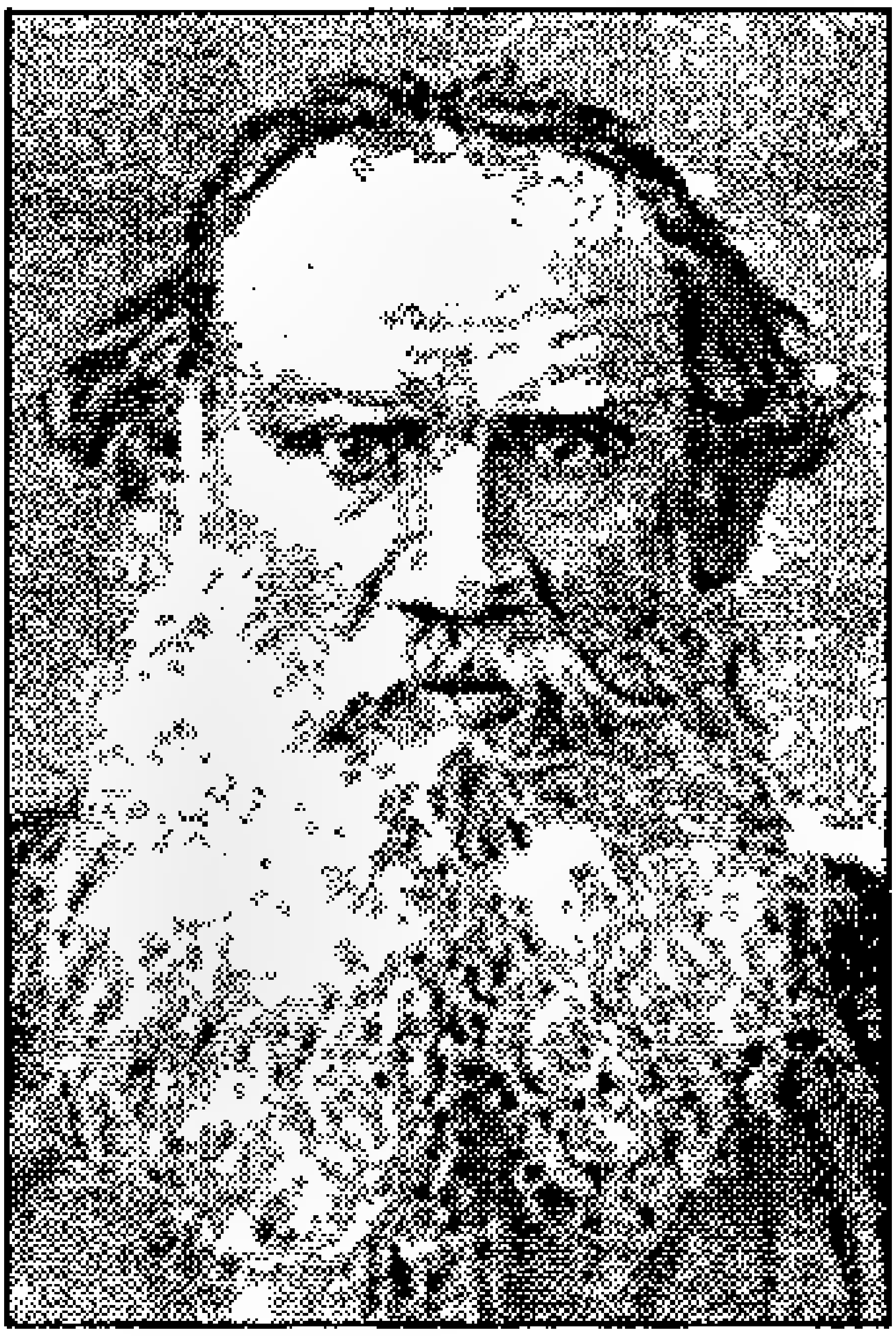
Когда прогремел выстрел, Лермонтов рухнул как подкошенный. Секундант Васильчиков вспоминал, что он даже не схватился за рану, как обычно делают раненые. Мартынов бросился к нему, опередив секундантов... Поэт был мертв. Пуля пронзила сердце.

Сделать ничего было уже нельзя. И прямо с места дуэли Мартынов поехал к коменданту города. Под арест...

По указу Николая I он был сослан на 12 лет в Киев. О гибели Лермонтова и о самом поэте он больше ни с кем не говорил, но каждый год в день роковой дуэли заказывал панихиду по рабу Божьему Михаилу... Только спустя тридцать лет его уговорили написать мемуары о знакомстве с Лермонтовым и дуэли. Мартынов начал работу, живо и интересно рассказал о совместной учебе в юнкерской школе и — остановился. О роковом поединке он так никогда и не написал ни слова. Видно, все еще переживал...

ЛЕВ ТОЛСТОЙ — ИНЖЕНЕР И ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ

К великому русскому писателю **Льву Николаевичу Толстому** у многих, как ни странно, отношение неоднозначное. Кое-кто тихо посмеи-



Лев Николаевич Толстой (1828—1910)

вается, читая, как слуга поутру докладывал графу: «Пахать подано!» И тот босиком отправлялся ковырять плугом делянку, полагая, что тем самым вносит вклад в сельское хозяйство как своего имения, так и всей страны.

Другие прямо называют графа графоманом, лениво перелистывая толстенный том **«Войны и мира»**. В особенности если знают, что первый вариант романа был втрое тоньше и ошибок в нем было значительно меньше.

Наконец, третьи просто недоуменно пожимают плечами, услышав, что граф заставлял свою жену, Софью Андреевну, 98 раз переписывать текст рассказа **«После бала»**, всякий раз внося в него все новые поправки...

Между тем мало кому известно, что Лев Николаевич мог писать и совершенно иначе: коротко и ясно, проявляя при этом обширную эрудицию и знание вопросов, казалось бы, бывшему гвардейскому офицеру отнюдь не близких.

Так, в 1859 году в собственном имении Ясная Поляна он открыл школу для крестьянских детей. Причем учебники для этой школы

Л. Н. Толстой написал сам, несмотря на то что дети изучали двенадцать предметов: чтение, письмо, грамматику, русскую историю, математику, рисование, основы естественных наук (то есть первоначальные сведения по физике и химии), черчение, пение и другие.

Начинает он с того, что учит: к каждому делу надо подходить со смекалкой. И рассказывает притчу о том, как смекалистый мужик всех инженеров обскакал.

«На площади в одном городе лежал огромный камень, — пишет Лев Николаевич. — Камень занимал много места и мешал езде по городу. Призвали инженеров и спросили их, как убрать этот камень и сколько это будет стоить.

Один инженер сказал, что камень надо разбивать на куски порохом и потом по частям

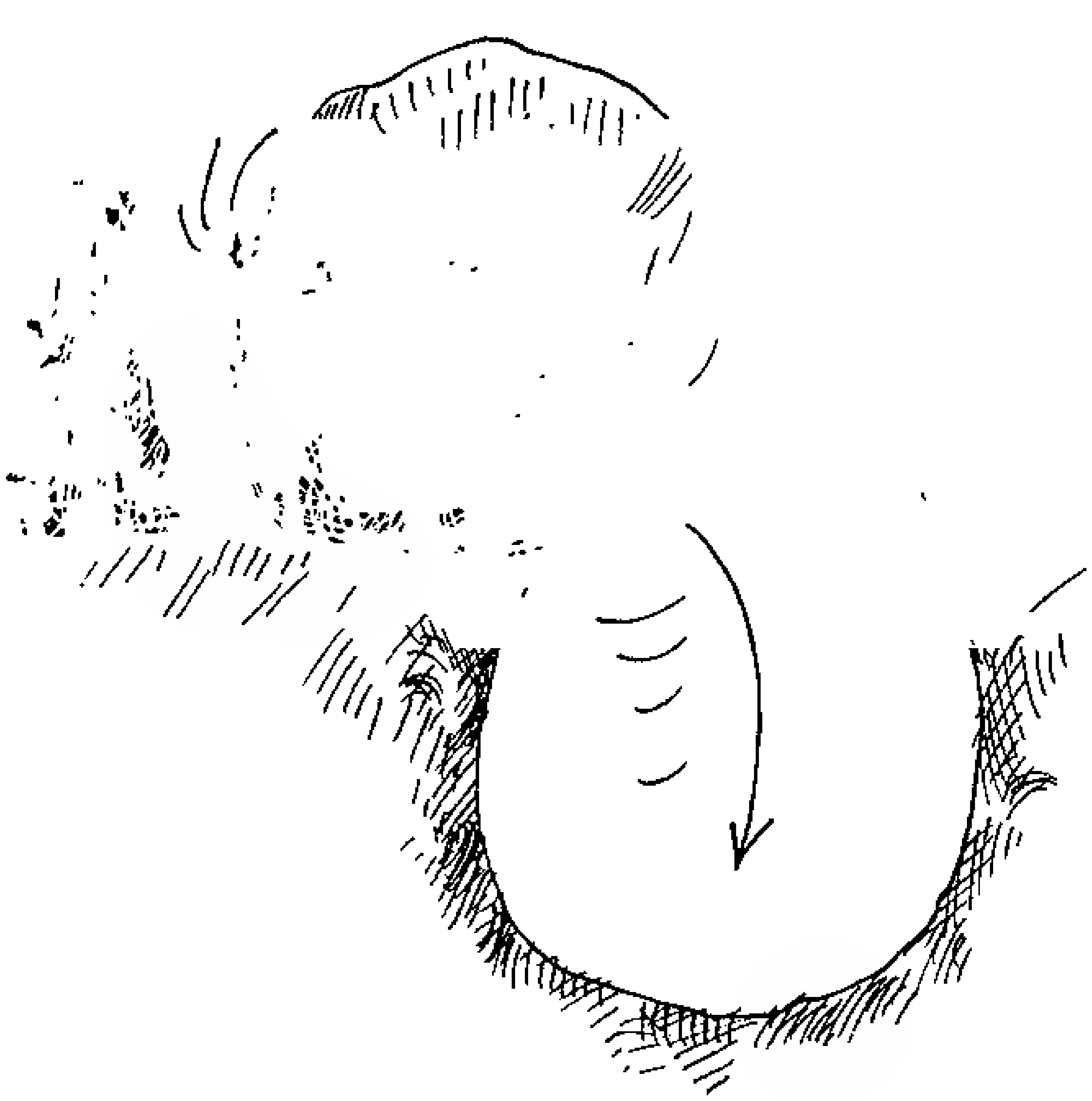
свезти его, и что это будет стоить восемь тысяч рублей; другой сказал, что под камень надо подвести большой каток и на катке свезти камень, и что это будет стоить шесть тысяч рублей.

А один мужик сказал: «А я уберу камень и возьму за это сто рублей».

У него спросили, как он это сделает. И он сказал: «Я выкопаю подле самого камня большую яму; землю из ямы развалю по площади, свалю камень в яму и заровняю землею».

Мужик так и сделал, и ему дали сто рублей и еще сто рублей за умную выдумку».

Далее Л. Н. Толстой дает простейшую задачу по механике на соударение двух тел и иллюстрирует ее такой историей.



«Один раз машина (так во времена Толстого называли поезд. — *С. З.*) ехала очень скоро по железной дороге. А на самой дороге, на переезде, стояла лошадь с тяжелым возом. Мужик гнал лошадь через дорогу, но лошадь не могла сдвинуть воз, потому что заднее колесо соскочило. Кондуктор закричал машинисту: «Держи», но машинист не послушался.

Он смекнул, что мужик не может ни согнать лошадь с телегой, ни своротить ее и что машины сразу остановить нельзя. Он не стал останавливать, а самым скорым ходом пустил машину и во весь дух налетел на телегу. Мужик отбежал от телеги, а машина, как щепку, сбросила с дороги телегу и лошадь, а сама не тряхнулась, пробежала дальше. Тогда машинист сказал кондуктору:

— Теперь мы только убили одну лошадь и сломали телегу, а если бы я тебя послушал, мы сами бы убились и перебили бы всех пассажиров. На скором ходу мы сбросили телегу и не слыхали толчка, а на тихом ходу нас бы выбросило из рельсов...»

Осведомлен оказался Лев Николаевич и в термодинамике. Вот одна из его миниатюр «Как в городе Париже починили дом»:

«В одном большом доме разошлись врозь стены. Стали думать, как их свести так, чтобы не ломать крыши. Один человек придумал. Он вделал с обеих сторон в стены железные ушки; потом сделал железную полосу, такую, чтобы она на вершок не хватала от ушка до ушка.

Потом загнул на ней крюкн по концам так, чтобы крюки входили в ушки. Потом разогрел полосу на огне; она раздалась и достала от ушка до ушка. Тогда он задел крюками за ушки и оставил ее так. Полоса стала остывать и сжиматься и стянула стены».

Самое интересное, что история, рассказанная Л. Н. Толстым, действительно имела место при императоре Наполеоне. В начале XIX века фундамент Музея искусств и ремесел в Париже просел до такой степени, что стало заметно глазу: стены выпятились наружу, того и гляди грозили упасть. Император приказал спешно провести обследование здания и представить ему смету ремонта.

Ученая комиссия после тщательных изысканий пришла к выводу: ничего не поправишь, здание надо строить заново. Стоимость строительства оценили в 10 миллионов франков. Наполеон проект забраковал. Вновь комиссия засела за работу и вскоре представила новое решение. Предлагалось вырыть глубокие колодцы, поставить в них на гранитные столбы подъемные винты и с их помощью выправить стены. Стоимость ремонта опять-таки оценивалась в 10 миллионов.

Наполеон отверг и это предложение.

И вот однажды к нему явился молодой изобретатель. Это был инженер М. Молар. Он брался выправить стены за десятую часть той суммы, которую требовали ученые мужи. Как? Это и сегодня для нас любопытно, поскольку лиш-

ний раз подтверждает истину, что знание азов физики позволяет избежать и многих ошибок, и лишних трат.

В противоположных стенах Молар предложил просверлить ряд отверстий и пропустить сквозь здание длинные болты. После того как это было сделано, на каждый болт надели по четырехпалому якорю, чтобы увеличить опору на поверхность стены, и закрепили их гайками. Затем к концам болтов подвесили жаровни.

Каждое утро рабочие разводили в жаровнях огонь. Болты раскалялись и согласно законам физики становились чуть длиннее. Рабочие подтягивали гайки. А охладившись, болты укорачивались, стягивая стены. И так раз за разом...

Через две недели стены были выпрямлены, после чего рабочие подправили фундамент и закончили ремонт. Он обошелся даже дешевле первоначальной сметы — всего в полмиллиона франков. Наполеон решил быть великодушным — оставшиеся деньги подарил изобретателю, вдобавок наградив его орденом...

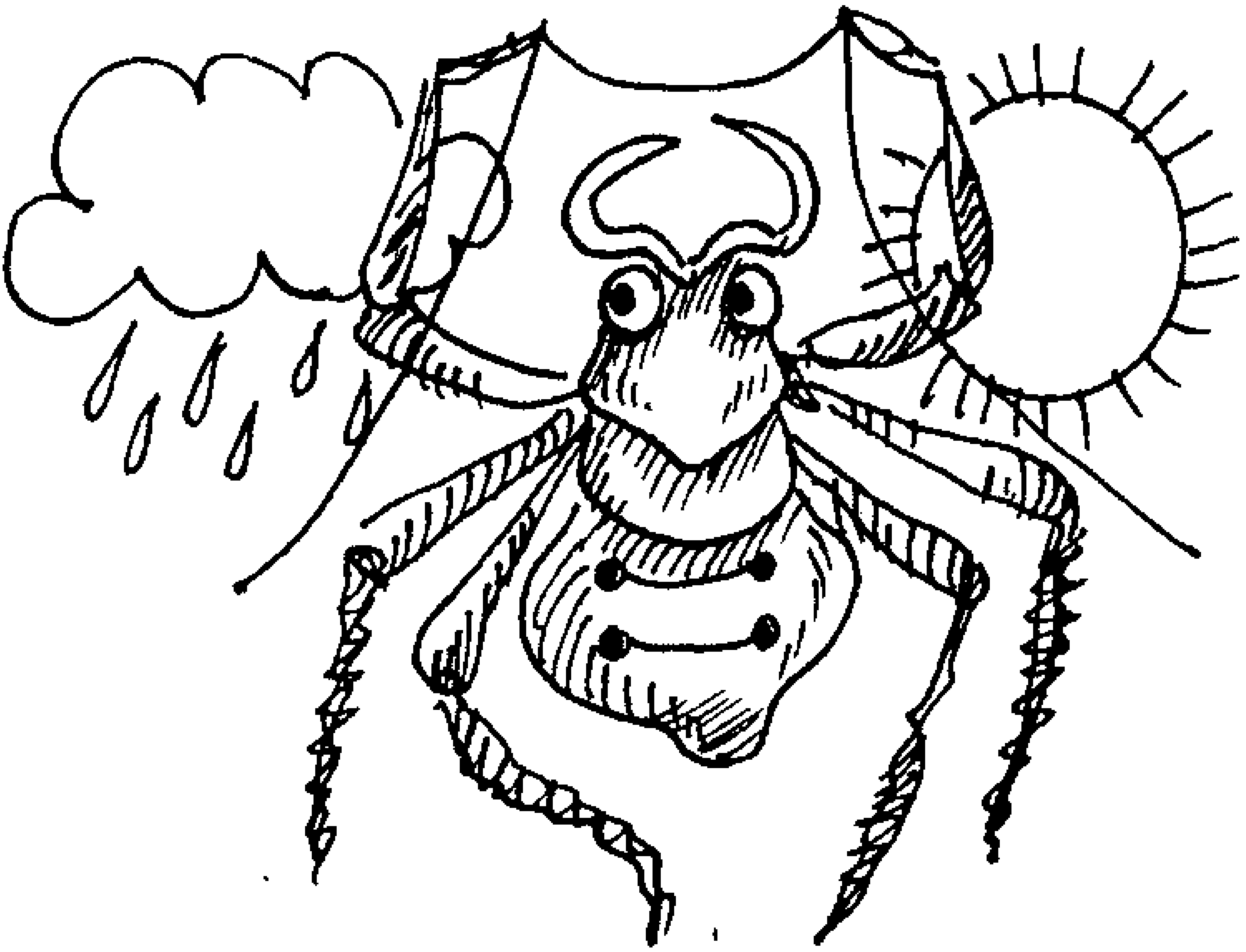
Так что, как видите, Лев Николаевич лишь упростил сюжет, но все, что касалось физики, он в своем рассказе передал верно.

Еще одна история, рассказанная Толстым, оказывается связанной как с наполеоновскими войнами, так и с физикой, а еще с... пауками.

«Отчего паук иногда делает частую паутину и сидит в самой середине гнезда, а иногда выходит из гнезда и выводит новую паутину?» —

задает Лев Николаевич вопрос своим маленьким читателям. И сам же на него отвечает: «Паук делает паутину по погоде, какая есть и какая будет. Глядя на паутину, можно узнать, какая будет погода: если паук сидит, забившись в середине паутины, и не выходит — это к дождю. Если он выходит из гнезда и делает новые паутины, то это к погоде».

Откуда Толстой мог все это узнать? Возможно, от дворовых крестьян. А возможно, готовясь к написанию «Войны и мира», он мог вычитать в книгах следующий любопытный факт. Когда поздней осенью 1811 года наполеоновские войска вступили в Нидерланды, местные жители, чтобы противостоять продвижению завоевателей, разобрали дамбы, защищавшие территорию страны от наводнений, и



вода затопила все дороги. Наступление приостановилось.

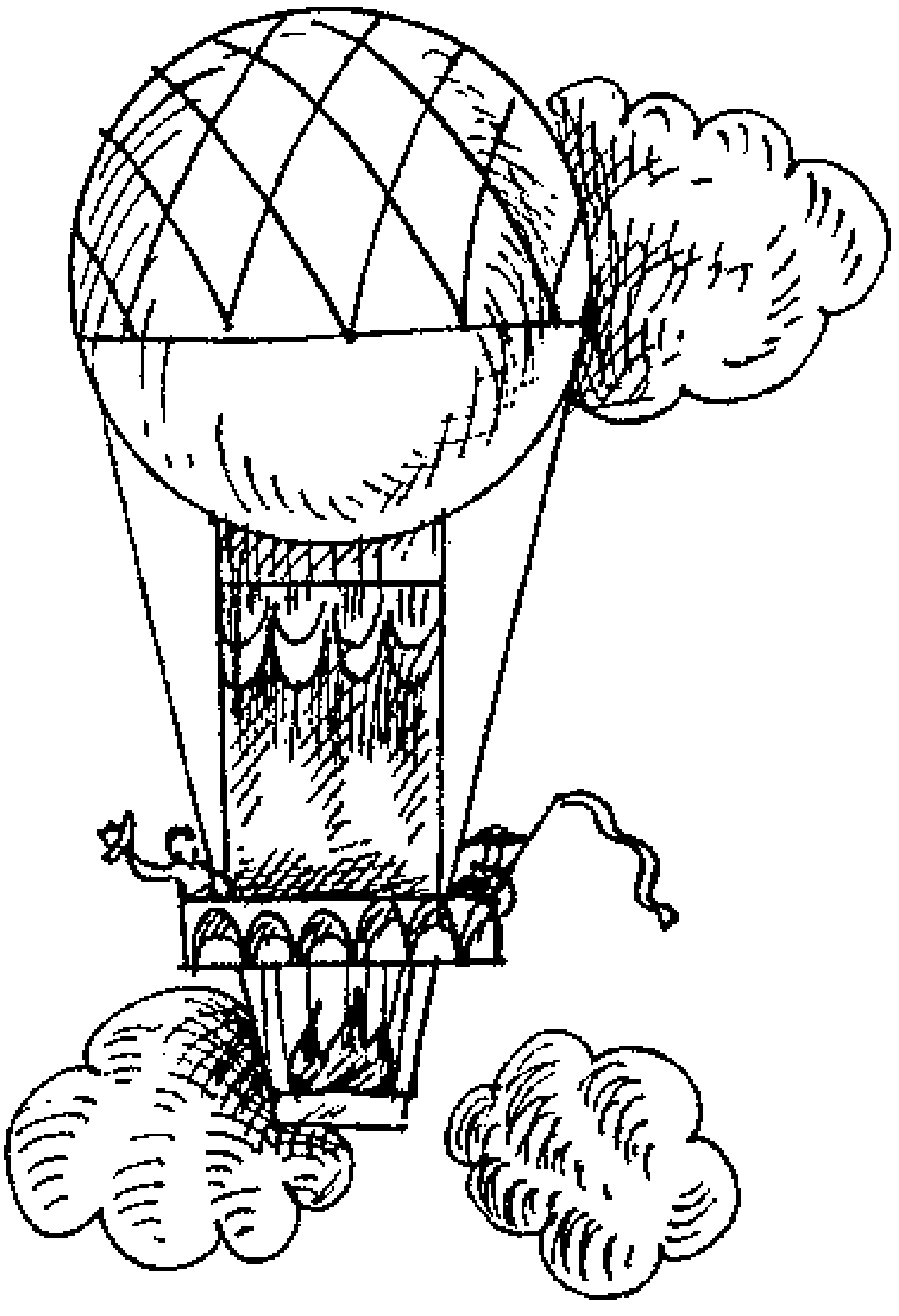
Наполеон собрал военный совет, чтобы решить, что делать дальше. Большинство маршалов склонялись к мысли, что надо отступить и вернуться зимой, когда вода замерзнет и конница с артиллерией смогут беспрепятственно продвигаться. Лишь один старый вояка посоветовал выждать еще пару дней, поскольку, по его мнению, морозы должны ударить вот-вот.

На вопрос Наполеона, откуда он это знает, служивый ответил: «Пауки подсказывают». И действительно, вскоре наступило похолодание, войска смогли продолжить наступление.

Слышал ли про этот случай Л. Н. Толстой или нет, сказать трудно. Но объяснение паучьему поведению он в своем рассказе дает совершенно правильное. «Чувства у паука так тонки, — пишет он, — что когда в воздухе начнет собираться сырость, и мы этой сырости не слышим и для нас погода еще ясная, — для паука уже идет дождь».

Объяснял писатель и отчего при высыхании деревянные доски, как правило, коробятся и как этого можно избежать. Почему в морозы трещат деревья и отчего лед плавает, а вода при замерзании может разорвать даже чугунный ствол пушки...

Наконец, два рассказа писатель посвятил модному тогда увлечению — воздухоплаванию и толково объяснил, почему воздушные шары летают.



«Если взять надутый пузырь и опустить его в воду, а потом пустить, — то пузырь выскочит на верх воды и станет по ней плавать, — пишет он. — Точно так же, если кипятить чугун воды, — то на дне, над огнем, вода делается летучею, газом; и как соберется пар, немножко водяного газа, он сейчас пузырем выскочит наверх. Сперва выскочит один пузырь, потом другой, а как нагреется вся вода, то пузыри выскакивают не переставая; тогда вода кипит.

Так же, как из воды выскакивают наверх пузыри, надутые летучею водой, потому что они легче воды, — так из воздуха выскочит на самый верх воздуха пузырь, надутый газом — водородом, или горячим воздухом, потому что горячий воздух легче холодного воздуха,— а водород легче всех газов».

В общем, как видите, Лев Николаевич Толстой прекрасно разбирался не только в человеческой натуре и характере, но и в законах природы, мог описать не только характер человека, но и сущность того или иного физического явления.

РЕВОЛЮЦИОНЕР НА КУХНЕ

У супруги профессора богословия, проповедника Кальвина Стоу жизнь была нелегкой. Уход за мужем и шестерыми детьми, молитвенные собрания, на которых следовало прилюдно каяться в греховных мыслях и поступках, мучительные размышления, как распределить скудный семейный бюджет, чтобы хватило хотя бы на самое необходимое. Все эти неотложные дела и заботы отнимали, казалось бы, все ее время. И все же по ночам заботливая мать и примерная жена писала книгу.

Нельзя сказать, что вдохновение посещало ее именно в это время суток. **Гарриет Бичер-Стоу** оно никогда не оставляло, чем бы она ни занималась — преподавала ли в школе для девочек, участвовала ли в бесконечных благотворительных начинаниях своего мужа, — все выходило талантливо и с чувством. Просто другого времени для литературного труда у нее не было. А не писать не могла — она верила, что своим романом сможет искоренить злейший общественный порок — рабство.

Гарриет Бичер-Стоу (1811—1896)

Говорят, мысль о книге осенила скромную домохозяйку в церкви, причем так ясно, что в одно мгновение перед нею вдруг во всех подробностях предстала картина смерти будущего героя. Жена проповедника вернулась домой, записала свое странное видение и тут же быстро набросала план романа. Остальное получилось как бы само собой, и в 1852 году **«Хижина дяди Тома»** увидела свет, прославив имя автора.

«Отмене невольничества предшествовала знаменитая книга женщины, г-жи Бичер-Стоу», — так оценил ее творчество на исходе XIX века Л. Н. Толстой.

Чем же вызвала книга домохозяйки такой широкий интерес у современников? Во-первых, она написана по всем правилам триллера: читатель с интересом следит, что будет с героями дальше. Во-вторых, писательница сама любила своих героев, и ее симпатии передаются читателям. И, наконец, в-третьих, Бичер-Стоу написала нужную книгу в нужное время.

«Хижина дяди Тома» — вовсе не первое и не единственное произведение писательницы, как многие думают. Она начала писать еще в начале 1830-х годов. Ее ранние рассказы и очерки печатались в популярном «Дамском журнале». Выступала она и как автор произведений для детей, обращалась к жанру нравоучительной притчи.

Произведения писательницы 30-х — начала 40-х годов составили сборник «Мэйфлауэр». Свою задачу писательница видела в том, чтобы правдиво изобразить быт и нравы простых людей.

Работу же над романом «Хижина дяди Тома» стимулировало то обстоятельство, что в 1850 году появился закон о беглых рабах, взволновавший прогрессивно мыслящих американцев. С рабством нужно было покончить, несмотря на протесты плантаторов. И Гарриет Бичер-Стоу принимает решение написать книгу об ужасах рабства. К тому же именно в это время писательница получила заказ на роман от аболиционистского журнала «Национальная эра».

Аболиционистами в то время называли сторонников отмены рабства и освобождения негров. К их числу относилась и Бичер-Стоу.

Работала она хоть и урывками, но очень быстро. Роман был написан всего за несколько месяцев. Сначала он печатался отдельными главами в журнале, а в 1852 году вышел в свет отдельной книгой. Современники восприняли его не только как призыв к защите негров, но и как протест против попрания человеческих прав людей с любым цветом кожи, живущих на разных континентах.

«Вы не найдете в рабстве, даже там, где оно обходится без жестокостей, ни одной хорошей, ни одной хоть сколько-нибудь привлекательной черты», — пишет Бичер-Стоу. Даже добрые белые люди, полагала она, получая «право» владеть рабами и распоряжаться их судьбами, вовлекаются тем самым в дела и отношения, безнравственные по самой своей сути. Для многих же охота за беглыми неграми становится почетной профессией и объявляется гражданской доблестью.

В романе писательница рассказывает о трагической судьбе негра Тома, показывает, как разрушаются семьи, детей отрывают от родителей и продают, жен разлучают с мужьями. На негров смотрят как на предмет купли и продажи. Между тем они тоже люди, по своим человеческим качествам часто превосходящие своих хозяев. В тихом и почтительном Томе раскрывается большая сила характера. Его во-

лю нельзя сломить. И когда он попадает к жестокому хозяину Легри, который заставляет его быть надсмотрщиком и избивать непокорных негров, Том решительно отказывается от этого. Он не желает творить зло. «Мою душу не купишь ни за какие деньги! Вы над ней не вольны!» — говорит он хозяину.

Мулат Гаррис — талантливый изобретатель, его жена Лиззи проявляет удивительное мужество, борясь за своего ребенка, маленькая Топси согревает окружающих своим очарованием и юмором. Все они достойны лучшей участи, утверждает Бичер-Стоу.

Роман произвел такое впечатление на американцев, что плантаторы затеяли целую кампанию с целью дискредитировать основную идею романа. Дескать, все это выдумки и на самом деле положение обстоит иначе...

Тогда в 1853 году Бичер-Стоу написала своеобразное продолжение, точнее — приложение к роману. В книге «Ключ к хижине дяди Тома» она привела множество документов и свидетельств, послуживших источником для написания ее романа.

Еще раз она вернулась к этой же теме в книге «Дред, повесть о Проклятом Болоте», вышедшей в 1856 году. И добилась-таки своего. И хотя в 1861 году плантаторы южных штатов, подняв мятеж с целью сохранения рабства, привели народ к Гражданской войне Севера с Югом, войну они в конце концов проиграли. И начиная с 1865 года рабство на территории США было отменено. Доля в этой победе, безусловно, принадлежит и писательнице Гарриет Бичер-Стоу, показавшей всему миру, что большие дела может вершить и домохозяйка.

ПО СЛЕДУ БЕЛОГО КИТА

Говорят, что писатели чаще всего рассказывают в своих произведениях случаи из собственной жизни. Впрочем, бывает и так, что и сами сюжеты определяют дальнейшую био-

Герман Мелвилл (1819—1891)

графию писателя. Так получилось с американским писателем XIX века **Германом Мелвиллом.**

Поначалу он прославился автобиографическими морскими повестями о превосходстве простых и искренних нравов туземных народов перед современной лживой цивилизацией. А его социально-философский аллегорический роман **«Моби Дик»** во многом определил судьбу самого писателя.

В центре авантюрного сюжета стоит борьба воли и человеческого интеллекта с «мировым злом», воплощенном в образе белого кита. Так говорит о писателе энциклопедия. И если верить ей, то вряд ли кому захочется даже перелистать этот толстенный том, хотя и снабженный замечательными рисунками.

Мне лично повезло. Я, не заглядывая в энциклопедию, сразу стал читать эту на редкость необычную книгу.

«Среди людей суеверных ходили о белом ките самые невероятные слухи, — сразу предупреждает писатель. — Что им движет некая нездешняя сила. Потому что, нырнув в одном месте, он через несколько минут мог вынырнуть в совершенно другом — слишком отдаленном даже для кита. Что он вездесущ, потому что его встречали под разными широтами. И даже что он бессмертен. Китобои говорили, что даже если целые рощи гарпунов вырастут на его боках и когда-нибудь он все же начнет пускать кровавые фонтаны, это будет лишь проявлением его дьявольской хитрости.

Однако своей ужасной славой он был обязан не всем этим свойствам, и не грандиозности своей, и даже не цвету, а той беспримерной расчетливой злобе, которую он проявлял, нападая на людей».

Согласитесь, такое начало поспорит даже со многими детективными романами. Впрочем, Герман Мелвилл и написал своеобразный детектив, хотя ныне критики полагают, что «Моби Дик», безусловно, одно из самых знаменитых произведений так называемой «серьезной литературы». Во всяком случае, так полагают в Америке.

Но давайте обо всем по порядку.

Над романом «Моби Дик» писатель начал работать в 1850 году, когда ему было 30 с лиш-

ним лет и он уже снискал себе определенную литературную славу. Однако известность его была вовсе не та, которой он увенчан сейчас.

Популярность ему принесли два первых романа — «Тай-Пи» и «Ому», в основе которых лежат описания путешествий американского матроса на экзотические острова Тихого океана. Вот как характеризует их одна из биографов писателя Лори Робертсон Лоран: « Это была яркая, артистичная убедительная атака на американскую экспансию за океаном. Критикуя ее, Мелвилл резко отделил себя от когорты своих сверстников — молодых энергичных политиков. В том числе и от своего старшего брата Дансета, верившего, что судьба его страны — править миром».

Сторонники этой точки зрения без стеснения оттяпали у мексиканцев штат Техас и собирались вообще занять весь континент.

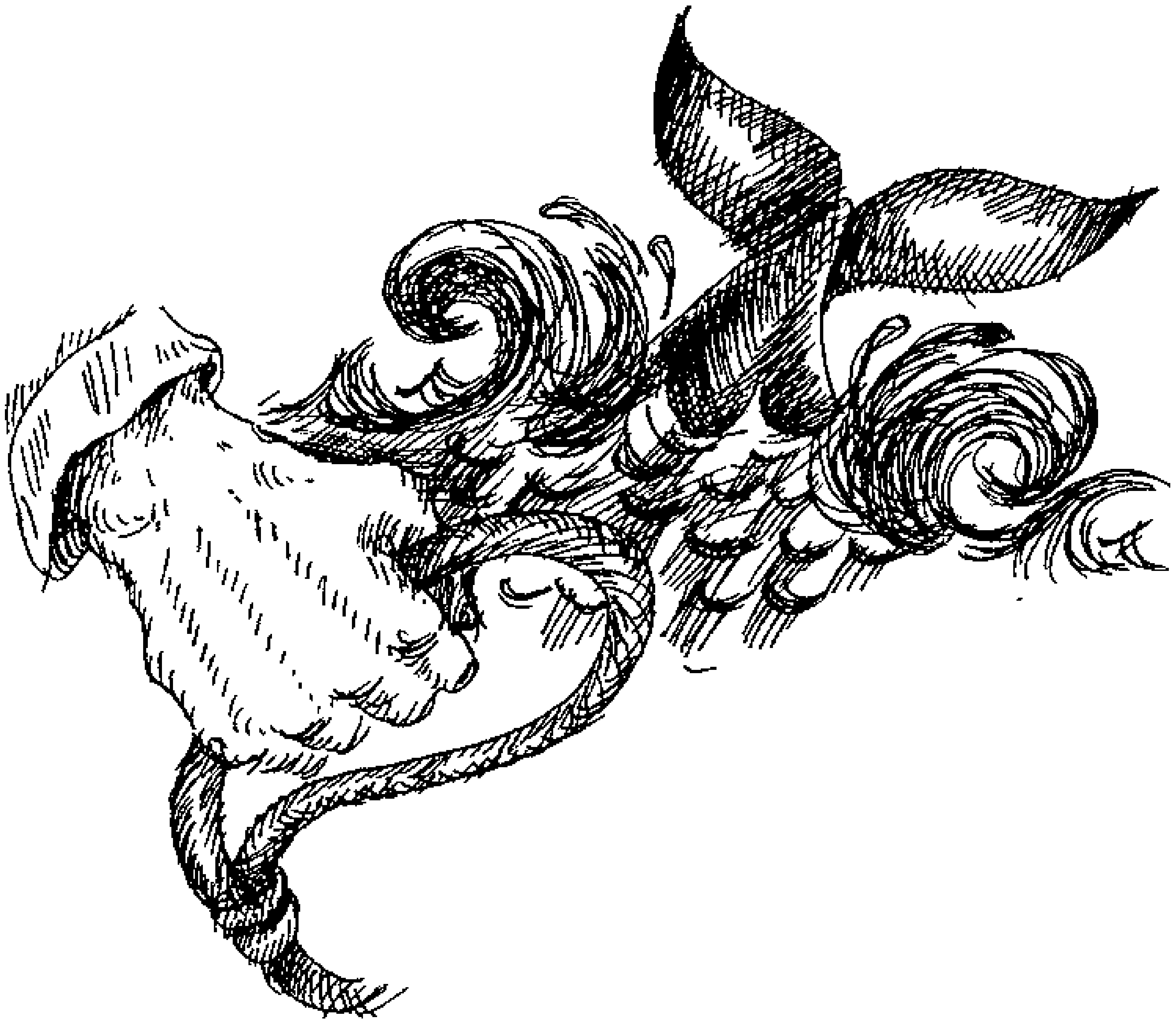
Один из его сверстников даже как-то воскликнул на публике: «Дух молодой Америки не удовлетворится достигнутым, но раскинет свои юные крылья для более дальнего и победоносного полета. Надежда мира будет опираться на эти крылья».

Герман Мелвилл считал эти высказывания высокомерными. Он побывал в Полинезии, еще не тронутой цивилизацией, затем на Таити, где колонизаторы только начинали разворачиваться, и сравнил их с Сандвичевыми островами, по которым уже прошел «марш цивилизации».

Сравнение оказалось не в пользу Америки. Он полагал, что этот «дьявольский марш» разрушит жизнь местного населения и развратит самих колонизаторов.

В общем, американцам досталось. Тем не менее, к удивлению самого писателя, публика расхватывала его романы.

«Этот феномен объясняется довольно просто, — говорит по этому поводу биограф Мелвилла, профессор Дж. Паркер. — Для широкого читателя в Америке XIX века Мелвилл был описателем сексуальных похождений янки на экзотических тихоокеанских островах. После выхода романа «Тай-Пи» Мелвилл стал первым секс-символом Америки...»



Впрочем, нашлись и критики романов Мелвилла. Они отмечали, что он резко пишет о том зле, которое принесли на Гавайи миссионеры. А потому вскоре по выходе его роман был сурово раскритикован представителями евангелической церкви.

Так что уже после выхода первого романа Мелвилла вокруг его имени разразился скандал.

Ну а поскольку Мелвиллы были американскими аристократами — одними из самых старинных по американским меркам и уважаемых семейств Новой Англии, то старейшины рода были несколько озадачены, когда Герман, которого все вокруг считали веселым оболтусом и бродягой, вдруг оказался политическим оппозиционером, еретиком и национальным секс-символом.

Однако предки рода и сами участвовали в Войне за независимость. Поэтому самостоятельность суждений была у всех в крови. Кроме того, Мелвиллы отличались здоровым чувством юмора. В итоге мать Мелвилла сказала соседке в ответ на замечание, что ее сын защищает дикарей: «Не знаю. Приехав из Полинезии, он никого из нас не съел, французской болезни не привез, и даже его ужасные манеры не стали хуже».

Тем временем, отплавав свое, знаменитый писатель, аристократ и холостяк стал достопримечательностью Новой Англии. За ним тут же устроили охоту невесты со всей округи. Но Герман нашел отличное убежище от их при-

тязаний. Он стал прятаться от поклонниц в доме верховного судьи, где проводил время с его серьезной ясноглазой дочерью Лиззи.

Он рассказал ей о тяготах жизни матроса, и она, как Дездемона, его за муки полюбила. И через несколько месяцев после знакомства они поженились. Свадьба состоялась весной 1847 года.

«Теперь, старина, о моем литературном китобойном вояже, — писал Мелвилл в одном из своих писем приятелю Ричарду Дейну. — Издателю я написал так. Книга представляет собой романтическое приключение, основанное на моем двухлетнем опыте гарпунера и на одной из тех диких легенд, что ходят между китобоями южных морей. Тебе же скажу, что книга выходит странной. Конечно, болтовня есть болтовня. Но в этой книге, кажется, я смешал ворвань с поэзией, которая сочится со страниц, как сироп с незамерзшего клена. Такая книга по природе своей требует странности. В ней должна быть та же неуклюжая грация, которая отличает пируэты китов».

Роман был написан быстро. На 760 страниц ушло меньше двух лет. Отчасти дело пошло так хорошо потому, что автор получил благословение своего нового друга, тоже писателя, **Натаниеля Готорна.**

Прозой своего друга Мелвилл искренне восхищался, дружбой дорожил. Иногда их переписка напоминает письма Пушкина лицейским друзьям.

«Мастер Готорн, я так тебя жду. Мои лучшие кони уже топчутся у дверей, и все приготовлено — постели, провизия, место для багажа... А также, заметь, несколько бутылок лучшего «Монтадо-шерри». Мы будем потягивать его, закусывая жареными гренками, и обмениваться мудрыми замечаниями, и занимательными историями, и непристойными шутками всю ночь напролет. Приезжай, не валяй дурака! А то я пошлю за тобой констеблей...»

Натаниел Готорн (1804—1864)

Итак, в 1851 году роман был опубликован. Кто-то из критиков даже назвал его впоследствии американским вариантом «Медного всадника». Это было захватывающее повествование о непомерной гордыне капитана Ахава, задумавшего отомстить стихии, и о беспомощной мудрости его помощника Старбека, не решившегося поднять руку на своего обезумевшего капитана.

В нынешней американской литературе этот роман занимает примерно такое же место, как в русской — «Война и мир» и «Мертвые души».

Или даже большее, поскольку у нас выдающихся писателей в XIX веке было много, а вот у американцев, как считается, один Мелвилл.

Объяснение этому дается довольно неожиданное. Для американцев Тихий океан в то время был таким же кормильцем, как лес для русского крестьянина. Отсюда и такое внимание ко всему, что связано с морем, и в том числе к роману «Моби Дик».

Но сам роман весьма странно повлиял на своего создателя. Ему как бы передалась часть безумия и упрямства его главных героев.

На закате жизни Мелвилл сжег множество писем, в том числе все свои письма к жене. И потому о его личной жизни известно немного.

После того как критика поначалу в пух и прах разнесла и «Моби Дика», и следующий роман Мелвилла «Пьер», весельчак сильно изменился. Он перестал появляться на людях, стал отшельником.

Про него стали рассказывать, что он, как и капитан Ахава, тоже несколько повредился в уме, бьет жену и скандалит с детьми.

Драма усугубилась разрывом со старым другом Натаниелем Готорном. Тот почти одновременно с «Моби Диком» выпустил в свет свой главный роман «Алая буква», принесший ему не только литературную славу, но и такую общественную репутацию, что вскоре он был назначен американским консулом в Ливерпуль.

Профессор Мэрилендского университета Роберт Левин полагает, что причиной тому

стали как успех одного, так и неуспех другого. Готорну стало не с руки поддерживать отношения со своим впавшим в немилость приятелем.

С возрастом сам Мелвилл все больше напоминал капитана Ахава, одержимого одной-единственной страстью. Мелвилл помешался на литературе. Он писал, а его не печатали.

Трудности отношений с внешним миром отразились и на семейной жизни. В сентябре 1867 года Мелвилл поссорился со своим старшим сыном — 19-летним Малкольмом. Тот стал гулякой и частенько засиживался в барах. И хотя он по существу не делал ничего сверх того, что в свое время проделывал и сам Мелвилл, отец почему-то воспротивился забавам сына. Но тут нашла коса на камень — оба обладали сходными характерами.

Отец приказал не пускать сына в дом после полуночи. Но мать не ложилась спать до тех пор, пока сын не приходил, и вопреки приказу открывала дверь.

Это вызывало новые скандалы, и конце концов все однажды кончилось трагедией — сын застрелился в своей комнате. Его смерть так сильно отразилась на младшем сыне Мелвилла, что после гибели брата он заболел какой-то непонятной болезнью, потом оглох и умер.

А вскоре умер и сам писатель, раздавленный свалившимся на него горем.

И должно было пройти более полувека, пока и роман и его автор не были открыты заново.

В 30-е годы уже XX века роман был переиздан и пошел гулять по всему миру, принеся своему автору огромную, но, увы, уже посмертную славу.

И поныне каждый год устраиваются Мелвилловские чтения, во время которых все, кто на них бывает, участвуют в своеобразном марафоне. Сменяя друг друга, почитатели Мелвилла круглые сутки напролет читают толстый роман от первой до последней строчки.

ЛОЦМАН ЛИТЕРАТУРЫ

Тем, что литература обрела **Марка Твена**, мы обязаны Миссисипи. Нет, я не собираюсь утверждать, что, не будь этой великой реки, **Самюэль Ленгхорн Клеменс** не стал бы великим писателем. Но факт остается фактом: именно Миссисипи подарила своему бывшему лоцману литературный псевдоним.

Марк Твен (1835—1910)

Как вспоминал впоследствии сам писатель, «mark twain» («отметь два») — ходовой лоцманский термин, означавший, что глубина достигает в данном месте двух морских саженей (около четырех метров).

И стало быть, пароход может безопасно следовать своим курсом.

И Марк Твен отправился в самостоятельное плавание, стараясь придерживаться глубокой воды.

Именно Миссисипи подарила писателю многие сюжеты его произведений. А Самюэль Клеменс, став Марком Твеном, пересказал эти сюжеты нам. Вспомните **«Приключения Тома Сойера», «Приключения Гекльберри Финна»** — в этих и некоторых других произведениях наряду с людьми одним из главных персонажей является Река.

«Вся современная американская литература вышла из одной книги Марка Твена, которая называется «Гекльберри Финн». Это лучшая наша книга... Ничего подобного до нее не было. Ничего равного не написано до сих пор».

Так оценил значение творчества бывшего речного лоцмана Эрнест Хемингуэй. Но прежде чем стать лоцманом американской литературы, Самюэль Клеменс прожил долгую, богатую событиями жизнь.

Родился Марк Твен 30 ноября 1835 года в штате Миссури, в деревне Флорида. Деревушка, несмотря на громкое название, была столь крошечной, что Твен позднее шутил: «Родившись, я увеличил население Флориды на целый процент...»

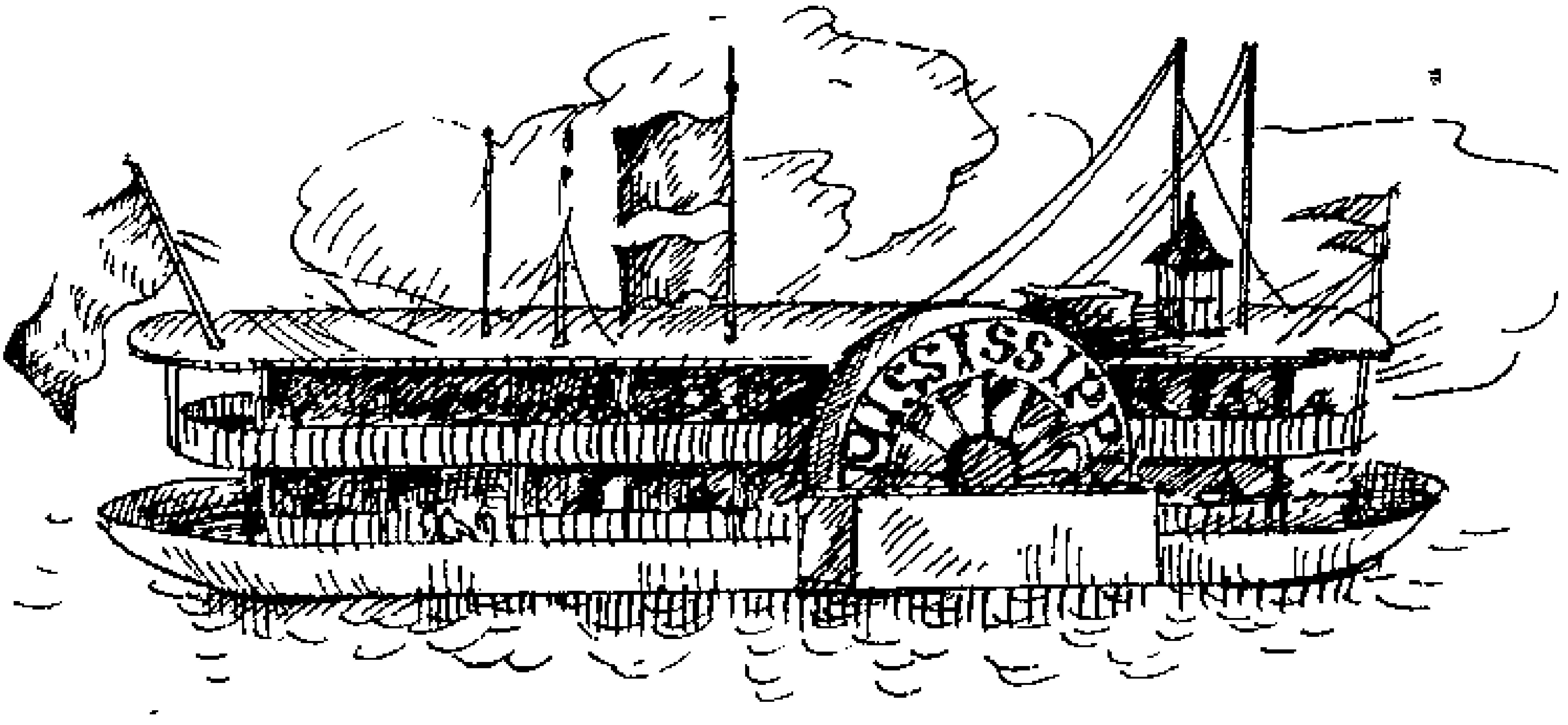
Четыре года спустя Клеменсы переехали в городок Ганнибал на реке Миссисипи. Тот са-

мый городок, который известен всем читателям под именем Сент-Питерсберга.

В двенадцать лет Сэм Клеменс потерял отца, был вынужден бросить школу и поступил «за одежду и стол» в местную газету. Прикоснувшись к печатному слову, мальчик втянулся в чтение и даже опубликовал свои первые литературные пробы.

Шесть лет спустя, в 1853 году, Клеменс покинул родные места и пошел «в люди». Работая бродячим наборщиком, он за четыре года повидал крупнейшие промышленные и культурные центры своей страны — Нью-Йорк, Филадельфию, Вашингтон...

Еще несколько лет спустя Клеменс стал учеником лоцмана на Миссисипи. Затем «я стал рудокопом в копях Невады, — вспоминал сам писатель, — потом газетным репортером, потом золотоискателем в Калифорнии; потом газетчиком в Сан-Франциско, потом специальным корреспондентом на Сандвичевых островах; потом разъездным корреспондентом в Европе и на Востоке, потом носителем факела



просвещения на лекторских подмостках и, наконец, я стал книжным писакой и непоколебимым столпом среди других столпов Новой Англии».

Одна за другой выходят его книги, принося писателю заслуженную славу и популярность. К концу XIX века Марк Твен становится самым знаменитым американцем как у себя на родине, так и за рубежом. Его книги читают во всех странах. Письма к нему доходят по адресу: Америка, Марку Твену.

Писатель не только сам стал знаменитым. Он сделал известными и друзей своего детства: вездесущие литературоведы без особого труда устанавливают, что Бекки Тэтчер в действительности звали Лаура Хокинс, Джо Гарпера — Джон Бриге, вдову Дуглас — миссис Холидей, Гека Финна — Том Бланкеншип...

Что же касается Тома Сойера, то его так и звали — Томас Сойер Спиви, мальчуган из соседнего штата Иллинойс, слава о проделках которого докатилась и до Ганнибала.

Конечно, в книге все подано не совсем так, как было в жизни, — автор использовал право писателя на художественный вымысел и на создание обобщенных образов. Так, в Томе «объединились черты трех моих знакомых мальчишек», — писал Марк Твен. Кто они, эти трое? Во-первых, сам автор, затем его ровесник и школьный друг Уил Боуэн и, наконец, тот самый Том Сойер Спиви, о котором мы уже говорили.

Но в большинстве случаев автор опирался на действительные факты. Был в городке и индеец Джо. Пещера его имени и по сей день привлекает внимание экскурсантов, которые приезжают в городок почтить память Марка Твена, увидеть места, где он жил, а заодно и полюбоваться оригинальным памятником, установленным при въезде. Это памятник литературным героям Тому и Геку, которых запечатлел в бронзе скульптор Фредерик Хиббард.

Марк Твен, казалось бы, достиг всего, о чем только может мечтать писатель. Но был ли он счастлив? На этот вопрос читатели получили ответ лишь после смерти Твена в 1910 году, когда была начата публикация его «Автобиографии» и записных книжек.

«Только мертвые имеют свободу слова. Только мертвым позволено говорить правду. В Америке, как и повсюду, свобода слова для мертвых». Эти жесткие слова принадлежат человеку, который всю жизнь смешил людей, все произведения которого пронизаны юмором, который любил и ценил шутку. Почему так? Марк Твен честно и прямо отвечает на этот вопрос: «Меня бесконечно поражает, что весь мир не заполнен книгами, которые с презрением высмеивали бы эту жалкую жизнь, бессмысленную вселенную, жестокий и низкий род человеческий, всю эту нелепую смехотворную канитель... Почему я не пишу эту книгу? Потому что я должен содержать семью. Это единственная причина. Быть может, так рассуждали и другие».

Но все-таки он мечтал написать такую книгу. В его записках остались заметки о том, что хотел описать Марк Твен в третьей, заключительной книге, посвященной его главным героям — Тому и Геку.

Гек приходит домой бог знает откуда. Ему шестьдесят лет, он сошел с ума. И воображает, что он все тот же мальчишка, ищет в толпе Тома, Бекки и других. Из скитаний по свету возвращается и постаревший Том, встречается с Геком. Оба разбиты, отчаялись, жизнь не удалась. Все, что они любили, что считали прекрасным, — ничего этого уже нет.

В творческом наследии Марка Твена значится и книга «Таинственный незнакомец», оставшаяся незаконченной. В ней есть такие слова:

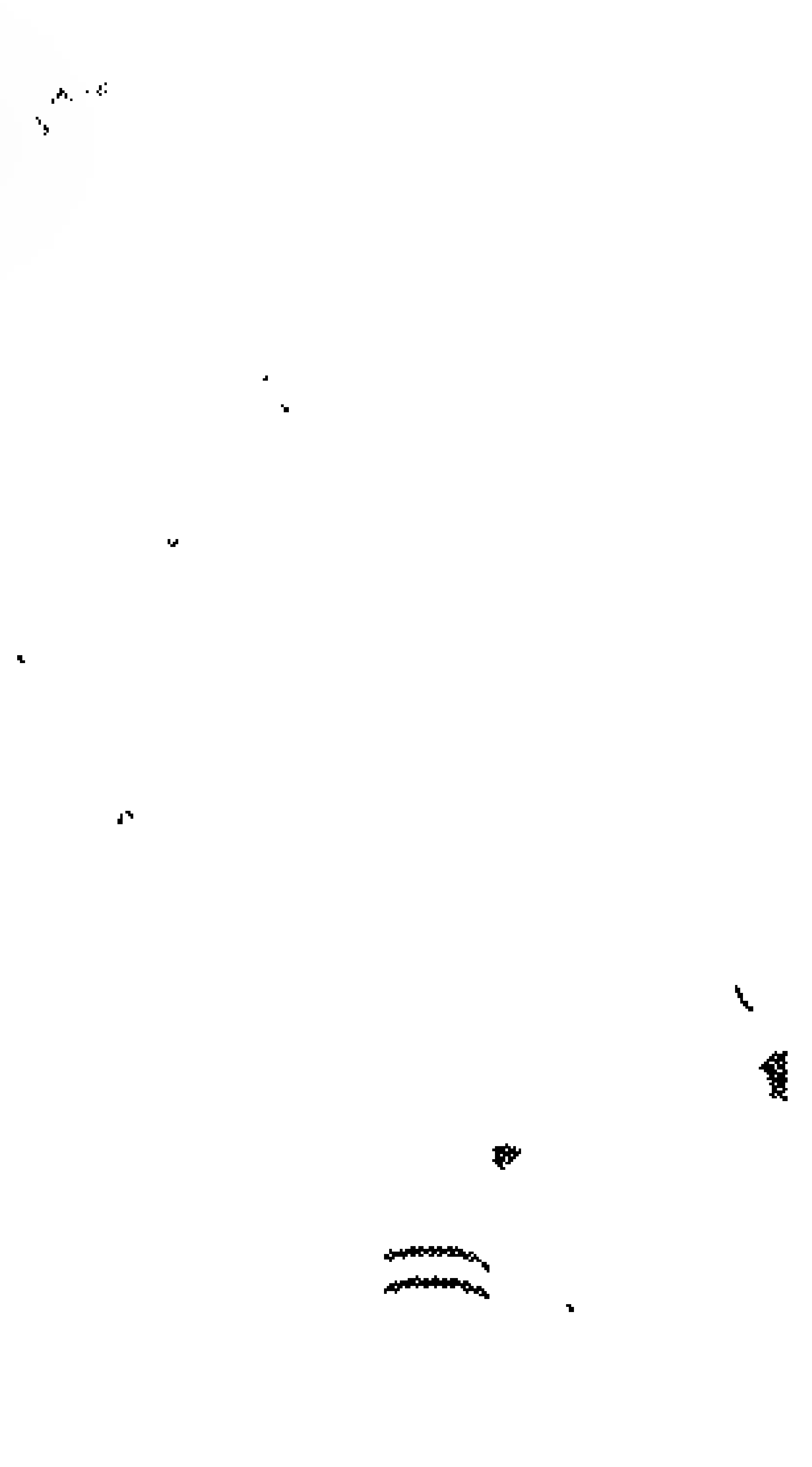
«При всей свой нищете люди владеют одним бесспорно могучим оружием. Это смех.

Сила, доводы, деньги, упорство, мольбы — все это может оказаться небесполезным в борьбе с управляющей вами гигантской ложью. На протяжении столетий вам, быть может, удастся чуть-чуть расшатать, чуть-чуть ослабить ее. Но подорвать ее до самых корней, разнести ее в прах вы сможете только при помощи смеха. Перед смехом ничто не устоит».

Будем же помнить об этом.

ОТЕЦ МАЛЕНЬКОГО ПРИНЦА

«Все мы родом из детства», — утверждал знаменитый французский писатель **Антуан де Сент-Экзюпери**, и его слова давно уже стали пословицей. А нашу Землю мы частенько называем Планетой людей, иной раз даже не подозревая, что впервые назвал ее так тоже А. де Сент-Экзюпери.



Антуан де Сент-Экзюпери (1900—1944)

По профессии писатель был летчиком. До конца своей жизни он не выпускал штурвала из рук. Да и писал он в основном о летчиках, об их тяжелой и опасной профессии.

Надо сказать, что летал Экзюпери в те време-

на́, когда моторы да и прочая авиационная техника были еще весьма ненадежны, и каждый полет по своему риску можно было сравнить, наверное, с нынешней экспедицией, скажем, на Луну.

Впрочем, попал Антуан в пилоты не сразу. Выходец из знатной дворянской семьи, он в 1919 году подает документы сначала в военно-морское училище. Но срезается на... сочинении.

Тогда он становится студентом архитектурного отделения Парижской академии искусств. Но убежденности, что свою профессию он выбрал правильно, у юноши нет. Проучившись 15 месяцев, он, имея отсрочку от призыва в армию, прервал ее и пошел служить в истребительный полк ремонтником. Вскоре Антуан записался на курсы пилотов и получил вначале диплом гражданского летчика, затем военного пилота и, наконец, сдал экзамены на офицерский чин.

Осенью 1922 года он — младший лейтенант 34-го авиационного полка под Парижем. А уже весной следующего года молодой пилот попал в серьезную аварию, с проломом черепа его демобилизуют.

Всё! Казалось бы, на авиации можно поставить крест. И действительно, подлечившись, бывший пилот стал служить в конторе черепичного завода, потом попробовал себя в роли коммивояжера... Но одновременно он методично обходил представительства авиационных фирм, предлагая свои услуги. Наконец, в 1926 году

ему повезло: его приняли на работу в Генеральную компанию авиационных предприятий, принадлежащую конструктору и промышленнику Латекоэру.

И в том же году, в журнале «Ле Навир д'Аржан» («Серебряный корабль») был опубликован первый рассказ Антуана де Сент-Экзюпери. Конечно же, он назывался «Летчик».

Вдобавок ко всему, пилот-писатель подает еще заявки на патенты, касающиеся изобретения новых навигационных приборов и средств пилотирования самолетов.

И опять-таки патентное ведомство признает новизну и оригинальность его идей, выдав патенты на приспособление для посадки самолетов, отражатель катодных лучей, новый метод электронно-волновой пеленгации и некоторые другие изобретения.

За три года работы на почтовых линиях Тулуза — Касабланка, а потом Касабланка — Дакар и дальше в Сенегале Антуан Экзюпери не только получил необходимый летный опыт, но и приобрел новый взгляд на жизнь, результатом которого стала философско-приключенческая книга **«Южный почтовый»**.

«Небо, чистое, как вода, вымыло и высветило звезды, — пишет он. — Потом настала ночь. Сахара, дюна за дюной, разворачивалась под луной. Нам светит эта лампа, ее отраженный свет не выхватывает предметы, но творит их, насыщая каждый каким-то мягким веществом...»

Книга имела успех у читающей публики, практически ничего до того не знавшей ни о почтовых рейсах, ни о людях, буднично, изо дня в день совершающих подвиги для скорейшей доставки писем.

А Антуан де Сент-Экзюпери получил тем временем новое назначение. Из Северной Африки он попал в Южную Америку, где стал техническим директором компании «Аэропоста-Аргентина». Теперь он отвечает за безопасность полетов над огромным латиноамериканским континентом, за своевременную доставку грузов и пассажиров, за слаженную работу десятков технических служб во всех аэропортах, разбросанных тут и там по маршруту полета.

Однако ему не сидится в Буэнос-Айресе, в его большом служебном кабинете. Зато его часто можно видеть на маленьких аэродромах; он зачастую сам первым отправляется в пробные полеты по новым маршрутам.

А когда аварию в Кордильерах потерпел его близкий друг Анри Гийом, Сент-Экзюпери на бреющем полете, рискуя врезаться в скалы, изо дня в день прочесывал район предполагаемой вынужденной посадки, пока Гийом не был спасен.

Антуан де Сент-Экзюпери был мужественным человеком, никогда не падал духом в критических ситуациях. Еще в 1923 году, когда он попал в свою первую аварию, его тогдашний начальник, майор Гард, сказал: «Если вы

сумели выкарабкаться из этой переделки, вы никогда не погибнете в самолете».

Между тем внешне он меньше всего походил на бесстрашного аса. Полноватый, с круглым лицом и вздернутым носом (в детстве за это ему дали прозвище Достань-ка Луну), он скорее напоминал учителя или врача. Говорят, удивительными были его глаза цвета спелых каштанов — удлиненные с высоко поставленными зрачками. Это придавало его взгляду необычайную глубину и задумчивую сдержанность. «Он был некрасив, — писал друг и биограф Сент-Экзюпери Марсель Мижо, — но от него исходило необычайное обаяние».

В перерывах между полетами он ухитрился написать вторую книгу — роман «**Ночной полет**» — о судьбе летчика Фабьена, погибшего за штурвалом. «Дело человека бывает важнее его жизни», — такова главная мысль Сент-Экзюпери, высказанная в романе. И если гибнет один экипаж, то вскоре в небо поднимется другой самолет. Он повезет почту в дальние края, продолжит дело, начатое предшественниками. Его поведут люди, которые «сильнее гор, туч, морей».

Роман был восторженно принят читателями, к писателю пришла заслуженная слава. И когда компания закрылась, не выдержав конкуренции, Экзюпери решил целиком посвятить себя литературной и журналистской работе. Побывал в Египте, Сирии, Ираке, Турции, Греции. На небольшом самолете облетел мно-

гие города Средиземноморья. А весной 1935 года по заданию парижской газеты «Пари-Суар» отправился в командировку в Москву, где стал свидетелем гибели агитсамолета-гиганта «Максим Горький». На эту трагедию он откликнулся короткой заметкой, которая была опубликована в «Известиях».

«Не стало самолета-гиганта, — пишет Экзюпери. — Но страна и люди, его создавшие, сумеют вызвать к жизни еще более изумительные корабли — чудеса техники».

Писатель всю жизнь старался держаться подальше от политики. Но это вовсе не значит, что у него не было своего мнения по тому или иному поводу. Далеко не все понравилось ему в СССР, хотя писателю постарались продемонстрировать лишь отлакированный фасад советской действительности.

Но еще меньше понравился ему поднимающий голову фашизм. В 1936—1937 годах он побывал на фронтах сражающейся Испании, его правдивые репортажи публикуют «Пари-Суар», «Энтрасижан» и другие французские газеты. «Я не хочу, чтобы люди умирали!» — пишет он.

Но когда война перекочевала на территорию Франции, писатель снова надевает военную форму. Врачи не разрешают ему сесть за штурвал самолета. Тогда он становится инструктором и со свойственным ему упорством продолжает добиваться своего. В конце концов медики сдались, и капитан де Сент-Экзю-

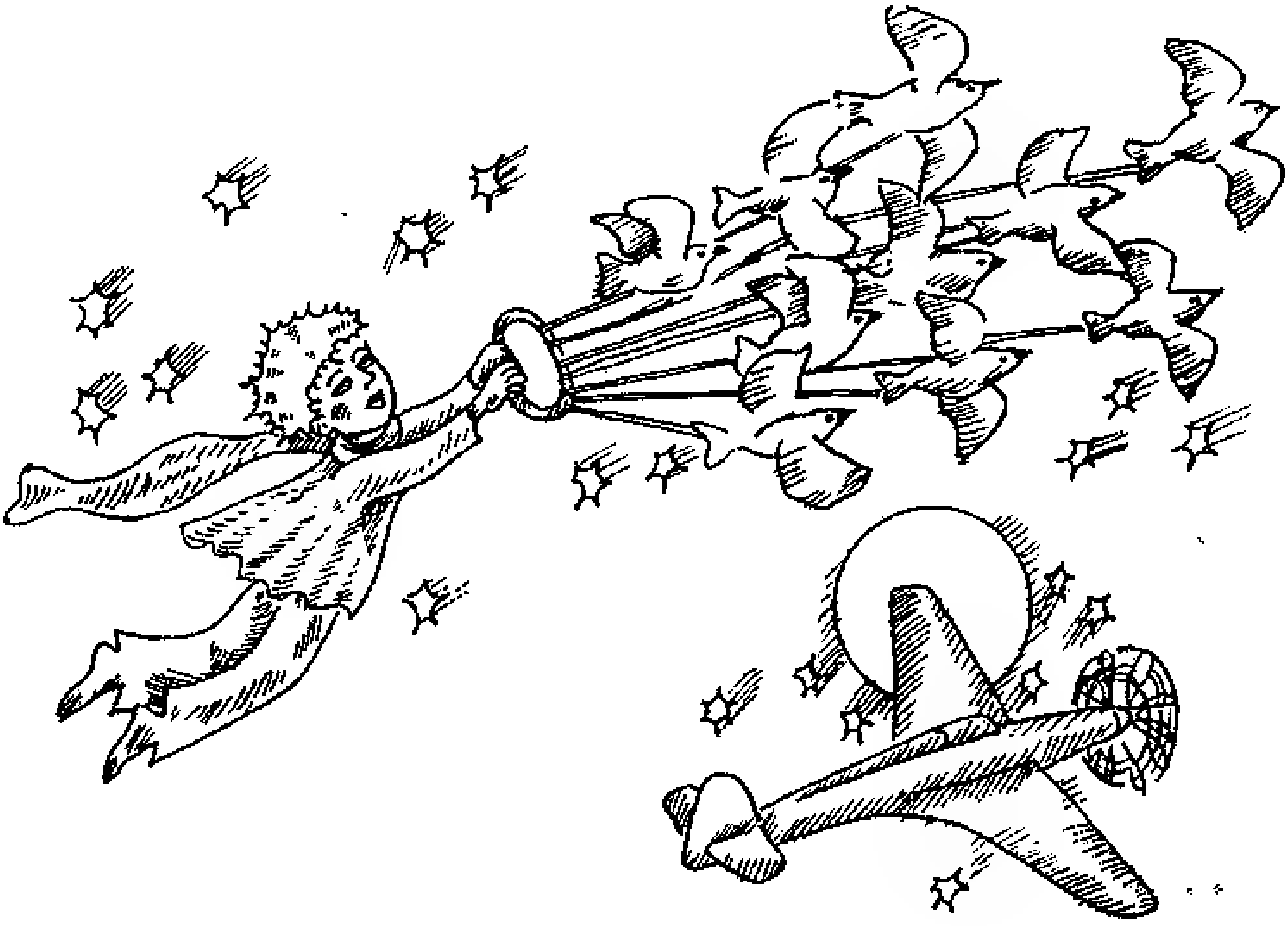
пери в составе авиагруппы 2/33 ведет разведку и аэрофотосъемку наступающих войск противника. Сверху он отчетливо видит масштабы надвигающейся катастрофы...

Приказ о демобилизации застает его полк в Алжире. Писатель не хочет оставаться в оккупации, и в декабре 1940 года перебирается в Нью-Йорк.

В эмиграции он пишет книгу **«Военный летчик»** и повесть-сказку для детей **«Маленький принц»**.

Если в «Военном летчике» он размышляет о горечи поражения и о том, какие уроки следует из этого извлечь, то «Маленький принц» вообще стоит особняком во всей мировой литературе.

Маленькую повесть, рассчитанную на детей, многие люди читают и перечитывают всю



жизнь. И всякий раз находят в ней что-то новое, не замеченное ранее.

Сказка с незатейливыми рисунками автора оказалась полна пророчеств. Не случайно, спохватившись, администрация Петена*, правившая в оккупированной Франции, запретила ее печатать. Как и в «Военном летчике», она усмотрела в сказке антифашистскую направленность. Но было уже поздно: книги Экзюпери стали своеобразным манифестом Сопротивления, их печатали в подпольных типографиях наряду с листовками.

Весной 1943 года Антуан де Сент-Экзюпери снова возвращается в Алжир, в составе группы 2/33, прикомандированной теперь к американской 7-й армии. Майору Сент-Экзюпери исполнилось 43 года. Здоровье его было сильно подорвано, и когда он попадает в новую аварию, врачи увольняют его в запас. Но Экзюпери возмущался: «Я и так здорово опоздал на войну и нуждаюсь в этих вылетах...»

Он понимал, что без полетов ему не жить: если он перестанет летать, то вскоре, наверное, перестанет и писать. 31 июля 1944 года он снова вылетел на фоторазведку. Было прекрасное безоблачное утро. К полудню Сент-Экзюпери ждали на базе. Шло время, а он не возвращался. Когда минуло шесть часов с момен-

---

* Петен Анри Филипп (1856—1951) — французский маршал. В 1940—1944 гг., во время оккупации Франции немецкими войсками, глава правительства, затем профашистского режима «Виши».

та старта, стало ясно, что произошла беда. Запаса горючего у Сент-Экзюпери было как раз на шесть часов полета.

Долго писателя считали пропавшим без вести. Он ушел в никуда, как и герой его повести-сказки. И лишь много позже, уже после войны, из дневника бывшего фашистского офицера выяснилось, что самолет-фоторазведчик Сент-Экзюпери был перехвачен над Средиземным морем немецкими истребителями и сбит. А недавно аквалангисты обнаружили это место и подняли на поверхность некоторые части сбитого самолета.

Но тот ли это самолет, на котором отправился в свой последний полет Антуан де Сент-Экзюпери? Сомнения все еще остаются. Многим просто не верится, что писатель-пилот мог погибнуть. Ведь он и по сей день живет в своих книгах, властвует над умами и настроениями людей. Он верит, что зорким бывает только сердце. Самого главного глазами не увидишь. И ты навсегда в ответе за всех, кого приручил...

ИСПЫТАНИЕ БОГАТСТВОМ

Джон Гриффит Лондон — таково настоящее имя Джека Лондона. Его жизнь была столь же богатой приключениями, как и его книги.

Он родился в 1876 году. Детство провел в Сан-Франциско — городе, который стремительно рос после «золотой лихорадки» 1848 года.

Говорят, мать мальчика не состояла в законном браке с отцом Джека — неким профессором Чейни. Вскоре она рассталась с ним и вышла замуж за делового человека, который купил ранчо неподалеку от Окленда, портового города около Сан-Франциско.

Джек Лондон (1876—1916)

В восемь лет у Джека открылась страсть, видимо, унаследованная от родного отца, — он с жадностью стал поглощать книги. И это было не просто приятное времяпрепровождение, а целеустремленное накопление знаний.

Впрочем, Джек так и не стал «книжным червем». В 13 лет ему пришлось расстаться со школой, в которой он ничем не блистал, и начать зарабатывать. Случилось это после того, как глава семейства попал под поезд и стал инвалидом. Кормильцем семьи стал Джек.

Заняв денег, он купил лодку и подался в «устричные пираты» — компанию юнцов, совершавших по ночам налеты на устричные мели, принадлежавшие одной компании.

В семнадцать лет юноша устроился матросом на шхуну, команда которой отправлялась на промысел котиков у берегов Японии, Алеутских островов и вдоль побережья Аляски и Камчатки.

Заработанного им жалования за 8-месячное плавание едва хватило на то, чтобы семья смогла расплатиться с долгами. Пришлось устроиться рабочим на джутовую фабрику.

В это же время мать прочитала объявление в газете о литературном конкурсе и вспомнила, что сын сотрудничал в школьном журнале. Под ее нажимом Джек Лондон сел за стол и описал один из эпизодов недавнего плавания. Очерк «Тайфун у берегов Японии» получил первый приз — 25 долларов, обойдя сочинения студентов Калифорнийского и Стэнфордского университетов.

В 1896 году Калифорнию потрясает сенсация: на Аляске открыты золотые россыпи. Джек Лондон решает попытать счастья, бросает работу и вместе с толпой таких же искателей счастья отправляется на Север. Но ему не повезло. Когда, наконец, после многих злоключений он достиг поселка золотоискателей, его свалила цинга.

Обессиленному юноше не оставалось ничего другого, как отправиться обратно. Он проплыл 2000 миль на лодке и вернулся домой таким же бедным, как и в начале путешествия. А тут новая беда: умер отчим. Пришлось снова впрягаться в лямку повседневной работы.

Но по ночам он учился. Ученые фолианты штудировал со словарем. А еще писал рассказы о пережитом на Севере. Однако толстые конверты с рукописями исправно возвращались назад с припиской «Не подходит».

Наконец, в январе 1899 года журнал «Трансконтинентальный ежемесячник» публикует его рассказ **«За тех, кто в пути»**. Через месяц в том же журнале появляется рассказ **«Белое безмолвие»**.

Джек Лондон взял за правило спать по пять часов в сутки и писать шесть дней в неделю, примерно по тысяче слов в день (то есть около пяти страниц).

Его начинают печатать и престижные журналы, но гонорары по-прежнему скудны. Лишь когда в 1900 году выходит первый сборник его рассказов: **«Сын волка»**, а затем и второй — **«Бог его отцов»**, тиски нужды разжимаются.

Джек Лондон вздохнул чуть свободнее. А с выходом в свет романа **«Дочь снегов»** (1902) к нему приходят известность, слава, материальное благополучие. Начинается жизнь профессионального писателя.

Упорядочивается и семейная жизнь Джека Лондона. Он женится на Элизабет Маддерн, а вскоре рождаются его дочери Джоан и Бесси.

Джек Лондон научился писать динамично, мастерски строить сюжет. В его произведениях много действия, драматических событий. Яркие описания северной природы придают им неповторимый романтический колорит.

Подкупает Джек Лондон искренним сочувствием к своим героям, бескорыстным, добрым, великодушным людям, которые выше всего ценят дружбу. Вспомним хотя бы Мейл-

мота Кида — героя новелл «Белое безмолвие», **«Северная одиссея»** и других. Он предан друзьям, доброжелателен к индейцам. А когда под упавшим деревом погибает его товарищ Мейсон, считает своим долгом позаботиться о его вдове.

Однако Джек Лондон видит и то, как в погоне за богатством люди проявляют и такие отрицательные качества, как алчность, трусость, вероломство. Джекоб Кент из рассказа **«Человек со шрамом»** одержим манией накопительства. Герои новеллы **«В далекой стране»** Картер Уэзерби и Перси Катферт — завистники, лентяи и трусы, они не доверяют друг другу, испытывают страх перед снежной пустыней и вскоре оба гибнут.

Понимая, что на гонорары от одних «северных» рассказов не проживешь, писатель начинает искать новые темы для своих произведений. Он вспоминает о спорте, который тоже занимал в его жизни важное место — Джек Лондон увлекался боксом, фехтованием, плаванием, верховой ездой. Но его рассказы не только и не столько о спорте как таковом. Например, в новелле **«Кусок мяса»** главный герой Том Кинг — ветеран бокса, здоровье которого изрядно подорвано. Но он продолжает драться, чтобы заработать денег для содержания семьи. В поединке с молодым боксером Том Кинг был близок к победе, но у него не хватило сил для решающего удара только потому, что перед боем ему не на что было купить кусок

мяса, столь необходимый для поддержания формы. В итоге Том Кинг терпит поражение...

Точно так же и в повести **«Белый клык»** писатель не только рассказывает историю собаки, но и раскрывает характеры людей, среди которых она живет. Потом он не раз возвращается к этому приему — в романе **«Джерри-островитянин»** (1917) и в продолжении этой истории — **«Майкл, брат Джерри»**.

Джека Лондона особенно интересуют люди, волею судеб оказавшиеся в экстремальных ситуациях. Поэтому в июле 1902 года он откликается на предложение ассоциации «Американская пресса» отправиться в Южную Африку, чтобы написать заметки об англо-бурской войне.

Однако по приезде в Англию он получает телеграмму, что командировка отменяется. Писатель остается в Лондоне и приступает к изучению жизни его беднейшего квартала Ист-Энда. В одежде американского матроса, списанного с корабля, он посещает самые злачные места английской столицы, чтобы потом описать свои приключения в книге **«Люди бездны»** (1902).

По возвращении на родину для Джека Лондона начинается новый этап жизни. Он разводится с Бесси Маддерн и женится на Чармейн Киттредж, подруге своей первой жены. Но и во втором браке он оказался не очень счастлив, постоянно страдая от разлуки с дочерьми.

В эти годы Джек Лондон пытается воздействовать на умы читателей, размышляя в своих произведениях о более справедливом устройстве мира.

В романе **«Мартин Иден»** он создает образ социалиста-революционера, мечтающего о создании общества, где всем было бы хорошо.

В другом своем романе **«Железная Пята»** (1907) писатель предостерегает человечество, указывая на опасность учения о расе сверхлюдей.

В то же время для самого писателя это годы материального благополучия и больших гонораров. Еще не завершив роман, он отправляется в длительное путешествие на собственной, построенной по его чертежам яхте «Снарк».

Плодом этого путешествия стала серия очерков **«Путешествие на «Снарке»** — своеобразный дневник морского вояжа, а также роман «Приключение» — произведение, потакающее вкусам «массовых» журналов.

Затем это повторялось не раз. Стремясь заработать побольше, Джек Лондон создал целый цикл новелл, вошедших в сборник «Рассказы южных морей». В некоторых новеллах присутствует и нота утверждения «белого» превосходства: писатель показывает туземцев как людей, призванных прислуживать светлокожим хозяевам.

После плавания на «Снарке» Джек Лондон надолго расстается с морем. Теперь его тянет к земле. Он обосновывается в Калифорнии, купив большой участок земли в Лунной долине. И хотя время от времени он все же выходит в море на яхте, его больше поглощают фермерские заботы — он нанимает рабочих, занимается разведением скота, выращиванием свиней, земледелием. Увлекается возведением по собственным чертежам дворца, получившего название «Дом Волка».

Лишь для гостей в нем было более двадцати комнат. Но едва строительство, отнявшее немало сил и средств, было завершено, как по-

жар (видимо, результат поджога) почти полностью разрушил строение. Это был тяжелый удар. Джек Лондон начал строительство заново, но довести его до конца не успел. На это у него уже не оставалось ни сил, ни средств.

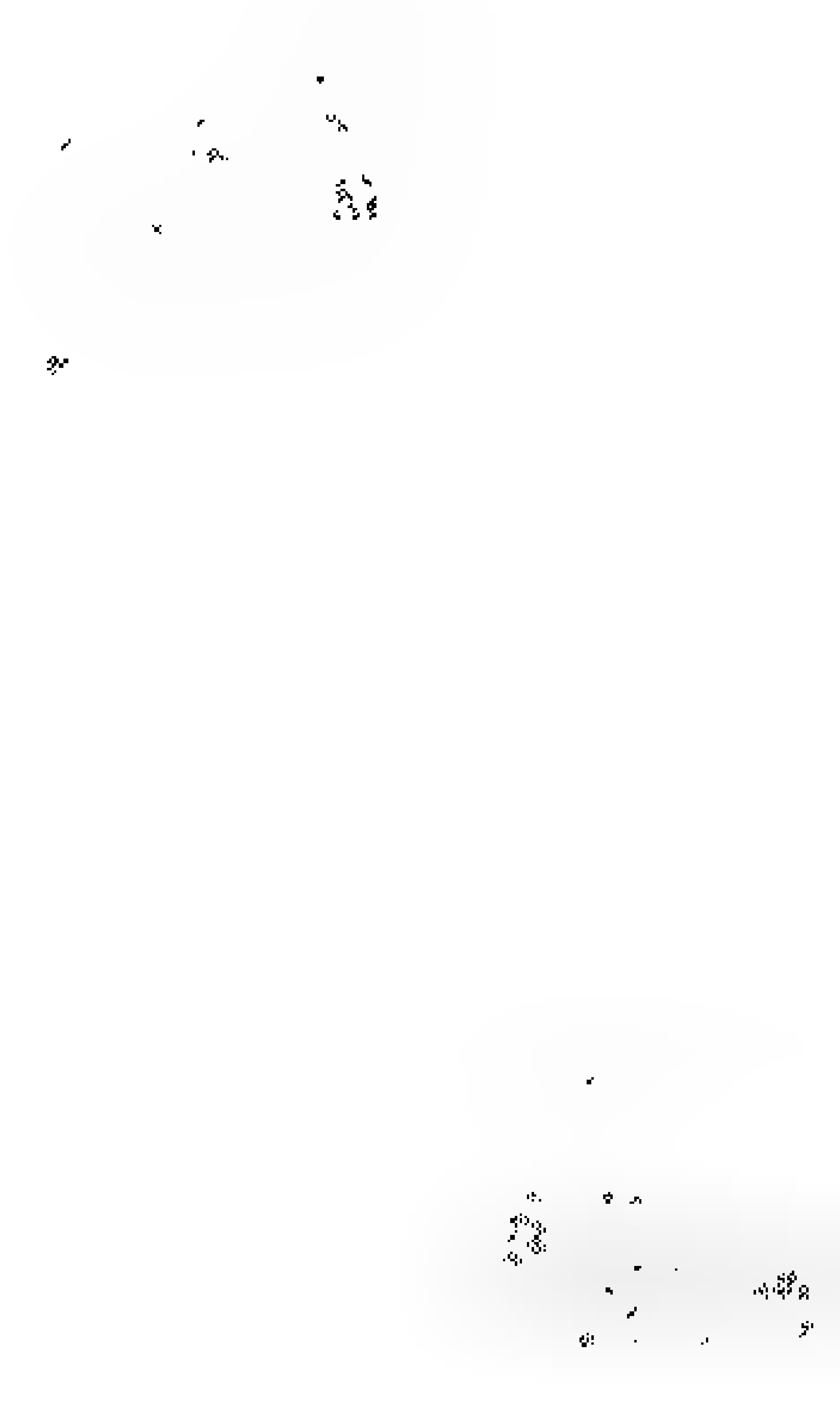
Впрочем, для многих писатель еще оставался примером процветания и успеха. В 1913 году Джек Лондон считался самым популярным и высокооплачиваемым писателем в мире, опередив в этом отношении даже Киплинга, своего недавнего кумира. Его книги выходили огромными тиражами. А между тем Лондон чувствовал, что вдохновение его покидает, писать приходится через силу, ежедневная норма в 4 страницы становится непомерной.

Стремясь поддержать читательский интерес к своим книгам, он стал писать фантастику, мелодрамы. Но из-под его пера выходят книги, явно уступающие его лучшим произведениям... В творчестве Джека Лондона явно назревал кризис, обусловленный отсутствием новых, свежих тем. Мешали плодотворной работе и болезни, одолевавшие писателя в последние годы.

В ночь на 22 ноября 1916 года Джек Лондон был найден бездыханным в своем кабинете. Принятая им доза морфия оказалась смертельной. Возможно, он хотел снять боли, вызванные приступом болезни. Но, скорее всего, это было самоубийство — писатель просто устал от жизни, его ремесло стало ему в тягость. Он не выдержал испытания богатством.

ГЛАВНЫЙ СКАУТ, СДАВШИЙСЯ БЕЗ БОЯ

Советский писатель Аркадий Гайдар, пытавшийся создать в нашей стране тимуровское движение, не был первым на этой стезе. Наверняка он слышал об организации бойскаутов, которая впервые появилась в США в начале XX века, а потом распространилась по всему миру. Во многих западных странах бойскаутские организации благополучно существуют и сегодня.



Эрнест Сетон-Томпсон (1860—1946)

Но знал ли Гайдар о том фиаско, которое потерпел его предшественник — канадский писатель, художник и натуралист **Эрнест Сетон-Томпсон**, автор знаменитых **«Рассказов о животных»** и других книг об обитателях леса? Возможно, знал.

Впрочем, подробнее о судьбе Аркадия Гайдара вы можете прочесть в главе «Чему учит Гайдар?». А сейчас давайте подробнее поговорим о Сетоне-Томпсоне и созданной им организации.

«Главный скаут, сдавшийся без боя», — так однажды назвала писателя литературовед Людмила Биндеман. Действительно, в 1910 году известный писатель, автор 40 с лишним книг, вошел в «Комитет бойскаутов Америки». Ему тут же присвоили звание Главного скаута, которым Сетон-Томпсон очень гордился. Еще бы! Ведь сам он отдал немало сил на создание организации, которая вскоре стала так популярна, что сам глава правительства США Уильям Говард Тафт охотно согласился стать ее почетным президентом.

А еще через некоторое время Совет директоров организации популярно объяснил Э. Сетону-Томпсону, что он, как гражданин Канады, не имеет права возглавлять американских бойскаутов. И писатель без возражений ушел в отставку. Но только ли потому, что не захотел поменять свое канадское гражданство на американское?..

Чтобы ответить на этот вопрос, опишем всю историю бойскаутского движения с самого начала.

В 1901 году писатель попытался осуществить мечту всей своей жизни — создал заповедник, своего рода птичий и звериный рай. Купил несколько заброшенных ферм в штате Коннектикут, в часе езды от Нью-Йорка, построил там дом и обнес свои владения проволочной изгородью. Но мальчишкам из окрестных деревень Сетон-Томпсон показался чужаком, вторгшимся в их владения. И они начали против него во-

енные действия — ломали изгородь, стреляли по его кошкам и собакам, разрисовывали ворота непристойными картинками.

Особенно усердствовал в проделках вожак окрестных мальчишек Хэнк Мартин, широкоплечий сероглазый парень лет шестнадцати. «Подвиги» его иной раз граничили с преступлениями. Похоже, что Хэнк двигался по направлению к тюрьме и вел за собою других ребят.

Сетону-Томпсону все это не понравилось. Но он не стал обращаться в полицию, как сделали бы многие на его месте, а пошел своим путем.

Однажды писатель явился в местную школу, представился и пригласил всех ребят от двенадцати лет и старше в свою «индейскую деревню». Он обещал, что они весело проведут время с пятницы до понедельника; шалаши, пироги, солома для матрацев, дрова и, конечно, еда для всех желающих у него найдутся. Мальчишки отнеслись к предложению настороженно, но в гости пришли. Вечером у костра они послушали рассказы писателя о благородных краснокожих и решили, что в предложении пожить в лагере по индейскому обычаю нет ничего плохого. Отчаянного Хэнка ребята избрали Первым Вождем, и он, сбросив привычную маску хулигана, отнесся к своим обязанностям очень серьезно. Тут же выбрали Второго и Третьего Вождей, назначили Совет двенадцати, Кострового, Хранителя Тотема (секретаря), Хранителя Ожерелья (казначея). Сам хозяин попросил для себя пост Шамана и

получил его. Остальные мальчишки стали воинами.

Потом Сетон-Томпсон зачитал собравшимся придуманный им Свод законов и Конституцию. Закон запрещал бунт против Совета, огнестрельное оружие в лагере, разведение костров в неположенном месте, курение, охоту на певчих птиц и белок. Главными добродетелями провозглашались доброта, смелость и честь.

«Так началась игра, которой суждено было стать эпохой в жизни деревенских мальчишек, моей собственной и тысяч мальчишек по всему свету», — писал Сетон-Томпсон по этому поводу. Движение «Знатоков леса» быстро распространилось по стране. Его девизом стали слова: «Все лучшее от лучших индейцев».

В 1902 году Э. Сетон-Томпсон опубликовал серию статей о новой организации. В «индейскую деревню» стали приезжать известные пе-

дагоги, движение приобретало все большую популярность. Вскоре была создана общенациональная организация с Сетоном-Томпсоном во главе, который написал **«Берестяной свиток»** («Руководство для индейских племен») — книгу, где занимательно изложил правила игры.

Как же «Знатоки леса» превратились в бойскаутов — военизированную организацию, в которой мало что осталось от индейских законов чести?

В 1906 году писателя пригласили читать лекции в Англию. Здесь он рассказал о «Знатоках леса» и подал идею создать подобную организацию и в Европе. Идею одобрили, а генерал Р. Баден-Поуэлл взялся ее осуществить.

Сетон-Томпсон бескорыстно передал продолжателю своего дела «Берестяной свиток» и другие публикации. Однако писатель, наверное, не знал толком, с кем имеет дело. Роберт Баден-Поуэлл был прежде всего профессиональным английским разведчиком, а уже потом — для прикрытия — путешественником и писателем. И он взялся за дело по-своему. Генералу не нужны были егери и экологи, он хотел воспитывать разведчиков и шпионов.

Поэтому Баден-Поуэлл переработал подаренную книгу в военном духе, выбросил из нее чуждый ему гуманизм, опору на индейский фольклор, а ввел военную терминологию, милитаристские игры и выпустил в 1908 году книгу «Бойскауты», принесшую ему всемирную славу и звание Главного скаута мира.

С тех пор энциклопедии и справочники разных стран ссылаются именно на генерала как на основателя скаутского движения. Друзья советовали Сетону-Томпсону подать в суд на генерала за наглый плагиат и искажение его идей, но писатель отказался. Он лишь решительно возражал против бюрократизации и военизации «Комитета бойскаутов Америки», куда входили и «Знатоки леса», но его и здесь не поддержали.

В 1915 году Комитет принял решение упразднить должность «Главного скаута», объяснив писателю, что это, дескать, сделано потому, что канадец не может возглавить американскую организацию, а обижать его никто не хочет. Таким образом, Сетон-Томпсон автоматически выбыл из организации. Но дело, конечно, было вовсе не в гражданстве писателя — ведь позже, когда он стал американцем, Совет директоров так и не предложил ему вернуться.

Писатель не стал отстаивать свои права и на сей раз. «Что я по сравнению с целой организацией? — сказал Сетон-Томпсон по этому поводу одному из друзей. — Благо ребят — вот о чем следует думать. Всякие дрязги только подорвут авторитет бойскаутов. Я по-прежнему считаю это движение своим прижизненным памятником, а получил я заслуженное признание или нет, для меня не имеет значения».

Возможно, писатель покривил душой. Скорее всего, он и сам не очень хотел возвращаться в организацию, которая стала вовсе не та-

кой, какой задумывалась. Из нее начисто выветрился дух гуманизма, в ней процветали военная муштра и дисциплина. Не случайно бойскаутское движение было принято за основу и в Германии, когда нацисты создавали организацию гитлерюгенд. А с таким движением писатель уж точно не хотел иметь ничего общего.

ЧЕМУ УЧИТ ГАЙДАР?

Своему бывшему однокласснику А. Гольдину Аркадий Голиков запомнился как школьный поэт. «Даже классные сочинения он иногда писал стихами, — вспоминал он. — По русскому языку и литературе у него были только пятерки. Обладал он необыкновенной памятью. Наизусть читал главы из «Мертвых душ», знал множество стихотворений...»

Аркадий Гайдар (1904—1941)

О феноменальной памяти писателя, которого все мы знаем под именем Аркадия Петровича Гайдара, вспоминают также и многие его коллеги по литературному цеху.

«Недели через две он окончил «Судьбу ба[illegible]», — пи-

шет К. Г. Паустовский, — пришел ко мне веселый, довольный и спросил:

— Хочешь, я прочту тебе повесть?

Я, конечно, очень хотел послушать ее.

— Так вот, слушай! — сказал Гайдар, остановился посреди комнаты и засунул руки в карманы.

— Где же рукопись? — спросил я.

— Только никудышные дирижеры, — наставительно ответил Гайдар, — кладут перед собой на пюпитр партитуру. Зачем мне рукопись! Она отдыхает на столе. Ты будешь слушать или нет?

И он прочел мне повесть наизусть, от первой до последней строчки».

Замечательная память очень помогла Гайдару, когда он писал **«Школу»** — повесть о своем детстве и юности. Тот же Гольдин с легкостью узнал в повести многих общих знакомых. Известный в Арзамасе задира затем послужил прототипом хулигана Мишки Квакина в **«Тимуре и его команде»**.

Гайдар очень любил всякие военные игры. Некоторые из них, в частности «морские сражения» на плотах, также описаны в «Школе». Военная игра положена и в основу «Тимура и его команды».

Тем не менее зачастую писатель отказывался воспользоваться услугами своей потрясающей памяти: писал не так, как оно было на самом деле, не так, как оно могло быть, — а так, как, по его мнению, должно было быть.

Это очень хорошо видно на таком примере. В 1940 году по повести Аркадия Гайдара снималась кинокартина «Тимур и его команда».

Сценарий этого фильма обсуждался в Центральном доме пионеров в Москве 27 сентября 1940 года. Сохранилась стенографическая запись выступления Гайдара. По этой записи можно судить, что Гайдара очень задело выступление одного мальчика, который нашел в себе смелость сказать известному писателю: «Таких Тимуров не бывает».

Писатель ответил:

— Может быть, и не бывает, многих не было, но они будут. Их будет больше, чем Квакиных. Мы должны смотреть, как должно быть, а не как есть...

И добавил:

— Тимур любит Красную Армию, для него красная звезда

«Гайдар» в переводе с тюркского означает «всадник, скачущий впереди»

выше всего на свете. Он говорит слова команды, он слушает слова той команды, которую слышали в Красной Армии. То, что он мал, что он не дерется, — не беда. Странно думать, что силен тот, у кого сильные кулаки. Это далеко не часто бывает. Возьмем командира Красной Армии. Он себе дорогу этим не пробьет. Он завоевал авторитет потому, что безгранично предан одной идее, у него все устремлено к этому. Для этого не нужно быть «давай, жми, дави!..». Когда мне было 15 лет, я командовал ротой. У меня в роте были люди с бородами, были люди, которые не хотели меня слушать, чем я мог их держать? Тем, что я твердо верил — в то, что мне нужно было делать. И ценой этого я добивался, что меня слушались...»

И вот тут писатель, вольно или невольно, но слукавил. Есть свидетельства, что подчинения себе ему приходилось добиваться не только верой, но и силой. Приходилось и револьвером размахивать, и стрелять из него... «Опять снились люди, которых я убивал в детстве», — прямо пишет он в своем дневнике.

Этот разнобой между тем, «как должно быть», и «как было на самом деле» привел к тому, что уже в возрасте двадцати с небольшим лет бывший командир был уволен из Красной Армии по состоянию здоровья. Его мучили жестокие головные боли, он был на грани психического расстройства.

Тогда он попытался создать мир, в котором все «как надо», на страницах своих книг.

И снова потерпел фиаско. Окружающий мир жестоко вторгался даже в его книги.

В 1939 году Гайдар написал повесть «Судьба барабанщика», о которой мы уже упоминали. И в ней советская действительность, независимо от автора, предстает весьма далекой от идеала. Посудите сами.

Повесть начинается с того, что отца Сережи арестовывают. И мальчик оказывается брошенным на произвол судьбы — советская власть, получается, не очень-то позаботилась о нем. Счастливое детство — оно теперь для других. А Сережа вынужден продавать старьевщику вещи своей мачехи. Связывается с великовозрастным соседом-хулиганом и его компанией. Им теперь занимаются появившиеся неизвестно откуда «дядя» и его подозрительный, всегда молчащий спутник по имени «старик Яков» — очевидные шпионы и диверсанты.

И сражаться с ними ему в конце концов приходится в одиночку. Лишь когда Сережа падает, сраженный пулей, ему на помощь приходят выпущенный из тюрьмы отец и его друг. И все вроде бы кончается хорошо. А потом вдруг на ум приходит простая мысль: всего этого не было бы вовсе, если бы Сережиного отца не посадили ни за что ни про что...

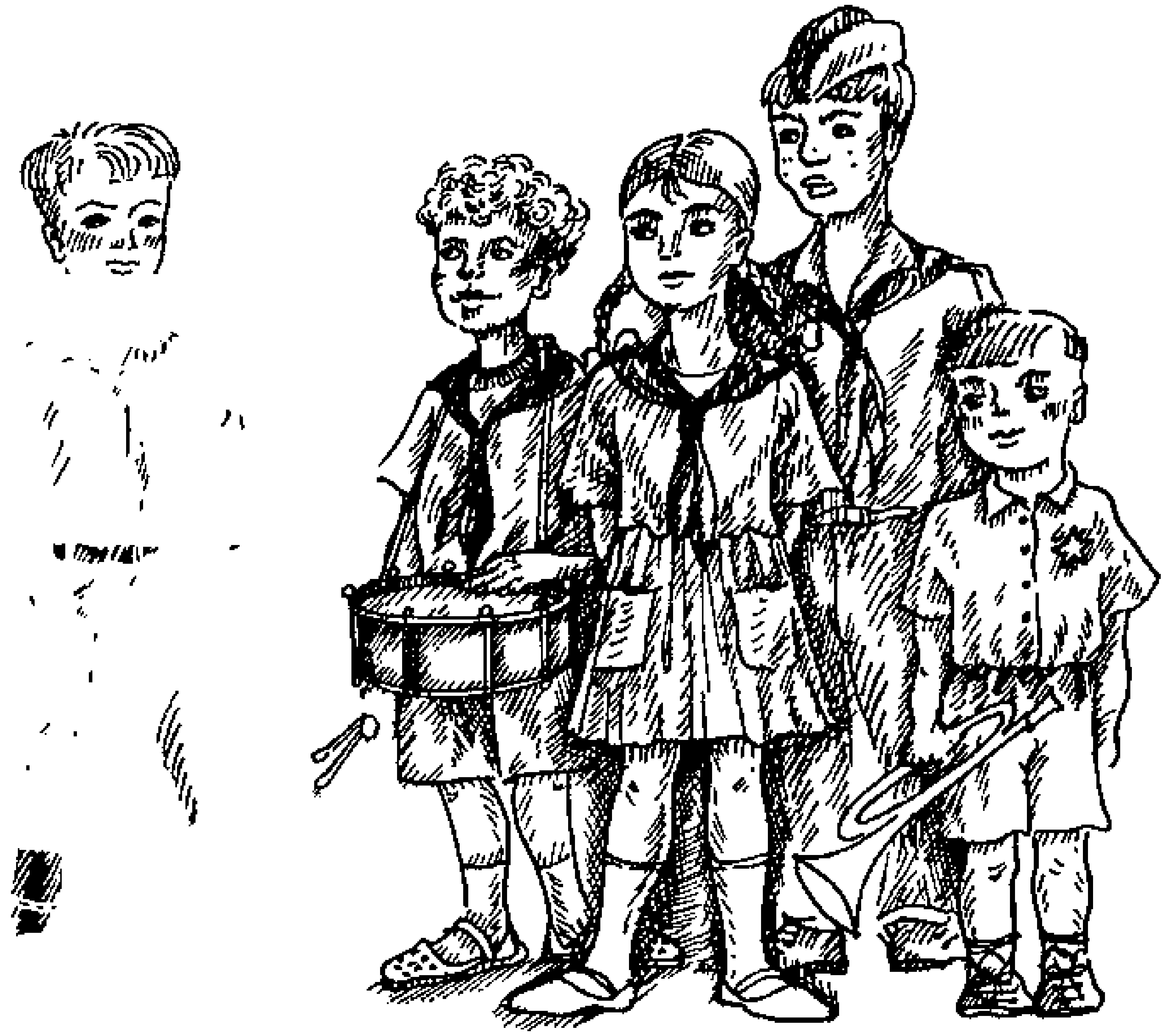
А через год Гайдар опубликовал «Тимура и его команду». Сюжет повести вы, наверное, знаете. Обратите внимание на одну лишь деталь. Организация-то Тимура тайная. Получа-

ется, в Стране Советов, где так вольно дышит человек, делать добрые дела можно только подпольно, в условиях конспирации? Разве так должно быть?..

Сохранилось интересное свидетельство режиссера-постановщика фильма «Тимур и его команда» Александра Ефимовича Разумного. Когда фильм был закончен, на его просмотре был и Аркадий Гайдар. И вот что он сказал:

— Это только начало! Вот если ребята не заиграют в Тимура, если мы не увидим его последователей в наших дворах, считайте — все пропало!..

Так оно и вышло. Почти полвека пионервожатые всех рангов пытались внедрить в школах Советского Союза тимуровское движение.



Но оно так и не прижилось. Потому как жизнь в стране оказалась вовсе не такой, «как иадо».

Аркадий Петрович понял это, наверное, раньше других. И когда началась Великая Отечественная война, 37-летний Гайдар сделал последнюю попытку исправить положение. И снова с оружием в руках...

Аркадий Петрович погиб смертью воина. Но заканчивать войну, исправлять допущенные большевиками ошибки пришлось уже другим. И работа эта не закончена и по сей день.

Кавалерийским наскоком, как то пытался сделать Гайдар — всадник, скачущий впереди (именно так переводится с тюркского слово «гайдар»), — много не сделаешь. На практике куда чаще бывает иначе. Не зря же говорит народная мудрость: пешеход, хорошо знающий дорогу, всегда обгонит всадника, скачущего не туда...

РАЗГРОМ ФАДЕЕВА

Судьба **Александра Александровича Фадеева**, генерального секретаря Союза писателей СССР, теоретика социалистического реализма, члена ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР, орденоносца, лауреата Государственной премии и прочая, прочая, прочая, во многом показательна для советского писателя.

Первые годы жизни уроженец городка Кимры тогдашней Тверской губернии носил совсем другую фамилию — Булыга.

Отец его был крестьянином, ставшим затем сельским учителем, мать — фельдшерицей. Есть сведения, что на Дальний Восток родители, а вместе с ними и маленький Саша, попали в результате высылки, поскольку были участниками революционного движения.

Александр Александрович Фадеев (1901—1956)

Так что большая часть детства и юность будущего писателя прошли в селе Чугуевке Южно-Уссурийского края. С молодых лет вступив в Коммунистическую партию во Владивостоке, Александр принимал участие в подпольной борьбе против белогвардейских частей Колчака. В 1919—1921 годах воевал в рядах партизан, затем в Красной Армии. В знаменитом сражении с японцами под городом Спасском в апреле 1920 года Фадеев был ранен. Но молодой организм быстро оправился, и будущий писатель вернулся в строй.

Жизненный опыт тех лет составил основу первых произведений писателя, а затем и романов «Разгром» и «Последний из Удэге».

В Центральную Россию Фадеев вернулся не совсем обычным путем. В 1921 году он был в числе делегатов X партийного съезда от Читинской

конференции военных большевиков. Однако вскоре работа съезда была прервана сообщением о мятеже кронштадтских моряков. В числе других Фадеев участвовал в штурме Кронштадтской крепости, где был еще раз тяжело ранен.

Оставшись на лечение в Москве, он по выздоровлении поступил в Горный институт. Но обучение не закончил, с 1923 по 1926 год находился на партийной и газетной работе в Москве и на Северном Кавказе.

Одновременно начал писать и печататься. Уже в первых произведениях — повести «Разлив» (1923) и рассказе **«Против течения»** (1923), впоследствии доработанном и названном «Рождение Амгуньского полка», проявилось его понимание революции.

Для повести «Разлив», посвященной революционным событиям 1917 года в деревне Южно-Уссурийского края, характерно сочетание романтических элементов с натуралистическими подробностями. На что молодому писателю было указано. И в рассказе «Против течения» — особенно в переработанном варианте — он уже изобразил все «как учили».

Старания молодого литератора были замечены, а поскольку с анкетными данными у него было все в порядке, уже в 1926 году Фадеев стал одним из видных деятелей советской литературы, одним из руководителей РАППа — Российской ассоциации пролетарских писателей.

Организация, призванная вроде бы помочь писателям, вскоре стала монополистом. Чи-

новники от литературы стали единолично решать, что хорошо, что плохо, закрывая доступ в печать тем литераторам, которые позволяли себе не согласиться с руководителями РАППа, а тем более — критиковать их.

Дело дошло до того, что даже партийное руководство страны не выдержало постоянных жалоб на самоуправство чиновников РАППа, и в 1932 году организация была ликвидирована.

Взамен нее был создан Союз писателей СССР, во главе которого стоял А. М. Горький. Однако и заслуги Фадеева тоже не были забыты — он стал одним из секретарей новой организации.

Тем более что к этому времени им был уже написан роман «Разгром» (1927). В основе сюжета этого небольшого по объему произведения — судьба партизанского отряда, действовавшего летом 1919-го против японских интервентов и белоказачьих сотен.

И тут произошел уникальный в советской литературе случай. Несмотря на то что в романе почти весь отряд гибнет в бою, трагический финал не был поставлен в вину литератору.

Критики заявили, что, «реалистически показывая героев из народа, подчеркивая темноту и отсталость, унаследованные крестьянской массой от прошлого, Фадеев в то же время утверждал подлинную романтику народной борьбы и историческое величие ее участников. Таких, как рабочие-шахтеры Дубов, Гончарен-

ко, Морозко и его жена Варя, народный самородок пастух Метелица, гибнущий геройской смертью».

Опять-таки людям из народа был противопоставлен Мечик, молодой человек из интеллигентской среды, из левых эсеров — слабовольный индивидуалист, многими нитями связанный с буржуазной культурой и моралью, ставший отступником революции.

Особое значение, как подчеркнула критика, приобретает в романе образ командира отряда — большевика Левинсона, в котором раскрыты смысл и сила партийного руководства народной борьбой. «Показав Левинсона в тяжелых условиях партизанской войны, Фадеев психологически глубоко разработал характер нового положительного героя, вся жизнь которого подчинена великой идее борьбы за коммунизм...»

В общем, Левинсон был поставлен в один ряд с образами новых героев-коммунистов, созданных в этот же период А. Серафимовичем в «Железном потоке», Д. Фурмановым в «Чапаеве», Ф. Гладковым в «Цементе», а сам Фадеев тут же был зачислен в разряд классиков советской литературы.

Воодушевленный успехом, писатель тут же принимается сочинять второй роман — «Последний из Удэге». Огромная эпопея названа по имени небольшой народности, живущей в лесах Сихотэ-Алиня (Южно-Уссурийский край). В центре романа — опять-таки

партизанская борьба в Южно-Уссурийском крае с белогвардейцами и иностранными интервентами.

Однако закончить эпопею А. А. Фадееву не удалось — другие дела стали отнимать все его время.

В 1936 году при весьма загадочных обстоятельствах умер Максим Горький, который был, как уже говорилось, первым председателем правления Союза писателей СССР. Существует даже мнение, что пролетарского писателя отравили, заподозрив, что он не случайно оставил весь свой архив за границей. Да и вообще жизнь в России до революции ему нравилась больше, чем после...

В общем, так или иначе, Горький умер. И вместо него у руля правления оказался молодой и энергичный Александр Фадеев.

Максим Горький (1868—1936)

Позднейшие источники утверждают, что сам Фадеев был не очеиь рад этому назначению. Но ослушаться воли партии, а точнее — ее Генерального секретаря И. В. Сталина не посмел.

А ноша ему досталась тяжелая. Именно на годы правления

Фадеева пришлись массовые «чистки» среди членов Союза писателей. Многие из них были арестованы, а затем расстреляны, еще десятки были высланы из Москвы, их произведения были запрещены к публикации.

И всякий раз формальное разрешение «на проведение акции» испрашивалось и у секретариата Союза писателей, лично у А. А. Фадеева. Тот понимал, что многие из писателей совершенно не виновны, но тем не менее разрешение давал... Это тяжелым грузом ложилось на совесть писателя.

В годы Великой Отечественной войны Фадеев выступал с фронтовыми очерками в «Правде», издал книгу «Ленинград в дни блокады. Из дневника».

В конце войны, сразу по горячим следам событий, Фадеев принялся за роман **«Молодая гвардия»**, посвященный деятельности подпольной молодежной организации в городе Краснодоне, оккупированном немцами.

Отдельные главы романа тут же публиковались в газете «Комсомольская правда». Но чем дальше продвигалась работа, тем громче становились возмущенные голоса читателей.

Ведь в своем романе многих героев — Олега Кошевого, Сережу Тюленина, Ивана Земнухова, Жору Арутюнянца, Ульяну Громову, Любу Шевцову и других — писатель вывел под их настоящими именами. Однако действовали они на страницах книги вовсе не так, как в жизни.

Участники и свидетели тех событий стали писать о том, что писатель искажает действительность, преувеличивает роль своих героев, а некоторых честных людей так и вообще оклеветал, назвав их предателями, пособниками оккупантов.

С другой стороны, всполошились и критики: в романе оказалась совершенно не выявленной руководящая роль Коммунистической партии. (А откуда было взяться руководителям, если те немногие партийцы, которые не ушли с советскими войсками, были арестованы уже в первые дни оккупации?..)

В общем, под давлением с двух сторон А. А. Фадееву пришлось основательно переделать первую редакцию, подготовив к 1951 году второй, значительно измененный вариант.

Но и он неоднозначно был принят читателями. Многие к тому времени стали понимать, что и в новой редакции достаточно подтасовок, а то и прямого вранья. Как показали позднейшие исследования, организация «Молодая гвардия» была по существу придумана русскими полицаями из оккупационной службы. Одно дело — поймать нескольких подростков, вывесивших красный флаг на трубе, и совсем другое — раскрыть целую подпольную организацию. Эту версию затем поддержали те советские работники, которые по долгу службы должны были организовать подпольное движение на захваченных врагом территориях. Свою толику добавил и Фадеев...

Таким образом, и новая публикация не принесла покоя Фадееву. А когда после смерти И. В. Сталина в 1953 году из лагерей стали возвращаться уцелевшие и реабилитированные за отсутствием состава преступления литераторы, жить руководителю Союза писателей СССР стало уж совсем невмоготу.

И 13 мая 1956 года он поставил в своей жизии последнюю точку, застрелившись из личного оружия.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ШВАМБРАНИИ

Про Кассиля говорили, что он, как бритва, не имеет фаса, только один профиль. Высокий, худой, он одевался с удивительной по тем временам элегантностью. Как-то даже привез из-

Лев Кассиль (1905—1970)

за границы галстук и носовой платочек одного тона для пиджачного кармашка и с гордостью говорил всем, что это «последний крик моды, почти даже вопль»... Между тем на страницах газет в то время всерьез обсуждалась проблема «брюк-дудочек в комсомоле». Но Льва Кассиля она как будто не касалась. Он вообще ухитрялся обо всем иметь свое мнение, и все же власти его не трогали.

Возможно, он научился этому умению у своего отца — земского врача из слободы Покровской — саратовского предместья на берегу Волги. Теперь это город Энгельс, знаменитый на всю страну своими троллейбусами.

«Отец знаком со всей слободой, — писал впоследствии Кассиль. — Нарядные свадебные кортежи почти всегда считают долгом остановиться перед нашими окнами. Цветистая кутерьма окружает тогда наш дом».

В традициях этого дома — не замыкаться, участвовать в общественной жизни города; парадные двери квартиры открыты ежедневно в часы приема больных: доктор Кассиль — человек доступный, демократичный, с опытом и привычками земского врача, берущий риск на себя, оказывающий немедленную помощь всем, кому она необходима. А необходима его помощь была многим, и старший докторский сын Леля видел у себя дома множество людей самого разного сословия.

Вместе с тем доктор Кассиль прекрасно знал себе цену, уважал профессионализм и полагал,

что если государством будет управлять кухарка, ничего хорошего из этого не выйдет. Каждый должен заниматься своим делом. А потому, «когда в нашей квартире засорялась уборная, замок буфета защемлял ключ или надо было передвинуть пианино, Аннушку посылали вниз, в полуподвал, где жил рабочий железнодорожного депо, просить, чтобы «кто-нибудь» пришел. «Кто-нибудь» приходил, и вещи смирялись перед ним: пианино отступало в нужном направлении, канализация прокашливалась и замок отпускал ключ на волю».

Из этого дома и берет свое начало «Швамбрания» — выдуманная страна, играя в которую ученик первого класса Покровской мужской гимназии Леля Кассиль вместе с младшим братишкой удалялся от обид взрослого мира. В ней всегда побеждала справедливость. И эту веру, что правда всегда себя покажет, Лев Кассиль пронес через всю свою жизнь.

И как ни странно, это, пожалуй, единственный случай в литературе, когда советская власть отступилась от писателя-еврея и не указывала ему, как себя вести и что делать, за весь период его сорокалетней творческой деятельности. Она приняла его Игру и даже подыгрывала ему по мере возможности.

Впрочем, и сам Кассиль, коли уж доводилось, тоже подыгрывал советской власти. Когда его попросили отредактировать примерный устав будущей пионерской организации, он отложил все свои дела и отшлифовал законы пионерской жизни до последней строки.

Вот так они и сосуществовали — писатель и действительность.

Может быть, поэтому в творчестве Кассиля не прослеживается особых трагедий. Даже революция у него — какая-то «домашняя», происходила она в классе, в гимназии, в маленьком городке, в докторской квартире. Она была своя, личная, не похожая на ту, что у соседа. И, может быть, поэтому читать о ней было намного интереснее, чем о тех проблемах, что обсуждались на газетных страницах.

И жизнь самого писателя тоже обошлась без особых трагедий, сложилась удачно и счастливо.

Он жил в Москве, на Таганской площади, неподалеку от Гендрикова переулка, где была квартира В. В. Маяковского. И даже водил знакомство с Владимиром Владимировичем, который печатал его произведения в своем журнале «Новый Леф» — а такой чести он удостаивал немногих. Более того, в начале писательского пути Маяковский лично рекомендовал Кассиля издателям. Вот как пишет об этом сам Кассиль:

«С первыми ее страницами (повести «Кондуит». — *Ред.*) я, волнуясь, пришел в маленький Гендриков переулок за Таганкой, туда, куда давно меня влекло восторженное преклонение перед громоподобным талантом жившего там человека. Я взбежал по лестнице, а сердце у меня от волнения скатилось вниз по ступенькам. Я позвонил у двери, на которой была прибита медная дощечка с именем Маяковского. Я позвонил, и мне открыли. Через эту дверь я и вошел в литературу».

Владимир Маяковский (1893—1930)

Среди друзей и коллег Маяковского он был самым молодым. И потому, случалось, над ним подтрунивали. Но не обижали. Как рассказывал сам писатель, однажды, на одном из литературных собраний, происходивших дома у Маяковского, в Гендриковом переулке, ему удалось сказать что-то умное, наилучшим образом заканчивающее спор. Кирсанов услыхал это и молвил:

Одного Кассиля ум
Заменил консилиум...

Маяковский этого не слышал, поскольку вышел из комнаты. И гордый Кассиль побежал к нему в прихожую похвастаться. Вот, дескать, что про него сочинили. На что Маяковский, не оборачиваясь и продолжая надевать неподатливые галоши, пробасил:

Мы пахали, мы косили.
Мы нахалы, мы Кассили!

Обескураженный Кассиль пошел за утешением к Асееву, который тут же срифмовал:

Других не осиля,
Напали на Кассиля.

Замечательно, что в этом случайном шутливом триптихе каждый из поэтов представлен характернейшими особенностями своего почерка, своего стиля.

Поначалу Лев Кассиль работал в газетах и журналах, в том числе и в «Известиях», где, как

он отмечает в автобиографии, «описывал планетарий и фабрику-кухню, заседания и матчи, вокзалы и станции «скорой помощи», кооперативы и музеи, сессии академий и тиражи государственных займов, больницы и аэродромы, парады и водопроводы, корабли и детские сады»... Ну, а потом стал писать детские книжки. И после того, как его повести **«Кондуит»** и **«Швамбрания»** получили известность, окончательно и бесповоротно стал детским писателем.

Особняком в его творчестве стоит повесть **«Вратарь республики»**. Ее созданием писатель обязан вот какому факту своей биографии.

Летом его семья частенько снимала дачу на Клязьме, неподалеку от спортивной базы «Спартака» в Тарасовке. И в гости к писателю время от времени заходили спортсмены. Бывал Георгий Знаменский — не только великолепный бегун, но и цельная волевая натура.

Мало кто знал, что сын деревенского попика из захудалого подмосковного прихода имел заветную мечту: увидеть себя и брата в белом, скрипящем от крахмала халате со стетоскопом в руках! И ради этого тащил за собой младшего брата Серафима не только на беговую дорожку, но и по трудным тропам латинской грамматики!

Приходил молодой боксер Николай Королев, ученик и последователь знаменитого Аркадия Георгиевича Харлампиева, некогда выступавшего в Париже на профессиональном ринге под именем «Шарль Лампье». В нем окружающих привлекали интеллект, умение владеть со-

бой на ринге, быть хозяином положения и предлагать сопернику наиболее выигрышные для себя варианты. В обыденной же жизни предпочитал держаться в тени, любил читать, был скромен и даже застенчив.

И Георгий Знаменский, и Николай Королев, как уже говорилось, были спартаковцами. И, понятное дело, болели за футбольную команду «Спартак», которая очень нравилась и Кассилю. Он заболел футболом еще в ранней юности, когда сам с радостью гонял мяч по двору, и оставался страстным болельщиком до конца жизни, когда футбол, как он иронизировал сам над собой, превратился для него в «глубоко сидячую игру».

В результате этого интереса к футболу и появился рассказ «Пекины бутсы» — про то, как наши ездили играть в Турцию, а также повесть «Вратарь республики».

Многие потом поговаривали, что прототипом главного героя книги послужил заслуженный мастер спорта Анатолий Акимов. Во всяком случае, именно ему однажды было подарено уникальное, неповторимое издание этой книжки.

«Это маленький, немногим больше ладони томик в твердом тисненом переплете, на котором во вдавленном медальоне изображен вратарь, в прыжке достающий мяч, с цветной суперобложкой, с многочисленными красочными иллюстрациями, каждая из которых проложена вклеечкой из прозрачной папиросной бума-

ги. Чрезвычайно мелкий, но очень разборчивый шрифт, — рассказывал Анатолий Акимов. — Но самое интересное на обороте титульной страницы, там, где помещают так называемые выходные данные. Тем же мельчайшим четким шрифтом начертано: «Оформление, переплет и суперобложка работы А. Коврижкина, ученика 7-го класса 209-й школы. Текст переписан из «Пионерской правды» 1937—1939 гг.»

Так, не дожидаясь выхода повести отдельной книгой, московский школьник Анатолий Коврижкин издал ее сам. Это ли не признание популярности и читательской любви!

Потом Л. А. Кассиль написал еще несколько книг, в том числе и на спортивные темы, но ни одна из них не пользовалась столь шумным успехом, как «Вратарь республики». Но и сил на нее писатель потратил немало. Работа над разными редакциями продолжалась с 1932 по 1959 год!

Если вы почитаете эту книгу внимательно, то поймете, что она не только про футбол. «Что наша жизнь? Игра!» — некогда сказал классик, и писатель Кассиль расшифровал эту крылатую фразу по-своему.

СЮЖЕТ ДЛЯ ОДНОЙ КНИГИ

Американская писательница **Харпер Ли** родом из городка Монровиль, штат Алабама. Она известна всему свету своим единственным

романом «Убить пересмешника», опубликованным в 1960 году и сразу же удостоенным самой престижной в США Пулитцеровской премии. Роман был хорошо принят как читателями, так и критикой, переведен на многие языки мира, возглавлял списки лучших книг — бестселлеров — в течение многих недель. Воодушевленная столь блестящим дебютом, Ли объявила, что начинает работу над вторым романом, но он так и не был напечатан.

Почему?

Секрет успеха первого романа Харпер Ли складывался из многих составляющих. Прежде всего его предопределило точное знание автором всех деталей описываемого. В романе изображены события середины 30-х годов XX века, происходившие в провинциальном городке Мейкомбе штата Алабама.

Они воспроизведены с точки зрения девочки, дочери юриста Аттикуса Финча, которой в начале романа шесть, а в конце книги — девять лет. Если учесть, что сама писательница родилась в 1927 году в таком же маленьком южном городке, в семье юриста, и так же, как героиня романа, практически не помнит свою рано умершую мать, становится понятно, кто главная героиня романа.

Но поскольку писала книгу уже взрослая, тридцатитрехлетняя женщина, то в романе время от времени слышен и ее голос, комментирующий те или иные события уже со своей точки зрения. Так, она не стесняется немнож-

ко поиздеваться над очередной новомодной системой обучения первоклассников чтению:

«...Мисс Кэролайн махала у нас перед носом карточками, на которых было выведено печатными буквами: «кит», «кот», «вот», «дом», «дым». От нас, видимо, не требовалось никаких комментариев, и класс в молчании принимал эти импрессионистические откровения».

Причем начинается этот эпизод с упоминания, что рыжеволосая мисс Кэролайн родом из округа Уистон, а жители тех мест были известны своим упрямством даже среди обитателей Алабамы. Когда 11 января 1861 года штат вышел из состава Южной Конфедерации, требуя независимости, то жители округа Уистон откололись и от Алабамы, решив, что лучше всего им быть самим себе хозяевами.

И потому класс решил: с такой учительницей надо держать ухо востро.

Так оно и вышло. Мисс Кэролайн взялась за обучение довольно круто. Убедившись, что Джин Луиза по прозвищу Глазастик — особа грамотная, она прониклась к ней легким отвращением и приказала, чтобы отец больше не учил ее грамоте, поскольку, дескать, сделал это неправильно.

Но сделанного уже не воротишь, а вскоре и сама учительница потихоньку начинает понимать, что и ее саму научили в колледже далеко не всему.

Почему же роман называется «Убнть пересмешника»? Аттикус Финч купил в подарок своим детям духовые ружья, для упражнения в спортивной стрельбе. Но нз такого ружья можно подстрелить и птицу. И слова Аттнкуса о том, что самым большим грехом было бы убить пересмешника — самую безобидную птицу, которая не клюет ягод, а только поет всем на радость, — приобретают к концу романа философский смысл.

Бескомпромиссный юрист Аттикус ввязывается в безнадежно проигрышное дело — он берется защнщать в суде темнокожего Робинсона, который по мнению жителей городка виноват уже потому, что он — негр. Адвоката травят. Ему угрожают. Но он идет на компромисс лишь тогда, когда ночью нападают на его детей, возвращавшихся со школьного вечера.

За ннх вступается случайно оказавшийся на месте преступления юноша из соседской строгой баптнстской семьи Рэдли. Родители не позволялн ему общаться с людьми, так как в подростковом возрасте он совершил проступок. Защнщая детей в кромешной тьме, Рэдли случайно убивает нападавшего его же оружием.

Осмысливая ситуацию над телом лежащего без сознания сына, Аттикус приходит к выводу о необходимостн показать в суде, будто обидчика убил, защищаясь, мальчик. Только так можно избежать несправедливого наказания Рэдли. Потом он решает сказать, что Боб Юэл сам упал на свой нож. Но в любом случае

подтвердить неправду должна и еще одна свидетельница — восьмилетняя Джин Луиза. Как объяснить ей, что иногда бывает ложь во спасение?

Однако Глазастик неожиданно для отца заявляет, что все поняла. А на вопрос отца: «Что ты хочешь этим сказать?» — отвечает: «Ну, это было бы вроде как убить пересмешника, ведь правда?»

Эта необычно выраженная мысль звучит убедительно в устах восьмилетней девочки, потому что детям вообще свойственно обостренное чувство справедливости. Только взрослые об этом почему-то часто забывают.

Так к концу романа на деле оказывается верной не новомодная воспитательная система Дьюи, или как ее там еще называют, а педагогическая и юридическая практика Аттикуса, убежденного, что детям, как и взрослым, нужно говорить правду.

Он стремится твердо придерживаться этих правил, несмотря на то что Джин Луиза задает трудные вопросы. Поскольку весь городок обсуждает предстоящий разбор в суде дела об изнасиловании, она спрашивает, что такое потаскуха, а затем и что такое насильничать, и, услышав от Аттикуса ответ: «Плотское познание женщины силой и без ее согласия»,— удивлена: «Только и всего? А почему я спросила Кэлпурнию (так зовут негритянку, помогающую Аттикусу содержать в порядке дом. — *С. З.*), а она не стала мне отвечать?»

Как уже говорилось, Джин Луиза Финч почти не помнит матери, — ее вместе с братом Джимом, который старше ее на четыре года, воспитывает отец. Она участвует во всех мальчишеских играх, лазает по заборам и деревьям в своем вечном комбинезоне, который ни за что на свете не соглашается сменить на платье.

Но вот у ее брата появился белокурый приятель Дилл, который видит в Джин Луизе девочку. Он целует ее перед отъездом домой. И это действует на Глазастика куда сильнее, чем вечные нравоучения сестры отца — тети Александры. Все ее воспитательные речи пропадают впустую, поскольку Аттикус оказывается прав и здесь в своем суждении, что воспитывает не столько слово, сколько дело.

Подрастающее поколение семьи Финчей постепенно вырабатывает собственное мнение по тому или иному вопросу, зачастую весьма отличное от того, что говорит тетя. Они учатся, наблюдая за окружающими, исправляя ошибки друг друга. Скажем, тезис Луизы «все люди просто люди» звучит уже не убедительно для двенадцатилетнего Джима: «Если все люди одинаковые, почему они тогда не могут ужиться друг с другом?»

Писательница показывает, как меняется представление человека о мире с течением времени. Изменяется даже представление детей о своем отце. Сначала они считают его старым, почти стыдятся того, что он не играет в футбол и не полезет на крышу, как отцы других детей.

Но после случая с бешеной собакой они узнают, что их отец некогда был лучшим стрелком штата. И дети осознают, что то или иное умение нужно использовать, когда это необходимо, а вовсе не хвастать им попусту. Отец убил бешеную собаку метким выстрелом, так как другого выхода у него не было.

Они начинают понимать, что истинное мужество не в том, чтобы кричать на пожаре громче всех, отдавая приказания, а в несуетном умении делать свое дело.

А еще, как говорит отец, «мужество — в том, чтобы браться за безнадежное дело и идти до конца». Юрист Аттикус прекрасно понимал, что он не сможет выиграть в Алабаме дело чернокожего Тома Робинсона, но он взялся за него и сделал все от него зависящее, чтобы в виновности его подзащитного усомнились даже самые отъявленные расисты. Ведь совесть есть у каждого человека. Только у некоторых она просто спит...

Когда перелистываешь последнюю страницу романа, становится очень жаль, что книга закончилась, и ты так и не узнаешь, что стало с ее героями дальше.

Почему Харпер Ли так и не написала продолжения? Да, наверное, потому же, почему Марк Твен не изобразил Тома Сойера и Гека Финна взрослыми, хотя и собирался. Потому что, если подумать, все об их судьбе уже сказано. И добавлять что-либо еще — это, по большому счету, лишь пустословить.

ПИСАТЕЛЬ-НЕВИДИМКА

Так иногда называют американского прозаика **Джерома Дэвида Сэлинджера**. Родился он в 1919 году в Нью-Йорке, в состоятельной семье торговца сырами, колбасами и копченостями Сола Сэлинджера.

Мальчик с раннего детства отличался неуемным нравом, сменил несколько учебных заведений, но закончил лишь одно — военную школу в Вэлли-Фордж (Пенсильвания). Произошло это в 1936 году. После этого Джером попытался поучиться еще в Нью-Йоркском и Колумбийском университетах, но и из этой затеи ничего не вышло.

Тогда отец решил взять сына с собой в путешествие по Европе. Культурная программа путешествия сочеталась с изучением процесса изготовления разных знаменитых колбас, поскольку отец видел в сыне продолжателя семейного бизнеса. Однако, вернувшись домой, сын решил, что ему лучше не делать колбасы, а «выпекать» литературные произведения.

И, как ни странно, у него кое-что начало получаться. Еженедельник «Урсинус уикли» опубликовал его фельетон. Затем последовали публикации в журналах «Стори», «Кольерс», «Эсквайр», «Сатердей ивнинг пост».

Сэлинджер пишет статьи, фельетоны, рассказы на разные темы, стараясь выработать свой взгляд на вещи и собственный стиль изложения.

В начале 40-х годов XX века в журнале интеллектуальной элиты «Нью-Йоркер» появилась новелла «Легкий бунт на Мэдисон-авеню», ставшая впоследствии одной из глав его единственного романа «Ловец во ржи» или, как перевели это название у нас, — «Над пропастью во ржи».

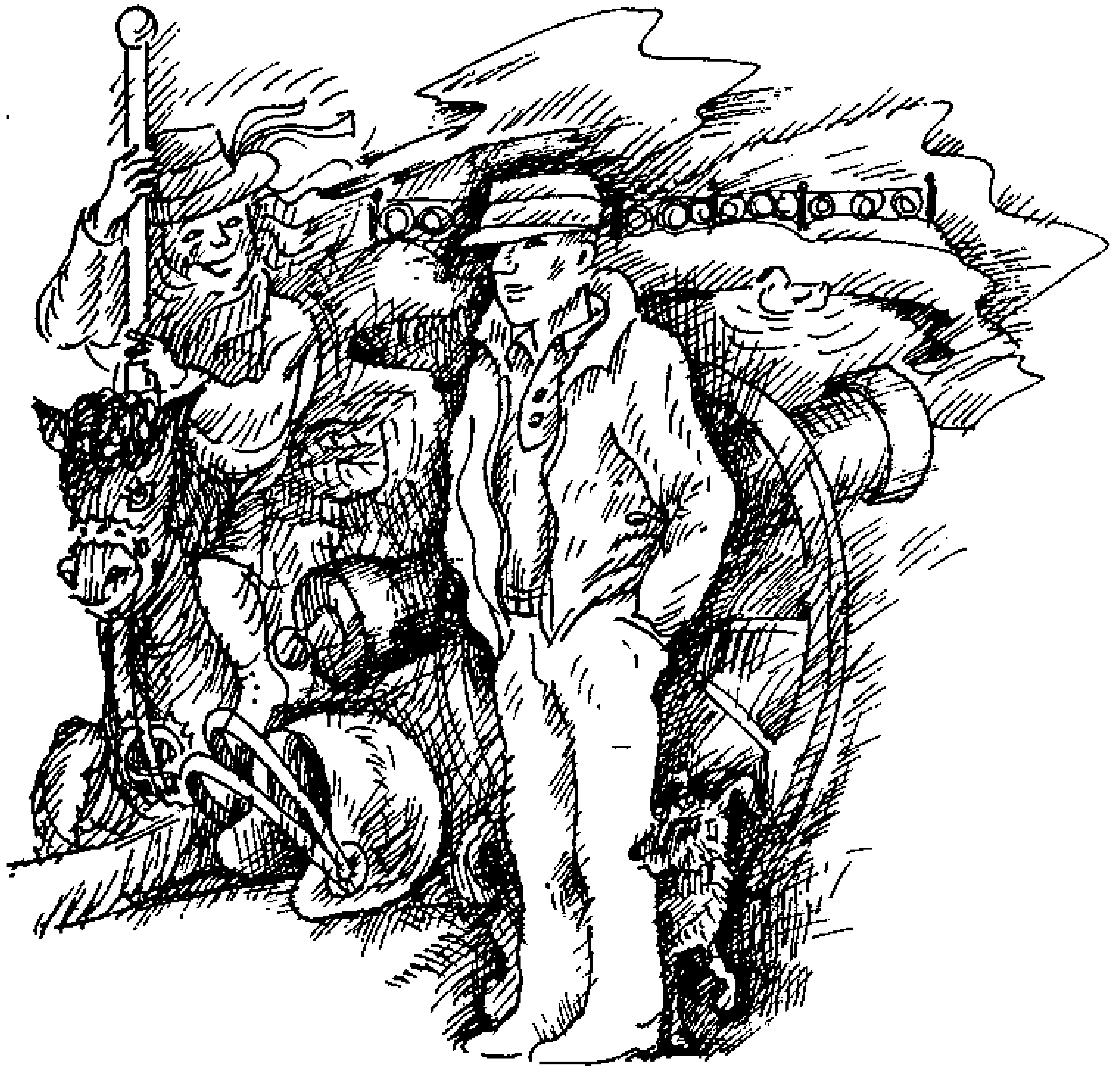
Но тут началась Вторая мировая война. В 1942 году Сэлинджер был призван в армию. Вот тут и пригодились навыки, полученные некогда в военной школе. Еще два года спустя сержант американской армии участвует в высадке союзных войск в Нормандии. Закончил войну начинающий литератор сотрудником американской разведки в Баварии.

Демобилизовавшись, Сэлинджер вернулся домой и некоторое время жил у родителей на Парк-авеню в Нью-Йорке. По вечерам он ходил в клубы послушать, о чем говорят другие литераторы. Однако шумное многоголосье интеллектуальных споров и ученых речей вскоре так утомило его, что он позволил себе едко сострить: «Злейший враг писателя — другой писатель». И бросил ходить на эти многолюдные собрания.

Тем более что в это время Сэлинджер заканчивал работу над романом «Над пропастью во ржи», который он писал, по его собственному признанию, около 10 лет. В том числе и во время войны, возя пишущую машинку в армейском джипе. Чтобы полностью сосредоточиться на работе, он даже покинул дом родите-

лей и снял комнату в одном из отдаленных кварталов.

В романе Сэлинджер по существу пишет о себе, о своей жизни. Подросток Холден Колфилд, исключенный за академическую неуспеваемость из школы Пеней, сбегает в Нью-Йорк, слоняется по городу, не в силах принять какого-либо решения и строя невероятные планы на будущее. Холден остро ощущает разлад действительного и желаемого в школе, в семейных отношениях, в обществе — во всем том, что являет собой так называемый «мир взрослых».



Холден обвиняет мир в том, что он полон фальши, притворства, показухи. Окружающее общество представляется ему враждебным потому, что не позволяет совершать бескорыстные, добрые дела. Невозможность примирить желаемое и действительное вызывает у Холдена смятение. В романе Сэлинджер открыто выражает сомнение, что «американский» образ жизни является наилучшим.

При этом писатель зарекомендовал себя как настоящий мастер детали, которая занимает у него очень важное место. Его интересуют каждый жест, выражение лица, звук голоса героя. Он исследует малейшие движения души. Стиль его письма при всей своей простоте оригинален, и все попытки исследователей отыскать какие-либо литературные параллели оказываются неудачными до сих пор.

Наконец работа была закончена и роман отправлен издателю. Он вышел в свет в 1951 году и был восторженно встречен читателями. Сэлинджер стал знаменитым и даже богатым, что позволило ему купить большой земельный участок (в 90 акров) с домом на берегу реки, неподалеку от небольшого городка Корниш (Нью-Хемпшир).

Здесь он и зажил отшельником, самостоятельно ведя незатейливое домашнее хозяйство: пилил дрова, носил воду и продолжал работать над новыми произведениями.

Впрочем, в 1955 году, несмотря на свою нелюдимость, он женится на Клер Дуглас, сту-

дентке Рэдклифского колледжа, по-прежнему оставаясь недосягаемым для любопытных.

К 1965 году Сэлинджер кроме своего романа опубликовал свыше трех десятков новелл и повестей. Часть из них была отобрана им для книги **«Девять рассказов»**. Повести **«Выше стропила, плотники»**, **«Симор: введение»**, **«Френни»**, **«Зуи»**, **«Хэпворт 16, 1924»** тоже опубликованы в сборнике. А **«Френни»** и **«Зуи»** в 1961 году были объединены автором в одну книгу **«Френни и Зуи»**, положив начало циклу о семействе Глассов.

Глассы — большая и дружная семья, содружество высокочувствительных людей. По своей природе они — художники, изначально обреченные неуютно чувствовать себя в прагматическом американском обществе. Лес и Бесси Глассы — актеры, родители семерых детей. Но жизнь их потомков, как правило, складывается неудачно.

Сын Симор, филолог, философ и поэт, покончил с собой в 1948 году. Обади, или Бадди, на два года младше своего брата — он родился в 1919 году, — становится писателем, «летописцем» семьи (его образ литератор списал с себя), но опять-таки не может похвастать особым благополучием. То же самое и с другими отпрысками семейства: все они стараются чего-то добиться, много работают, однако счастье и удача редко улыбаются им.

Больше других Сэлинджер сожалеет о Симоре Глассе. Он обречен на гибель двойствен-

ностью своего существования, поскольку по своему духу и мироощущению он абсолютно чужд окружающему его миру, избегает его, хотя и не может обойтись без него совсем, всеми силами старается привыкнуть к своему окружению, слиться с ним... Для Глассов Симор является олицетворением всего лучшего, что есть в человеке, — духовной красоты, ума, терпимости и чистоты помыслов.

Своему герою Сэлинджер посвятил несколько повестей, в последней из которых, «Хэпворт 16, 1924», показывает, как семилетний Симор уже предвидит свое будущее.

После выхода в свет этой повести, с 1965 года, Сэлинджер больше не опубликовал ни строчки. В интервью, данном газете «Нью-Йорк таймс» в 1974 году, он так объяснил причину своего затянувшегося молчания: «Не публикуешь — и на душе спокойно. Мир и благодать. А опубликуешь что-нибудь — и прощай покой!»

Летом 2001 года исполнилось полвека с момента выхода в свет его романа. И когда журналы хотели отметить это событие публикацией, то нашлась всего одна фотография писателя тридцатилетней давности. Да и то она изображала Сэлинджера в момент бурной ярости, с которой тот обрушивается на фотографа-папарацци, посмевшего сфотографировать его без спросу.

Единственное, что удалось узнать репортерам нового, так это то, что ныне писатель живет в своем уединении уже с новой женой, которая моложе его ровно на полвека.

ТЕХНОЛОГИЯ РЕМЕСЛА

Иногда говорят, что писатель — такая же профессия, как и любая другая. А что касается таланта, то талантливыми (или не очень) бывают и плотники, водители, дворники...

Утверждают даже, что теория вероятностей дает возможность подсчитать, какое количество обезьян надо посадить за пишущие машинки и сколько времени им дать, чтобы в конце концов получился, например, роман «Война и мир».

Однако на практике из такой теории ничего не выходит. Были попытки использовать для создания стихов и прозы современные компьютеры. Они исправно рифмуют строки, разрабатывают сюжеты, но читателям почему-то их произведения не нравятся.

В чем тут дело? Как работают признанные писатели? Какие тайны скрывают в своем письменном столе?.. Попытаемся ответить на эти вопросы.

КТО НАПИСАЛ РОМАНЫ ДЮМА?

Вообще-то тема подлинности авторства не нова. До сих пор идут споры, является ли, например, Уильям Шекспир автором всемирно известных шедевров. Еще не поставлена точка в спорах об авторстве «Тихого Дона».

А Александр Дюма — эта «фабрика романов»! Неужто за этим очаровательным, могучим

Александр Дюма-отец
(1802—1870)

и остроумным здоровяком стоял кто-то другой?..

Попробуем разобраться в этой тайне на примере самой известной книги Дюма — **«Три мушкетера»**.

Ах, какими замечательными дуэлянтами они были! Как ловко владели шпагами, как блистательно фехтовали, какие неудержимые выпады делали, сражая врагов наповал! А главное, они были всегда справедливы, бросаясь в бой лишь за правое дело!

Как можно не любить тех, кто жизнь был готов положить за друга? «Один за всех и все за одного!» Как можно не любить эту замечательную, веселую книгу!

Веселую?.. Но давайте попробуем взглянуть на трилогию **«Три мушкетера»**, **«Двадцать лет спустя»** и **«Десять лет спустя»** под иным углом зрения. Судите сами: за тридцать лет жизни главных героев нашлось всего лишь три недели, достойных описания. И то во второй книге д'Артаньян вынужден по существу пойти против своих старых друзей, а в последней, третьей части он погибает, едва добившись желаемого.

Чем же занимался остальное время наш славный рыцарь? Хождением на службу, стоянием в караулах и попойками... Ей-ей, осталь-

ные нашли себе более достойные занятия. Арамис занялся богоугодными делами, Портос, как и хотел, разбогател и жил в прекрасном поместье. Атос же, наш славный, мудрый и благородный Атос, привел в порядок свои дела, имение и вырастил сына. Не случайно А. Дюма именно ему симпатизирует больше всех.

Но откуда писатель узнал о судьбах своих героев? Неужто все выдумал от первой и до последней строчки?

В предисловии к «Трем мушкетерам» Дюма сам, с непринужденной улыбкой, но довольно-таки туманно рассказывает о том, как он нашел сюжет для романа. Видимо, ему не хотелось раскрывать полностью карты и называть имя автора мемуаров, которыми он воспользовался, но и уж совсем обойти их он тоже не мог: в его ушах еще звучали упреки и обви-

нения в том, что все его романы написаны вовсе не им.

Поэтому Дюма ограничивается полуправдой: говорит о том, что нашел «Воспоминания г-на д'Артаньяна» в Королевской библиотеке, но имя Гатьена Сандра де Куртиля — автора этих самых «Воспоминаний» — даже не упоминает. А между прочим, в свое время эта книга, изданная в Нидерландах, пользовалась огромным успехом и во Франции...

Впрочем, Дюма, похоже, так и не узнал, что и сам стал жертвой мистификации. Сандра де Куртиль выпустил подложные мемуары: сам Шарль де Батц Кастельморо, присвоивший себе имя д'Артаньяна, их не писал. Правда, сопоставив даты, можно предположить, что де Куртиль вполне мог лично знать д'Артаньяна! Жили они в одно время, могли встречаться при дворе.

Когда д'Артаньян, дослужившись до полковника, погиб в 1673 году при штурме голландского города Маастрихт, де Куртилю было 29 лет. «Воспоминания» же он выпустил в 1700 году. И пользовался ли он при этом какими-то записками д'Артаньяна или его устными рассказами, остается лишь гадать... Во всяком случае, несомненно одно: жизненная основа «Трех мушкетеров» реальна.

Шарль де Батц Кастельморо — он же д'Артаньян и главный герой «Воспоминаний» и «Трех мушкетеров» — был средним из пяти сыновей обедневшего гасконского дворянина.

Старший из братьев, кстати, тоже был мушкетером. Но к тому времени, когда средний брат добрался до Парижа, он уже погиб.

В одной из парижских харчевен, где обычно собирались мушкетеры, Шарль познакомился с другим бедным гасконцем Исааком де Порто, не менее Шарля мечтавшим о плаще мушкетера, а пока прозябавшим в роте Дезэссара. Знакомство же с Анри Арамицем и Арманом де Силлек д'Атос д'Отевиллем — дальними родственниками де Тревиля — произошло примерно так, как это описано в книге, — накануне их дуэли с гвардейцами кардинала.

Впрочем, из вышесказанного вовсе не следует, что, увлекшись каким-либо сюжетом, Дюма затем в точности следовал исторической правде. Он стал родоначальником когорты писателей-фантастов, которые писали не о будущем, а о прошлом, используя известные им факты всего лишь как иллюстрации к развиваемому ими сюжету, к собственной трактовке событий.

Это весьма раздражает так называемых серьезных историков. Но, положа руку на сердце, признаемся: читать их сухие манускрипты охотников мало. Тем более что со временем выясняется: историки тоже частенько подтасовывают факты, пере-

краивая историю по указанию того или иного правителя.

Так что не будем осуждать Дюма. Все дело в том, что литератор считал историю цепью случайностей. И был уверен, что миром правили не короли, а Его Величество Случай. Вот вам иллюстрация: война между Францией и Англией, описанная в «Трех мушкетерах», началась, получается, из-за любви Бекингэма к Анне Австрийской, а вовсе не по каким-то там финансово-политическим причинам.

Писатель представляет войну большой дуэлью двух влюбленных и могущественных соперников — Бекингэма и Ришелье. А события, происходившие в ту пору во Франции, в книге объясняет предельно просто: часть народа служит королю, часть — Ришелье, а сами власть имущие, не заботясь о чаяниях простых людей, развлекаются утонченными политическими и любовными интригами.

Хотя на самом деле о том, как абсолютизм власти Людовика XIII и Ришелье вступил в жесточайший конфликт с феодалами, написаны тома исторических исследований.

Но какое до них дело Дюма! Перед писателем стояла совершенно иная задача. Он и не собирался восстанавливать ход истории. Он вообще не историк, а романист. И потому, считал Дюма, он вправе иметь свою точку зрения на свершившиеся события. Литератор стремился к тому, чтобы история была в его романах увлекательной.

Дюма еще в середине XIX века понял, что скрупулезно точное описание исторических событий интересно лишь кучке специалистов. Дюма же пришел к созданию исторического романа нового типа — романа-фельетона, как его называли тогда, или романа-триллера, как мы говорим сегодня. Словом, произведения, где действие разворачивается бурно, стремительно, где не остается места скучным длинным диалогам, где интрига вьется прихотливой спиралью, а с героями вечно что-то происходит...

Но вот что любопытно. Столь пренебрежительно относясь к исторической действительности, по-своему толкуя подоплеку событий, Дюма с поразительной достоверностью рассказывает об обычаях того времени, о быте и нравах. А если так, значит, писателя трудно упрекнуть в художественной недостоверности.

Дюма не менее правдив и в описании характеров своих героев. Каждый из них поступает так, как ему велит его натура: д'Артаньян хитрит, Атос проявляет благородство, Арамис увиливает, а Портос прям и простодушен.

Дюма был необычайно плодовит. За те три года, что он писал «Трех мушкетеров», в свет вышло еще десять томов его сочинений! И среди них «Граф Монте-Кристо», «Королева Марго», «Графиня де Монсоро»! Для сравнения: Лев Толстой, как известно, писал всего по четыре страницы в день.

Впрочем, Дюма хитрил. Если Л. Н. Толстому помогали лишь его жена да секретарь, то

Дюма был, наверное, первым, кто внедрил в литературе так называемый бригадный подряд. На него работал добрый десяток литературных «негров».

Выглядело это примерно так. Перед тем как начать новую большую работу, Дюма собирал своих сотрудников в каком-нибудь роскошном ресторане, угощал прекрасным обедом, а за кофе уже начиналась работа.

Дюма, загораясь все более и более по ходу рассказа, щедрыми мазками набрасывал фабулу будущего романа, а все остальные делали памятные записи. Потом составлялся общий план, распределялись главы, и каждый писал свою часть текста. Затем Дюма, собрав все написанное, сам тщательно его редактировал — выбрасывая неудачные места и вписывая новые эпизоды, шлифовал стиль и слог. После чего черновик поступал к некоему Вьейону — горькому пьянице, обладавшему одним огромным достоинством: его почерк как две капли воды походил на почерк Дюма. И тот переписывал все набело, поскольку издатели, напуганные слухами, что Дюма присваивает чужие идеи, сюжеты, а то и целые книги, принимали рукописи, написанные только рукой мэтра.

Так что не удивляйтесь, видя, как ныне какой-нибудь борзописец выпускает каждый месяц по детективу. Тайна тут невелика. Просто на него работает целая бригада «литературных рабов». Не станем укорять Дюма за то, что он работал с сотрудниками. Он любил мно-

го зарабатывать и еще больше тратить. А главное: его просто распирало от замыслов, и если бы он все до последней строчки записывал сам, то, наверное, его литературное наследство было бы гораздо меньше.

Впрочем, в России отношение к Дюма всегда было неоднозначное. Одним из первых его переводчиков был сам Белинский, «Три мушкетера» имели огромный успех. А чуть позже Герцен с горечью заявил, что Дюма в России появился не вовремя: его легковесные романы отвлекают россиян от решения насущных проблем и чтения серьезной литературы.

Появление Дюма в России было феерическим. Фейерверки в его честь в обеих столицах — Петербурге и Москве. Толпы восторженных почитателей, ловящих на лету каждое его слово. Герцену же оставалось лишь упрекать своих соотечественников: «Со стыдом, с сожалением читаем мы, как наша аристократия стелется у ног Дюма, как бегает смотреть «великого курчавого человека» сквозь решетки сада...»

Дюма побывал и в Казани, и в Саратове, и в Астрахани, и в Баку, и в Тифлисе, и в других городах, совершенно для него экзотических. А вернувшись во Францию, выпус-

Александр Иванович Герцен (1812—1870)

тил 7 (!) томов, посвященных России. Пусть довольно сумбурных, с сумятицей, путаницей, но интересных, а главное — привлекающих внимание к нашей стране. И он же, кстати, был первым, кто рассказал французскому читателю о Пушкине и Лермонтове.

...И напоследок вернемся к «Трем мушкетерам». Почему именно эту книгу вспоминают первой, когда речь заходит о творчестве Александра Дюма-старшего? Почему читатели любят этот роман больше, чем, скажем, утонченную «Даму с камелиями» и другие изысканные произведения его сына?

Быть может, потому, что сам Дюма въехал когда-то в Париж подобно д'Артаньяну? Оба они были выходцами из захолустных городков, оба отправились в столицу на поиски счастья, у обоих побрякивали в карманах жалкие гроши, зато в головах было полным-полно великих планов покорения не только Парижа, но и всего мира. И оба-таки добились своего.

Дюма вот уже более 100 лет помнит и читает весь мир. Что же касается д'Артаньяна... Кто-то, возможно, посчитает его неудачником: дескать, только добился высокого звания и почестей, как тут же погиб. А мне приходит на память факт, приведенный когда-то в «Комсомолке».

Парнишка, возвращавшийся поздно вечером с тренировки по фехтованию, услышал крики женщины, зовущей на помощь. Ловко орудуя шпагой, он прижал к стене грабителя и

продержал его до прихода милиции. На другой день юного храбреца нашел журналист из местной газеты и среди прочего спросил, кто его любимый герой. Мальчик ответил: «Д'Артаньян».

МНОГОЛИКИЙ СТИВЕНСОН

«В сущности это была вовсе не первая моя книга, ведь я пишу не только романы. Однако я прекрасно понимаю, что мой казначей, его величество читатель, на все прочее, написанное мной, взирает равнодушно, если не сказать неприязненно. Он не признает меня иначе как в моем единственно привычном и незыблемом качестве; и когда меня просят рассказать о моей первой книге, совершенно очевидно, что подразумевается мой первый роман».

Роберт Луис Стивенсон (1850—1894)

Так писал в 1894 году в статье «Моя первая книга «Остров сокровищ» **Роберт Луис Стивенсон.** И действительно, для большинства читателей Стивенсон почему-то был и остается автором одной-единственной книги. Ну еще,

может быть, кто-то вспомнит такую же приключенческую книгу **«Черная стрела»**, написанную чуть позднее.

Между тем задолго до написания **«Острова сокровищ»**, в октябре 1866 года, Стивенсон, которому тогда едва исполнилось шестнадцать лет, издал (правда, на средства отца) первую книгу, на обложке которой значилось его имя. Она вышла в Эдинбурге, насчитывала всего-навсего 22 страницы и называлась «Петландское восстание. Очерк истории, 1666 год». Так юный автор отметил двухсотлетний юбилей известного в истории Шотландии крестьянского восстания.

Первым же печатным произведением Стивенсона уже как профессионального писателя стал очерк «Дороги». Таким образом абориген «Страны кровати», как Стивенсон, много и подолгу болевший, сам себя называл, выразил свою тягу к странствиям, пусть и мысленным.

Судьба, казалось, должна была быть милостивой к Стивенсону-младшему — выходцу из известной в Шотландии семьи. Его дед — знаменитый в свою пору инженер, строитель маяков, мостов и волнорезов — был удостоен даже персонального герба, его портрет есть в Национальной галерее Эдинбурга — столицы Шотландии. Талантливыми инженерами были отец и дядя Роберта Луиса. Так что перед ним открывалась прямая дорога в инженеры.

Но все получилось иначе. Тяжелая болезнь ограничивала Стивенсона, делала его жизнен-

ный опыт односторонним. «Детство мое, — вспоминал он, — сложная смесь переживаний: жар, бред, бессонница, тягостные дни и томительно долгие ночи. Мне более знакома «Страна кровати», чем зеленого сада...»

Не пришлось Стивенсону и нормально учиться. В школу он пошел рано, шести лет, но систематических занятий выдерживать не мог. Частые пропуски, переезды, самовольные уходы с уроков не способствовали успехам. И он для школы, и школа для него были сущим наказанием. Он даже читать научился не сразу, но научившись, открыл еще одну страну — Страну книг.

Лежа в кровати, он придумывал занимательные истории, которыми затем зачитывался весь мир. Впрочем, он писал и стихи:

Повсюду дождь: он льет на сад,
На хмурый лес вдали,
На наши зонтики, а там —
В морях — на корабли.

Томас Стивенсон, отец мальчика, все же рассчитывал, что сын продолжит семейную традицию. Роберт согласился и поступил в Эдинбургский университет на инженерное отделение. В 1871 году за сочинение «Новый вид проблескового огня» Стивенсон был даже удостоен серебряной медали на конкурсе Королевского шотландского общества искусств. Но две недели спустя дома у Стивенсонов состоялся серьезный разговор, навсегда положивший конец

инженерной карьере Стивенсона-младшего. Роберт Луис наотрез отказался учиться инженерному ремеслу дальше. Вместо того чтобы стать строителем маяков, он решил сделаться адвокатом, втайне надеясь, что у него останется достаточно свободного времени для занятий литературой.

Так впоследствии и случилось. Роберт Луис Стивенсон не снискал себе известности как адвокат, зато в конце концов добился того, чего хотел, — стал писателем.

Его перу принадлежат сборник **«Страна кровати»**, всемирно известная баллада **«Вересковый мед»**.

А среди занимательных историй вспомним хотя бы **«Потерпевшие кораблекрушение»**, **«Дом на дюнах»**, **«Клуб самоубийц»**, **«Алмаз Реджи»**...

Благодаря этим произведениям Стивенсон вместе с Эдгаром По, Оскаром Уайльдом и Артуром Конан Дойлом стал родоначальником детективного жанра в литературе.

Причем «Потерпевшие кораблекрушение» не только приключенческий, но и психологический роман. Читая его, понимаешь, почему известный американский писатель Грэм Грин считал Стивенсона одним из своих учителей, наряду с Достоевским, Теккереем и Уилки Коллинзом.

Наконец, у Стивенсона есть произведение и психологически-фантастическое, в котором прослеживается влияние творчества Достоев-

ского. И в самом деле, психологическое эссе Стивенсона «Маркхейм», более известное у нас под названием «Убийца», было написано им под впечатлением «Преступления и наказания».

Об истории создания еще одной повести Стивенсона стоит поговорить особо. Вот что рассказывали об этом сам автор и его жена Фанни.

Вечер Стивенсон провел за книгой и лег поздно. А под утро начал стонать и плакать во сне. Жена разбудила его, но Луис рассердился: «Зачем ты это сделала?»

Фанни сказала, что она беспокоилась:

— У тебя жар, лихорадка, а ты еще изводишь себя чтением.

— Мне снилась чудесная, дьявольская сказка! — сказал Луис. — А ты не дала досмотреть конец. Теперь придется его придумывать...

Фанни знала, что муж часто видит «живые и страшные сны», от которых просыпается в ужасе. Кошмары преследовали его с детства; дневные впечатления ночью представали в виде чудовищных фантасмагорий.

Иногда, уже взрослому, во сне Стивенсону «являлись человечки» и разыгрывали целые истории. Некоторые из них он потом записывал, превращал в рассказы.

Впрочем, подобной особенностью обладал не только Стивенсон — способность творить во сне присуща многим художникам. Так, Данте воспел в сонетах приснившуюся ему Беатриче; во время сна Лафонтен сочинял басни, а Колридж создал целую поэму «Кубла Хан, или Ви-

дение во сне»... Добавим к этому списку еще и Ф. М. Достоевского, которому, говорят, во сне пришла мысль написать роман «Подросток», и Л. Н. Толстого с рассказом «Отец Сергий».

Но какая же такая «дьявольская сказка» привиделась Стивенсону? Он увидел во сне уродливого человека со злым лицом, которого преследовали за совершенное преступление. Чтобы спастись, он принял какой-то порошок

и должен был на глазах своих гонителей превратиться в другого человека. В момент превращения жена его и разбудила...

Но увиденного оказалось достаточно, чтобы писатель воспрял духом. Еще два дня назад, прикованный к постели, он был в отчаянии: издатели ждали от него новый приключенческий роман, а он не знал, о чем писать. Сон выручил его.

Впрочем, если быть дотошным, сюжет **«Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда»** родился вовсе не в одну ночь. Сам же Стивенсон однажды обмолвился, что более двадцати лет вынашивал идею написать повесть «о человеке, который был двумя людьми». Более того, он как-то попробовал осуществить свой замысел в рассказе «Маркхейм». Однако написанное не удовлетворило писателя.

Тема двойника требовала глубокого изучения природы двойственности. Он вспоминает о знаменитом **Франсуа Вийоне** — великом поэте, но одновременно бродяге и пропойце, жившем в середине XV столетия.

И этот замысел впоследствии вылился в блестящую новеллу **«Ночлег Франсуа Вийона»**. И все-таки тема осталась не исчерпанной до конца. Стивенсон помнил услышанные в детстве истории о мистере Уильяме Броуди и его двойной жизни.

Образ этого человека преследовал будущего писателя с детских лет. Бывало, няня Кайми, дочь рыбака, пугала его дьяволом, кото-

рый воплотился в мистера Броуди. И хотя того уже лет девяносто как не было в живых, жители Эдинбурга верили, что его беспокойный дух витает над домами, бродит по улицам.

Во время прогулок с Кайми по старому городу Роберт с ужасом разглядывал мрачный, узкий Броуди-клоуз — двор и большой дом с дубовыми дверями, где когда-то развлекались Броуди и его друзья. А в детской стоял комод, «жутко скрипевший по ночам». Взрослые говорили, что его сделал тот самый Броуди — «замечательный плотник и известный гражданин, оказавшийся плохим человеком».

Вечерами мальчик, сгорая от любопытства, требовал от няни все новых рассказов о столь необыкновенном человеке, в котором одновременно уживались две сущности — член муниципалитета, староста корпорации мастеров, талантливый краснодеревщик и великий злоумышленник, подпольный игрок и вор, не один год державший в страхе весь Эдинбург.

Конечно, няня уверяла, что причиной этому дьявол, который вселился в мистера Броуди. Но, повзрослев, Стивенсон охладел к религии и стал больше интересоваться наукой. Однако в то время психология с психиатрией мало чем смогли помочь писателю. Более того, когда повесть был написана и издана, ее стали использовать в качестве наглядного пособия профессора медицины, благодаря Стивенсону обратившие свое внимание на столь неожиданный феномен человеческой натуры.

Они действительно нашли немало пациентов, страдавших раздвоением личности. А один английский психиатр даже описал пациентку, в голове которой каким-то образом умещались даже четыре личности, разных по характеру и манерам поведения!..

Но вернемся к Роберту Луису Стивенсону и его повести.

Сон послужил отправным пунктом, и писатель взялся за художественное описание жизни мистера Броуди и его приключений. «По-видимому, в воровстве Броуди больше привлекало само искусство, чем извлекаемая из этого выгода»,— писала после его смерти единбургская газета. Иначе говоря, его пытались представить этаким грабителем-артистом, получавшим удовольствие от участия в представлении, когда можно было показать ловкость рук.

Но Уильям Броуди своими ночными выступлениями преследовал отнюдь не артистические цели. В течение двадцати лет он вел опасную двойную жизнь. Днем, элегантный и остроумный, он появлялся в домах аристократов и купцов, в их магазинах, куда его часто приглашали как лучшего мастера-краснодеревщика. Ночью же начиналась другая его жизнь: он посещал те же дома и магазины в маске, с фонарем и связкой поддельных ключей. И никто ни о чем не подозревал.

Лишь в 1788 году Броуди наконец удалось арестовать. Суд приговорил его к казни через

повешение. Тут ему бы и покаяться, но хитрец надеялся ожить и после смерти. Перед казнью он попросил, чтобы его тело сразу же отдали друзьям для погребения. Не потому, конечно, что спешил предстать перед Всевышним.

Дело в том, что в тюрьме Броуди навестил некий французский физик доктор Деграве р, который обещал воскресить его после смерти. Накануне казни французский эскулап вновь побывал в камере Броуди и сделал карандашом какие-то отметки на висках и руках, «чтобы не тратить зря время после повешения». Затем он вручил Броуди небольшую серебряную трубку, которая, будучи вставленной в горло, должна была, по идее, предотвратить удушье.

И действительно, после казни тело быстро доставили в лабораторию, где ждал Деграве р. Однако тот ничего не добился. Броуди умер. И был воскрешен лишь в повести Стивенсона, который соединил в одном персонаже и мистера Броуди, и доктора Деграве ра. Так появились доктор Джекил и мистер Хайд.

За три дня Стивенсон написал три тысячи слов. Он считал, что ему удалось ухватить суть этой таинственной истории. И читатели с ним согласились. Книга, вышедшая в свет в январе 1886 года, была быстро раскуплена.

Впрочем, не ко всем произведениям Стивенсона публика была столь же благосклонна. Вспомним хотя бы о книге, которая была упомянута в начале главы.

Роман «Остров сокровищ» был придуман во время игры. Вместе с пасынком в один из пасмурных дней 1881 года Стивенсон начертил карту воображаемого острова. Потом по этой карте и была написана сама повесть.

Когда до конца было еще далеко, с первыми главами романа ознакомился владелец детского журнала «Янг Фолкс» и тут же отдал их в печать. Казалось бы, успех будущей книги обеспечен...

Но сначала автор «споткнулся» на шестнадцатой главе, хотя предыдущих пятнадцать написал всего за две недели — в рекордно короткое время. Продолжение же Стивенсон никак не мог придумать.

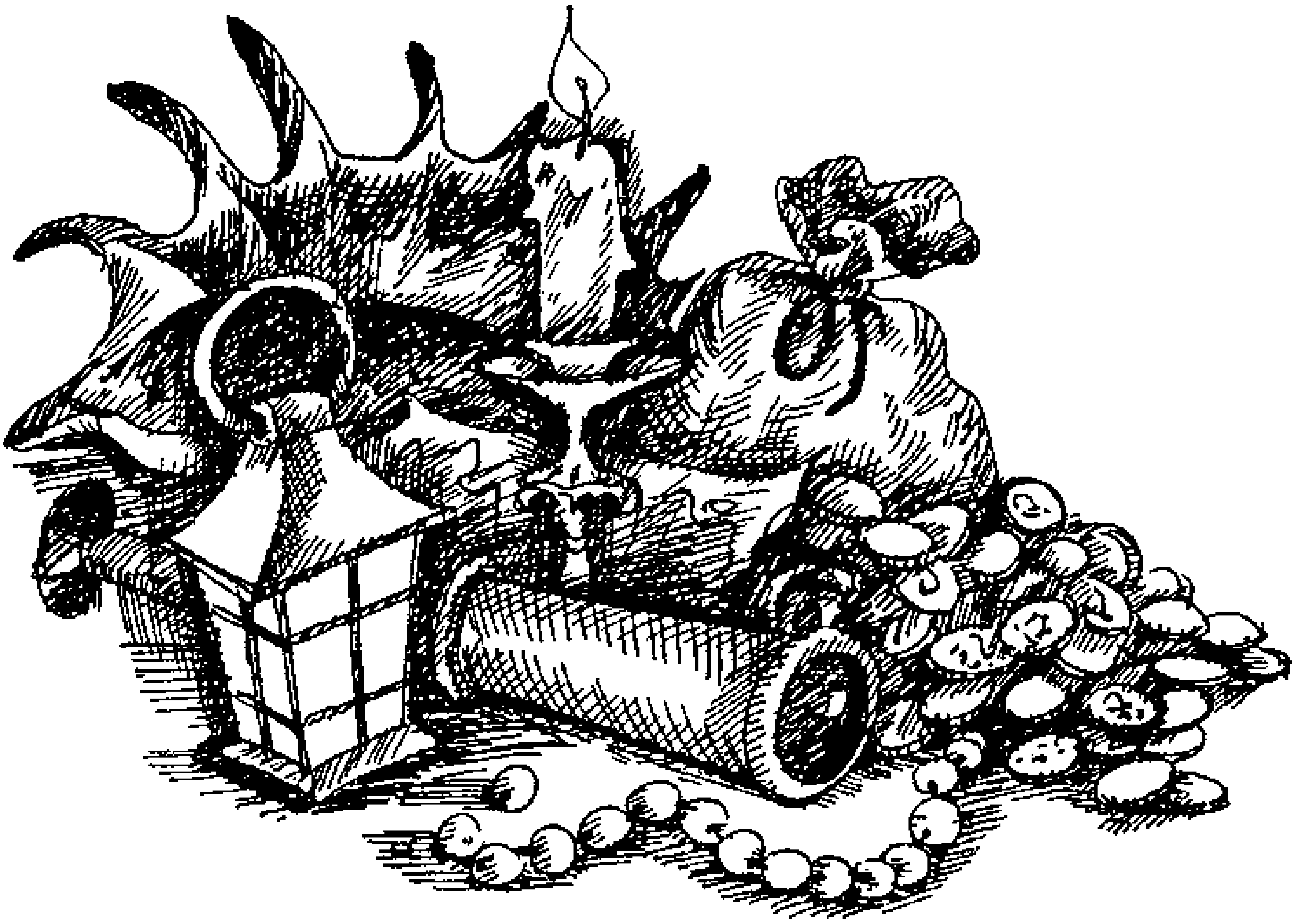
Наконец, повествоваиие все же стронулось с мертвой точки и с грехом пополам дошло до слова «Конец». Но тут странную привередливость проявил «его величество читатель». Успех «Острова» в журнале оказался ничтожным, в редакцию пришло немало писем с критикой. Почему? Стивенсон не мог найти ответа на этот вопрос. Тогда он все же рискнул и издал «Остров сокровищ» за свой счет отдельной книгой. Первое издание сначала расходилось со скрипом, но потом

вдруг словно прорвало плотину. На книгу посыпались заказы. А второе и третье издания расхватали моментально. Роман получил широчайшую известность и вскоре был переведен на многие языки мира.

А что же Стивенсон? Пришедшая слава мало повлияла на него. Разве что, поверив в свою счастливую звезду, он стал работать еще напряженнее. Из-под его пера одно за другим выходят новые произведения. «Я дьявольски много работаю», — пишет он в одном из писем.

И он действительно работал как хорошо отрегулированная и смазанная машина, хотя этого и трудно было ожидать при его слабом здоровье (у Стивенсона с детства были очень слабые бронхи).

Как справедливо отмечал он сам, «Остров сокровищ» был далеко не первой его книгой.



«...Едва я обучился писать, как стал вечным другом тех, кто делает бумагу. Бессчетные кипы ушли, должно быть, на «Ратиллета», «Пентландское восстание», «Королевскую амнистию» (иначе «Парк Уайтхед»), «Эдварда Даррена», «Контрданс» и «Западную вендетту»...»

Однако не ищите этих книг на библиотечных полках. Ни одна из них (за исключением «Восстания», изданного крошечным тиражом), так и не увидела света. Все они «ныне обратились в пепел и преданы матери-Земле», — пишет Стивенсон и продолжает:

«Я назвал только немногие из бессчетных своих опытов, а именно те, которые достигли солидного объема, прежде чем были отринуты; но даже они заняли долгие годы. «Ратиллет» был начат, когда мне было пятнадцать, «Вендетта» — в двадцать девять, и неудачи тянулись непрерывной чередою, пока мне не исполнился тридцать один год».

ЧЕГО НЕ СДЕЛАЕШЬ ДЛЯ СЛАВЫ?..

Сегодня мало кто помнит о сочинителе графе Дмитрии Хвостове. А ведь этого человека лично знали Державин, Жуковский, Пушкин, Тургенев, Вяземский, Дельвиг, Рылеев, Баратынский и многие другие виднейшие российские литераторы. Его книги — сборники, антологии, собрания сочинений — в течение десяти-

летий выходили в свет; нередко печатались они на мелованной бумаге, выходили в переплетах, украшенных золотым тиснением. На титуль-

ных листах значились фамилии виднейших издателей и продавцов.

Весь парадокс в том, что человека этого погубило благосклонное отношение к нему окружающих и собственное богатство. Вот что, к примеру, рассказывает по этому поводу известный библиофил Е. И. Осетров.

Начал граф Хвостов свою литературную деятельность еще в конце XVIII столетия. И в юности считался обычным «средним поэтом», каких было много среди знати того времени. Во всяком случае, его перевод с французского «Андромахи» Расина выдержал несколько изданий, его охотно ставили в театре.

Однако Хвостову этого показалось мало. Будучи человеком знатным — как-никак он носил графский титул, — богатым и хлебосольным, он вскорости оказался окружен толпой прихлебателей, которые в один голос уверяли графа в его гениальности.

И граф поддался голосам лести, в конце концов уверовал в свою даровитость настолько, что суждения людей, желавших его образумить, уже и слышать не хотел. Известно, например, что сам генералиссимус Суворов умолял его на смертном одре: «Митя, не позорь себя, не пиши стихов...» Но, выйдя из спальни умирающего, обливаясь слезами, граф в ответ на расспросы о здоровье Александра Васильевича тем не менее ответил: «Бредит!»

Граф был непоколебимо уверен, что терпение и труд все перетрут. Он целыми днями

корпел над рукописями. Действительно, нередко бывает, что талант со временем совершенствуется. Но лишь в том случае, если в человеке на самом деле есть «искра Божья». Здесь же вышло как раз наоборот. Чем больше писал граф-стихотворец, тем хуже становились его вирши.

Судьба одарила Хвостова редкостным долголетием — сменялись литературные поколения, а он все благополучно жил, писал и печатался. А поскольку его книг уже давно никто не покупал, то тайные агенты графа на его же деньги скупали их. Сжигали, после чего сочинитель немедленно приступал к новому выпуску, ссылаясь на то, что прежние уже разошлись. Он даже заказывал переводы своих книг на европейские языки, оплачивая труд толмачей опять-таки из собственного кармана.

Рассказывают, что, узнав о каком-нибудь званом обеде или ужине, Хвостов немедленно мчался туда и раскладывал по стульям свои брошюры и книги.

Дело дошло даже до того, что огромное свое состояние он расстроил бесконечными изданиями сочинений. Это дало Пушкину повод заметить, что в Европе «стихами живут, а у нас граф Хвостов прожился на них».

Но и это не помогло. Граф жаждал славы и ради нее шел на любые жертвы. Он откровенно заискивал перед критиками, желая войти с ними в близкие отношения и заслужить их похвалу.

Чтобы сблизиться, например, с А. С. Пушкиным, он писал его жене Наталье Николаевне различные песенки, присылал великому поэту вместе со стихотворными посланиями приглашения отобедать и т. п. И добился-таки своего. Пушкин на его приглашение как-то ответил: «Милостивый государь граф Дмитрий Иванович, жена моя искренне благодарит Вас за прелестный и неожиданный подарок... На днях буду иметь честь явиться с женою на поклонение к нашему славному и любезному патриарху...»

Издавая свои сочинения, Хвостов рассылал их во все концы света. Среди тех, кого он одаривал своими книгами, были русские и европейские университеты, семинарии, институты, а также митрополиты, архиереи и станционные смотрители.

Кронштадтским морякам он не только подарил все тома своих сочинений, отправив их за свой счет во флотскую библиотеку, но и препроводил туда же свой мраморный бюст. Моряки порадовали Хвостова трогательным письмом: «Присланный от Вашего сиятельства для кронштадтской флотской библиотеки изображающий особу Вашу бюст мы с признательностью имели

честь получить, который вместе с Вашими сочинениями составляют лучшее украшение библиотеки». А когда в Ревеле появился корабль под названием «Граф Хвостов», радости сочинителя не было предела.

Автобиографию свою в очередном собрании сочинений он предварил таким торжественным вступлением: «Благосклонный читатель! Ты зришь пред очами своими жизнеописание знаменитого в своем отечестве мужа. Дела его и заслуги своему отечеству столь были обширны, что поместить оные в себе может и при раздельном повествовании оных...»

Зная слабость графа к литературной лести, кое-кто этим пользовался для обогащения и получения чинов. Так, издатель «Дамского журнала» Шкаликов, который по бездарности, как говорили современники, превосходил самого Хвостова, получил таким образом чин коллежского асессора. А один литератор был даже публично обвинен в том, что хвалит Хвостова в печати за взятки, и дело чуть не дошло до дуэли.

Прочие же издатели изыскивали различные способы, чтобы отделаться от него. Скажем, Николай Полевой, не желая портить отношения с влиятельным Хвостовым, все сваливал на цензуру, которая-де не пропускает вольнолюбивых сочинений графа.

А иные не стеснялись и публиковать на графа пародии и эпиграммы. Причем, если поначалу в них выводили Хвостова под другими

именами — Графов, Рифмин, Рифмодей, Вздорный писатель — то затем перешли к прямым упоминаниям. Так, язвительный П. Вяземский не только публично рассказывал анекдоты про Хвостова, но и в послании к Тургеневу прямо писал:

Живи здоров, не знай забот, ни скуки
И веселись, и розы рви одне,
И не бери вовек Хвостова в руки,
Но иногда бери перо ко мне.

Впрочем, так или иначе, но Хвостов своего добился: его имя было у всех на слуху. Пушкин даже упомянул о нем в «Медном всаднике»:

...Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов...

Но если тут он еще обошелся с незадачливым литератором относительно ласково, то куда более едким было стихотворение, ходившее по рукам:

Всему наш Рифмин рад: пожару, наводненью,
Войне, землетрясенью, —
Все кажется ему добро,
Лишь только б случай был приняться за перо
И приступить к тисненью.
Я даже бьюсь со всеми об заклад —
Что для стихов он был бы рад
И светопреставленью.

Как же выносил Хвостов все эти насмешки? Он утешался мыслью, что истинную силу его дара оценят потомки. А каково было собственное мнение графа о своем творчестве, говорит такой факт. Он как-то, защищая Пушкина от нападок в обществе, сказал, что тот является его, Хвостова, непосредственным преемником.

Говорят, что всякая страсть достойна уважения. И Хвостов-таки добился своего. Он не забыт. Его фамилия упомннается в литературной энциклопедии. Что за беда, если она попала в статью «Графоманство»!.. Граф стерпел бы и это. Тем более что у него были последователи и в другие эпохи. От некоторых таких редакторы плачут и сегодня...

«МОРДУ БЫ СЕБЕ НАБИТЬ ЗА ТАКУЮ РАБОТУ...»

Исаак Бабель (1894—1940)

...Об этом огромном сундуке ходили легенды. Утверждали, что писатель **Исаак Эммануилович Бабель** хранит в нем свои рукописи, тщательнейшим образом скрывая их от чужих взоров. Извлекает он их на свет только для того, чтобы поправить какую-нибудь строку или слово, после чего снова уклады-

вает назад пожелтевшие от времени листки, обреченные на то, чтобы пролежать без движения еще долгие месяцы, а быть может, и годы.

Легенду подтвердил московский критик и кинодраматург Г. Н. Мунблит, некогда видевший этот достопримечательный сундук собственными глазами.

Случилось это вот при каких обстоятельствах. В 1936 году Мунблит, служивший тогда в редакции журнала «Знамя», прослышал, что Бабель написал киносценарий. Весть эта была подобна грому среди ясного неба, поскольку всем литераторам, критикам, да и многим читателям было известно, что пишет Бабель в час по чайной ложке, рукописи его подолгу вылеживаются в том самом сундуке, и если рассказ получается больше четырех машинописных страниц, то Бабель считает его уже большим и придирчиво смотрит, нельзя ли его как-нибудь сократить.

А тут — целый киносценарий! В общем, перед Мунблитом была поставлена задача: всеми правдами и неправдами выманить сценарий у писателя и доставить в редакцию.

Редактор свою задачу выполнил. Начав с телефонных переговоров, побывал у писателя дома, где и лицезрел его восседающим на легендарном сундуке. Он был уже готов не мытьем, так катаньем — обещанием аванса, договора и т. д. — добыть рукопись, как вдруг Бабель неожиданно легко сдался.

Сказал, что сценарий он в «Знамя» даст. Но только для ознакомления. Поскольку печа-

тать его в нынешнем виде, по мнению автора, нельзя — это не принесет лавров ни журналу, ни самому Бабелю. Что же касается договора, то, если редакции сценарий понравится и она поверит в его счастливое завершение, он согласен договор подписать, так как, получив аванс, сможет быстрее закончить работу, не отвлекаясь ни на что другое. За рукописью можно будет прислать дня через два — к этому времени он приготовит чистый экземпляр.

Обрадованный, что дело решилось так легко и быстро, Мунблит решил сделать приятное и хозяину, обратив внимание на то, что у него ухоженная квартира. На что получил неожиданный ответ: дескать, благодарность за это надо выписать соседу по квартире, инженеру Штайнеру, который умеет разговаривать с вещами, и они его слушаются.

И тут же заинтригованный Мунблит узнал такую историю.

Как-то утром, уходя из дому, Бабель заметил, что Штайнер возится с дверным замком, который, на взгляд литератора, отлично работал, но, по мнению инженера, требовал немедленного ремонта. Когда в середине дня Бабель вернулся, Штайнер лежал на полу, держа замок над головой, и сердито выговаривал ему.

— Тебя сделал плохой мастер, — говорил инженер замку, — но я тебя переделаю. Слышишь? Я тебя переделаю, и ты будешь работать как следует, не только тогда, когда привернут неровно. Что это за мода такая — работать только в неправильном положении?..

«Он спрашивал так, — прокомментировал Бабель, — что мне почудилось, будто разговор ведется с живым существом. И если бы я вдруг услышал, как замок тоненьким металлическим голосом оправдывается или спорит, я ничуть бы не удивился. Но замку, видимо, нечего было ответить, и он молчал. А часом позднее Штайнер постучался ко мне, сел, вытер платком лоб и сообщил, словно продолжая начатый разговор:

— Все в порядке. Теперь он работает как следует. Но я вам должен сказать, что человек, который стоит на сборке этих замков, — негодяй...

И он изложил мне свою теорию происхождения скверно сделанных вещей, которая многое в жизни объясняет.

Теория эта состоит в следующем: на свете нет людей, которые брались бы за работу с намерением сделать ее заведомо скверно, с мыслью — «сделаю-ка я плохой замок», например. Но горе в том, что, принимаясь за работу с самыми лучшими намерениями, человек слабый и лишенный чувства ответственности на каком-то этапе вдруг обмякает и, вместо того чтобы преодолеть очередную трудность (а ведь всякая работа состоит из больших и малых преодолений), решает, что «сойдет и так». И вот тогда на свет рождаются нелепые, уродливые, глупые вещи, которые портят нам жизнь»...

Обогащенный столь замечательной теорией, обрадованный обещанием литератора приготовить рукопись к назначенному сроку, Мунблит отправился в редакцию.

Но когда сценарий был прочтен, в редакционной комнате повисла грустная тишина. С одной стороны, рукопись казалась вполне благополучной, даже знаки препинания в ней стояли на положенных местах. Но с другой стороны, это было типичное «не то».

«Это был «не Бабель» в том смысле, в каком это говорится о произведениях художников, представляющих собой копии картин или рисунков прославленных мастеров, — поясняет Мунблит. — Хотя каждая строка в рукописи, лежавшей перед нами, без всякого сомнения, была написана собственной бабелевской рукой...»

И до молодых литераторов стало доходить, почему Бабель не может обойтись без своего знаменитого сундука. Его индивидуальная писательская манера становилась явственно ощутимой только после того, как первоначальный набросок бывал много раз перечеркнут, выправлен и заново переписан. Хотя для кино рукопись вполне годилась, поскольку в ией четко было прописано, кто куда должен пойти и что сделать или сказать.

Тогда умудренный опытом ответственный секретарь редакции нашел соломоново решение:

— Не горюйте, — сказал он. — Договор с Бабелем мы заключим, а ежели он, как это в последнее время с ним частенько случается, не выполнит взятых на себя обязательств, мы эту самую рукопись возьмем и тиснем в нынешнем ее виде и ничего при этом не потеряем. Понятно?

«Нам было понятно, — пишет Мунблит. — Потому что касаемо лавров автору, Бабель был прав, и ждать радостей от этого своего сочинения ему не приходилось. Но с журналом дело обстояло иначе. Появление в «Знамени» любого сочинения прославленного молчальника

при всех обстоятельствах было бы воспринято как подлинная сенсация».

Договор был подписан, аванс выплачен, и редакция стала терпеливо ждать окончания работы. Но прошел месяц, другой, а от Бабеля — ни слуху, ни духу. Наконец, ответственный секретарь не выдержал и послал Мунблита выяснить, к какому номеру журнала он даст-таки сценарий.

И вот Мунблит снова оказался в той же комнате. Но на дворе была уже глубокая и холодная осень, за окном виднелось мокрое полуголое дерево, разговор предстоял тягостный, и Мунблиту было явно не по себе. Запинаясь, он все-таки сказал, зачем пожаловал. И сообщил Бабелю о намерении ответственного секретаря напечатать сценарий в нынешнем виде, если в ближайшее время редакция не получит доработанного варианта.

«Надо было видеть, как испугали мои слова Исаака Эммануиловича, — вспоминает Мунблит. — Как мгновенно исчезла улыбка с его лица, каким озабоченным оно стало при одной мысли о том, что эта угроза может осуществиться.

— Вы еще очень молодой человек, — произнес он грустно и укоризненно, — такой молодой, что, вероятно, никогда не задумывались о том, какая странная у нас с вами профессия. Корпим в полном одиночестве у себя за столом, во время работы боимся каждого нескромного взгляда, а потом все свои мысли, все тайны вы-

балтываем читателю. Ведь вот, казалось бы, — чего проще? Напечатать этот самый сценарий, как предлагает ваш секретарь редакции... О нем напишут, что он не поднимается до уровня прежних моих вещей или, наоборот, что знаменует собой новый этап в моем творчестве... Бр-р, терпеть не могу этих слов — творчество... знаменует... А потом напечатают рассказ, который я сейчас пишу, и все опять станет на место... Ничего страшного. Да? Немного заголиться, а потом прикрыть стыд. Как вы считаете?

— Разве вы еще не начали работать над новой редакцией? — спросил я с некоторым даже ужасом в голосе.

— Над какой новой редакцией? О чем вы говорите?

— Над новой редакцией сценария.

— Нет, не начал. И не начну. Он мне не нравится. Я его написал не для чтения, а для кино.

— Разве вы... зачем же вы нам его дали?

— Чтобы иметь возможность кончить рассказ. Понимаете?

— Нет, не понимаю. Любой журнал заключил бы с вами договор на этот рассказ. Почему же...

— Почему? Потому что, когда я его кончу, в нем будет самое большее четыре страницы.

— На машинке? — зачем-то полюбопытствовал я.

— Да. На машинке, — с вежливой язвительностью ответил Бабель.

Мы замолчали. Голое дерево за окном было теперь именно таким, каким ему надлежало быть, — мокрым, уродливым и печальным, да и в комнате стало как-то сумрачно, еще более сумрачно, чем на улице.

— Что же делать?

Я задал этот вопрос, вдруг почувствовав настоятельную потребность найти выход не столько для «Знамени», сколько для Бабеля, интересы которого стали мне почему-то очень близки.

— А черт его знает, что делать! Вероятно, не писать рассказы по четыре странички, да еще тратя на них по нескольку месяцев. Романы нужно писать, молодой человек, длинные романы с продолжением, и писать быстро, легко, удачливо...»

Как видите, сам Бабель отлично понимал, где лежит столбовая дорога к успеху. Он както раз с притворным, а может, даже и с подлинным отчаянием воскликнул, что ему «самому надо бы набить себе морду за такую работу». Но так же, как и его сосед-инженер, не хотел, не мог начать работать по принципу «сойдет и так».

И вдвоем со ставшим на его сторону Мунблитом они-таки нашли выход из, казалось бы, безвыходного положения. Бабель в конце концов дал в печать вместо сценария тот рассказ, над которым он все это время работал, а Мунблит уломал ответственного секретаря, вырвал у него согласие на такую замену.

И читатель познакомился с новым бабелевским творением, уже достойным, по мнению автора, читательского внимания. А тот киносценарий так и пропал втуне. Фильма по нему поставлено не было.

А вы теперь знаете, каким трудом — мучительным и долгим — давались Бабелю его «легковесные», как оценивала их порой критика, **«Одесские рассказы»**. (Рассказ «Любка Казак» был, например, переписан 22 раза.) Ну да ладно... Как говорил сам Бабель, тут мы «давайте перестанем размазывать манную кашу по чистому столу и поговорим о чем-нибудь веселом. Так что слышно насчет холеры в Одессе?»

СИЛА ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ

Многие почему-то думают, что человеку пищущему вовсе не обязательно быть грамотным. Главное иметь за душой, что сказать. Выложить это на бумагу, а там всегда найдутся другие люди — редакторы и корректоры, которые выправят рукопись, найдут орфографические ошибки, расставят знаки препинания, и все будет «о'кей».

И в самом деле, книжные, журнальные и газетные издательства для того и держат штат редакторов и корректоров, чтобы они исправляли чужие ошибки. Но заранее надеяться на их помощь — это все равно что, имея здоровые ноги, сразу учиться ходить на костылях.

В подтверждение этой мысли позвольте сослаться на авторитет **Константина Георгиевича Паустовского**, а точнее на главу «Случай в магазине Альшванга» из книги «Золотая роза» — пожалуй, единственной в нашей литературе, где интересно и доходчиво, без всякого занудства, рассказано об азах писательского ремесла.

Константин Георгиевич Паустовский (1892—1968)

Константин Георгиевич собирался написать продолжение этой книги, да не успел. Но это присказка. Рассказать же тут хотелось бы вот о чем...

В голодную и холодную зиму 1921 года К. Г. Паустовский работал в маленькой одесской газете «Моряк», а жил в бывшем магазине готового платья «Альшванг и компания», заняв явочным порядком примерочную на втором этаже.

И вот однажды вечером к нему на огонек коптилки заглянул корректор Благов, бывший директор самой распространенной в России газеты «Русское слово», правая рука знаменитого издателя Сытина. «Это был неразго-

ворчивый человек, напуганный своим прошлым, — характеризует его Паустовский. — Всей своей солидной фигурой он совершенно не вязался с оборванной и шумной молодежью нашей редакции».

А надо сказать, что в то время в «Моряке» сотрудничали совсем молодые тогда Катаев, Багрицкий, Бабель, Олеша и Ильф. Из старых писателей в редакцию захаживал только Андрей Соболь — «милый, всегда чем-нибудь взволнованный, неусидчивый человек».

Однажды он принес в «Моряк» свой рассказ — раздерганный, спутанный, хотя и интересный. В редакции прочли его и смутились: печатать его в таком небрежном виде было нельзя. Предложить Соболю исправить его никто не решался. В этом отношении Соболь был неумолим — и не столько из-за авторского самолюбия, сколько из-за нервозности: он не мог возвращаться к написанным своим вещам и терял к ним интерес.

«Мы сидели и думали: что делать? — вспоминает писатель. — Сидел с нами и наш корректор, старик Благов». Так ни до чего особо и не

додумавшись, разошлись по домам. А вечером старый корректор постучался в дверь к Паустовскому.

— Вот что,— сказал он. — Я все думаю об этом рассказе Соболя. Талантливая вещь. Нельзя, чтобы она пропала. У меня, знаете, как у старого газетного волка, привычка не выпускать из рук хорошие рассказы.

— Что же поделаешь! — ответил Паустовский.

— Дайте мне рукопись. Клянусь честью, я не изменю в ней ни слова. Я останусь здесь, потому что возвращаться домой, иа Ланжерон, невозможно, наверняка разденут. И при вас я пройдусь по рукописи.

— Что значит «пройдусь»? — поинтересовался Паустовский. — «Пройтись» — это значит выправить.

— Я же вам сказал, что не выброшу и не впишу ни одного слова.

— А что же вы сделаете?

— А вот увидите.

В словах Благова чувствовалось нечто загадочное. Какая-то тайна вошла в эту зимнюю штормовую ночь в магазин Альшванга вместе с этим спокойным человеком. Надо было узнать эту тайну, и Паустовский согласился.

А дальше случилось вот что...

«Благов вынул из кармана огарок необыкновенно толстой церковной свечи. Золотые полоски вились по ней спиралью. Он зажег этот огарок, поставил его на ящик, сел на мой по-

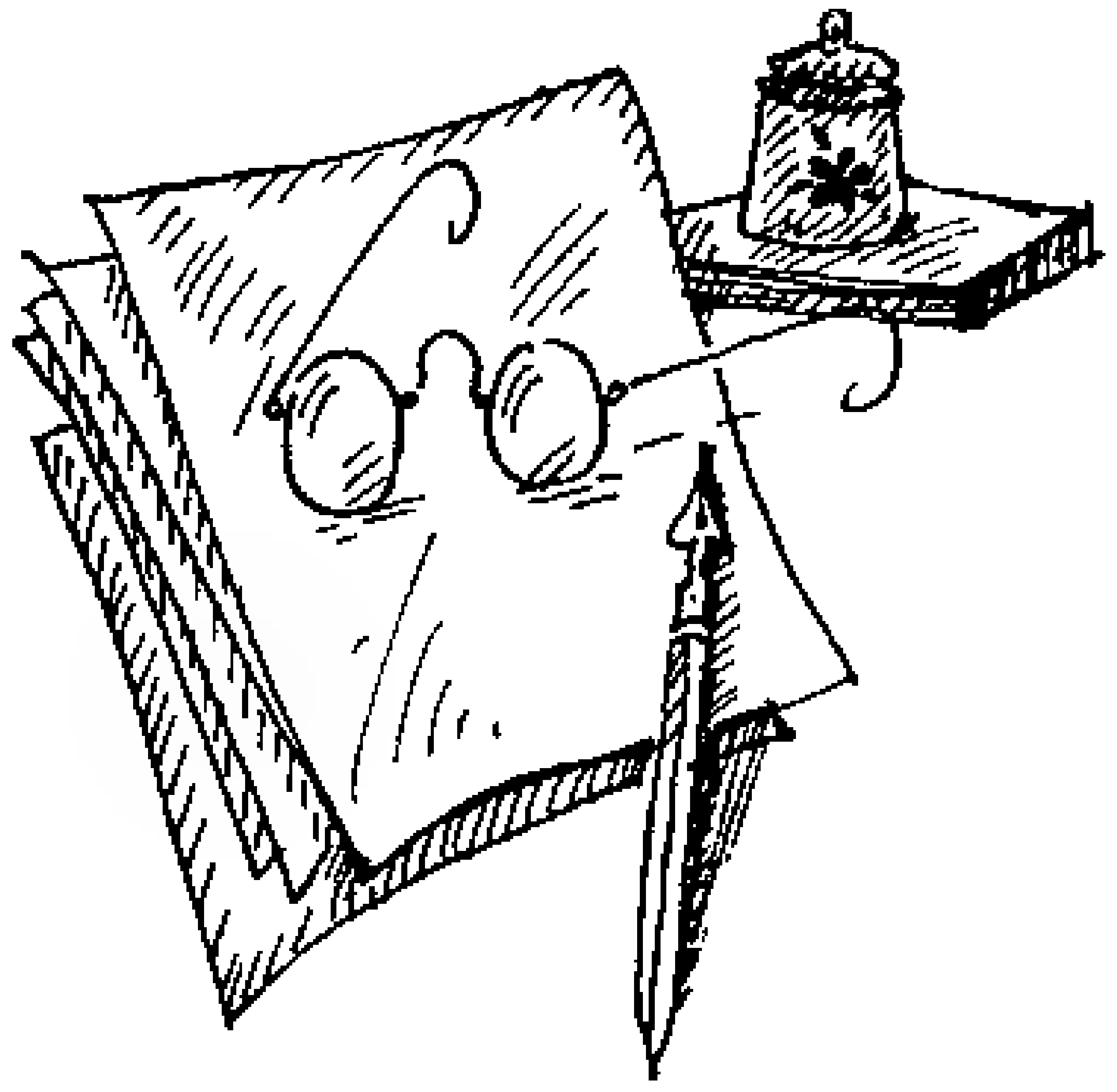
трепанный чемодан и склонился над рукописью с плоским плотницким карандашом в руке», — пишет Паустовский.

Он закончил работу над рукописью только к утру. «Мне он рукописи не показал, пока мы не пришли в редакцию и машинистка не переписала ее начисто, — свидетельствует Паустовский. — Я прочел рассказ и онемел. Это была прозрачная, литая проза. Все стало выпуклым, ясным. От прежней скомканности и словесного разброда не осталось и тени. При этом действительно не было выброшено или прибавлено ни одиого слова.

Я посмотрел на Благова. Он курил толстую папиросу из черного, как чай, кубанского табака и усмехался.

— Это чудо! — сказал я.— Как вы это сделали?

— Да просто расставил правильно все знаки препинания. У Соболя с ними форменный кавардак. Особенно тщательно я расставил точки. И абзацы. Это великая вещь, милый мой. Еще Пушкин говорил о знаках препинания. Они существуют, чтобы выделить мысль, привести слова в правильное соотношение и дать фразе легкость и правильное звучание. Знаки препинания — это



как нотные знаки. Они твердо держат текст и не дают ему рассыпаться.

Рассказ был напечатан. А на следующий день в редакцию ворвался Соболь. Он был, как всегда, без кепки, волосы его были растрепаны, а глаза горели непонятным огнем.

— Кто трогал мой рассказ? — закричал он неслыханным голосом и с размаху ударил палкой по столу, где лежали комплекты газет. Пыль густым облаком взлетела над столом.

— Никто не трогал,— ответил я. — Можете проверить текст.

— Ложь! — крикнул Соболь. — Брехня! Я все равно узнаю, кто трогал!

Запахло скандалом. Робкие сотрудники начали быстро исчезать из комнаты. Но, как всегда, на шум примчались, стуча «деревяшками», обе наши машинистки — Люсьена и Люся. Тогда Благов сказал спокойным и даже унылым голосом:

— Если вы считаете, что правильно расставить в вашем рассказе знаки препинания — это значит тронуть его, то извольте: трогал его я. По своей обязанности корректора.

Соболь бросился к Благову, схватил его за руки, крепко потряс их, потом обнял старика и троекратно, по-московски, поцеловал его.

— Спасибо! — сказал взволнованно Соболь. — Вы дали мне чудесный урок. Но только жалко, что так поздно. Я чувствую себя преступником по отношению к своим прежним вещам».

«...После этого я окончательно убедился, с какой поразительной силой действует на читателя точка, поставленная в нужном месте и вовремя», — пишет Паустовский.

И что к этому еще добавишь?

АКАДЕМИЯ МАРШАКА

Сегодня в полдень
Пущена ракета.
Она летит
Куда быстрее света.
И долетит до цели
В шесть утра.
Вчера.

Как видите, С. Я. Маршак был не только отличным детским поэтом, но и еще неплохо знал физику, в частности теорию относительности.

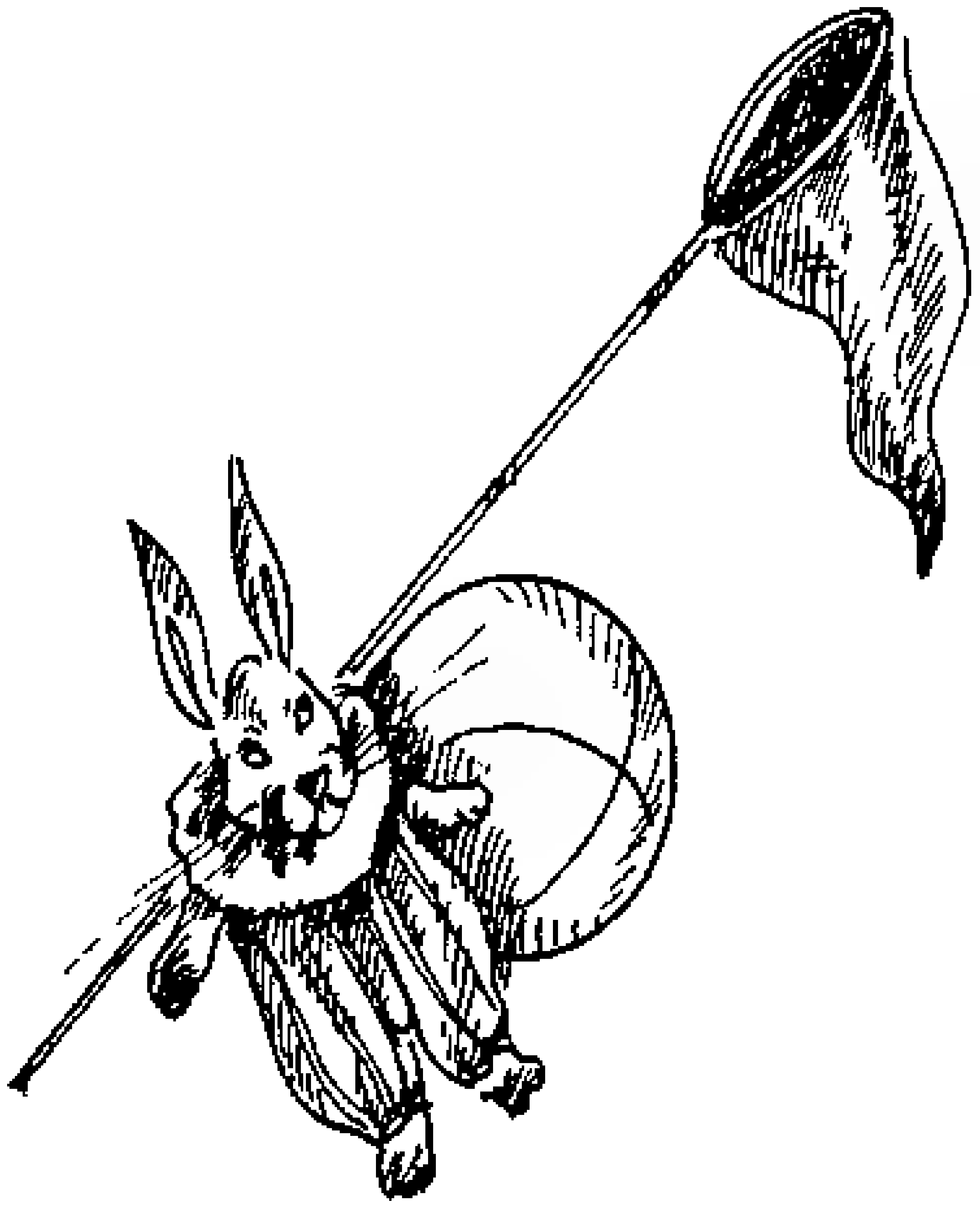
Но эта глава названа так вовсе не потому, что Самуил Яковлевич был большим почитателем точных наук. Его брат, печатавший под псевдонимом «М. Ильин» научно-популярные книжки, наверное, все-таки разбирался в них больше.

Тем не менее «академия Маршака» существовала на самом деле. Так называли между собой литераторы и редакторы серое здание бывшей зингеровской компании по продаже швейных машин на Невском проспекте в Ленинграде. После революции здесь обосновался Дом книги, где работал Детский отдел Госиздата, которым заведовал Маршак.

Самуил Яковлевич Маршак (1887—1964)

«Я сразу же почувствовал себя там как дома, — вспоминал тогда еще начинающий детский писатель И. А. Рахтанов. — Впрочем, такое же ощущение возникало там у всех. Нас объединял Маршак, он был центром, вокруг которого все вертелось. Он мог «заболеть» чужой вещью, точно собственной, приучая своих сотрудников относиться к работе так же...

Редактор Маршак не редактировал рукописи в обычном смысле, то есть не исправлял «масла масляного», не расставлял, где надо, абзацы и запятые. Прежде всего он входил в самый замысел вещи, вместе с автором обсуждая, как лучше превратить его в книгу.



И каждый чувствовал, что с минуты встречи с Маршаком в его судьбе что-то переменилось, что-то стало другим. Самуил Яковлевич владел искусством раскрытия горизонта. И литератору вдруг начинало казаться, что его скромная работа тоже важна, а сам он — работник того же литературного цеха, что и Шекспир с Толстым.

Главное свойство Маршака было в том, что он умел наполнять ветром чужие паруса, давать верное направление, — продолжал свой рассказ Рахтанов. — Воздух в Детском отделе был иным, чем в других издательствах. А это совсем не мало, редакционный воздух! Так хорошо, если дышится легко, если вдох доставляет удовольствие! Работать в такой живительной атмосфере и проще, и лучше, и вольготнее. Будто гигантские конденсационные установки беспрерывно нагнетали оздоровительный озон в

большую комнату, где сидели редакторы, но особенно мощную струю они подавали в ту комнатушку, окнами на Казанский собор, где долгие годы царствовал Маршак...

В чем заключалось искусство Маршака-редактора, легче всего пояснить на конкретном примере.

Я писал в те дни рассказ о девочке, которая во время Гражданской войны, следуя в обозе за своим отцом, белогвардейским полковником, продолжает играть гаммы на захваченном из петербургского особняка рояле, — вспоминал Рахтанов. — Глупее и фа́нтастичнее истории нельзя было придумать...

Но выслушав меня, Маршак неожиданно обрадовался.

— У нас почти нет литературы для девочек и о девочках. Нам нечего противопоставить Лидии Чарской, — сказал он. — Пишите...»

Однако вскоре выяснилось, что это не так-то просто. И вовсе не потому, что писала она очень хорошо. Сам автор вскоре осознал, что изоврался до того, что выпутаться из всей этой кисельной истории поможет разве что «бог из машины». Такой литературный прием существовал в античности. Когда древний драматург уже не знал, как ему спасти своего героя, на сцене появлялся всемогущий бог и все улаживал в мгновение ока...

В общем, когда автор пришел к редактору с повинной, тот встретил его с пониманием.

— Так всегда бывает, когда пробуешь выдумать на пустом месте, — сказал Маршак. — Расскажите-ка лучше о том, что вы действительно знаете. Каким было ваше детство?

— Я родился и до пятнадцати лет жил в Китае.

— Вот как?! Интересно. Наверное, было трудно. Вот об этом вы и напишите. И если получится хорошо, мы напечатаем не послезавтра, а тотчас же...

И Рахтанов стал писать. Маршак подсказывал, как лучше развернуть сюжет. Поскольку, как потом выяснилось, сам в ранней юности учился в Англии и хорошо знал, как принимают чужаков в закрытых элитных школах.

Вот так и родилась повесть **«Чии-Чин-Чай-иамен и Банни Сидней»**, рассказывающая о том, как русский мальчик, Денис Ощепков, волею случая оказался в американской школе в Китае. В комнату к нему с угрозами приходят американские сверстники; они возмущены: на стене висит портрет его няни (ямы), китаянки, рядом с американским флагом. Желая оскорбить Ощепкова, они называют его «чайнамен», что по-английски значит «китаец». И Денису Ощепкову, чтобы завоевать себе место под солнцем, приходится бежать кросс и рассказывать страшные истории — победить не только своих противников, но и преодолеть самого себя.

Книжка была дописана, отредактирована, вышла в свет и нашла своих читателей. Кое-кто из них, подобно вашему покорному слуге, помнит ее до сих пор.

А сам Маршак в это же время писал «Мистера Твистера», переводил английских поэтов и еще помогал начинающим авторам. Скольким же людям он помог найти себя! Обычно это совсем не просто, особенно в молодости. Часть

бывает, что нравится вовсе не то, в чем ты силен, а хочется делать то, чего ты как раз не умеешь и к чему вообще не способен. В этом-то и было чудо маршаковской редактуры: он знал, видел, чувствовал глубоко запрятанное и умел извлечь это на свет.

«Маршак виртуозно развязывал сюжетные узелки, умело завязывая снова только те из них, которые действительно были необходимы. Вот почему я назвал его «редактором замыслов», — заканчивает свой рассказ Рахтанов. — Для него здесь не существовало трудностей, он работал легко и уверенно. В чужом замысле он чувствовал себя дома, по-хозяйски, наилучшим образом планируя комнаты, расставляя мебель. При всем при этом он не диктовал своего вкуса, он просто вместе с автором прикидывал, как получится лучше всего».

В большой статье «Литература — детям», помещенной в газете «Известия» в мае 1933 года, он, между прочим, писал: «Художественные книги не фабрикуются пачками. Для того чтобы они появились, нужно сложное и удачное совпадение темы, автора и материала...»

И он находил и темы, и авторов. И подсказывал им, откуда взять материал. И в итоге добился того, что в нашей стране была создана превосходная детская литература.

Редактировать — не значит сидеть за письменным столом и черкать рукописи карандашом, полагал Маршак. Редактировать — значит расширять кругозор автора, учить его на-

блюдать и размышлять, сопоставлять и анализировать.

А уж потом, если возникала такая необходимость, Самуил Яковлевич брал в руки перо или карандаш и выправлял текст. Но это всего лишь один из приемов, причем наипростейший, которыми он владел. Это было не ремесло, но искусство, даже волшебство, в результате применения которого происходило чудо рождения не только книги, но и самого писателя.

И многие из авторов на всю жизнь усваивали главное правило: писать можно и нужно лишь о том, что хорошо знаешь. Даже если ты собираешься писать о фантастической ракете, умеющей летать быстрее света, загляни для начала хотя бы в учебник физики, узнай, как должен проходить такой полет. На одном воображении далеко не улетишь...

ИЗ РОДОСЛОВНОЙ ДЕТЕКТИВА

Почему так популярны книжки про преступления? Их издают в мире даже больше, чем про любовь... На эту загадку вот уже который век пытаются найти ответ психологи всего мира. Существует множество разных теорий, а ларчик, похоже, открывается просто. Человек от природы любопытен. И если намекнуть ему на первой странице про какой-нибудь секрет, то он не успокоится, пока не найдет разгадку на последней.

На эту наживку и ловят простодушного читателя хитрые писатели-детективщики. Впрочем, время от времени они и сами на крючок попадаются...

ВАМПИР ЛИ ДРАКУЛА?

Недавно в газетах проскользнуло сообщение: в Париже, в возрасте 77 лет скончалась румынская княгиня Александра Карадже Фрекулеску — прямой потомок князя Влада Трансильванского, жившего в XV веке и прозванного Насаживателем за свою жестокость: известно, что он частенько насаживал своих врагов иа кол. Он же послужил прототипом вампира графа Дракулы в одноименной книге Брема Стокера.

Смысл данной заметки, обошедшей многие газеты, вовсе не в том, что старая аристократка была так уж знаменита. О ней вспомнили, пожалуй, лишь в связи со 100-летним юбиле-

ем литературного персонажа, прообразом которого послужил ее предок.

Что же это за персонаж? Почему он пользуется такой популярностью?

Сто лет назад Абрахамсон, или Брем Стокер, — ирландский театральный антрепренер, не очень удачливый в своих начинаниях, и мало кому известный литератор выпустил книгу, которой было суждено обессмертить его имя.

На этой средневековой гравюре изображен князь Влад Цепеш, с удовольствием наблюдающий за страшной казнью

Сегодня даже не все исследователи знают о том, что прозвище Дракула в переводе с румынского означает «дракон». Дракон был изображен на гербе князя Влада. Он символизировал беспощадную борьбу с турками-завоевателями.

На основе реального персонажа литератор создал новый образ: превратил воина в вампира. Однако литературный герой, как это ни странно, сумел отомстить за своего прототипа. Появившись на свет, он зажил собственной жизнью, затмив своей персоной самого писателя, так по существу и оставшегося безвестным.

Имя Дракулы сегодня слышал каждый, но лишь немногие могут вспомнить имя его создателя. Беглый опрос, проведенный на московских улицах, показал, что Дракулу народ больше знает по фильмам. Многие даже вспомнили о самом прототипе — румынском князе. Но имя самого писателя так и не было названо.

Литературные критики и сегодня не могут разъяснить, в чем сила данного персонажа. Роман сам по себе никак нельзя назвать выдающимся произведением мировой литературы. Быть может, все дело в самой теме — Стокер, сам того не подозревая, открыл эру литературы о вампирах?

Ну, а каким же был исторический прототип главного героя романа — румынский господарь Дракуля или Дракула Цепеш — искусный правитель, храбрый воин, жестоко расправляющийся с завоевателями? «Это был человек сред-

него роста, с высоким лбом и лицом, резко сужающимся к подбородку». Так описывает его известный средневековый гуманист, поэт и священнослужитель Энеа Пикколомини, немало попутешествовавший по Европе XV века.

А наш соотечественник, царь Иван III, даже приказал записать историю правления господаря Дракулы Цепеша в назидание потомкам. И, как полагают историки, жизнеописание это с большим тщанием изучал юный Иван IV, впоследствии получивший прозвище Грозный.

Чем же заинтересовал Дракула своих современников? История его такова: в XV веке на территории современной Румынии жил рыцарь-крестоносец из Ордена поверженного дракона. Личное мужество, преданность его войска не помогли ему избежать печальной участи: его земли и его подданные попали в зависимость от Османской империи, а его двенадцатилетний сын оказался заложником турок.

В то время бытовало такое правило: дабы удержать в повиновении постоянно готовых взбунтоваться вассалов, турки брали в заложники их детей. И при первых же признаках непокорности родителей заложников тут же казнили. Или мальчиков оскопляли и отдавали евнухами в гарем.

И вот Влад Дракула, то есть сын Дракона, долгих семь лет влачил жизнь заложника. Эти годы научили мальчика скрывать свои помыслы за личиной внешней покорности, сдержи-

вать свои порывы, не щадить никого и в первую очередь самого себя.

Когда отец умер, Влад получил свободу. «Ты займешь место родителя, — благосклонно сказал ему визирь, отпуская его на волю. — И пусть твои люди так же служат нам, как при отце...»

Но Влад придерживался иного мнения. Оказавшись в родном городе Сегишовре, он скинул опостылевшую маску рабской покорности, изгнал всех турок и запретил им под страхом смерти появляться в его владениях.

Весть о непокорном девятнадцатилетнем упрямце, конечно же, достигла правителей Османской империи. И они решили как следует проучить дерзкого мальчишку, чтобы и другим неповадно было. Однако сделать это оказалось не так-то просто.

Когда на владения Дракулы двинулось двухсоттысячное войско, словно саранча, уничтожая все на своем пути, повстанцы вместе со своим правителем укрылись в хорошо укрепленном городе-крепости Врашов. Несмотря на то что их было в двадцать раз меньше, чем наступающих, они не собирались сдаваться. Более того, хорошо изучив за время плена нравы и обычаи своих противников, господарь Влад был намерен одержать победу.

Он послал навстречу авангарду турок отборный отряд сорвиголов, приказав им захватить несколько десятков пленных. Под покровом ночи вихрем налетевший отряд блестяще выполнил задание.

А наутро застучали топоры: румыны острили колья и вбивали их по обе стороны дороги, по которой должно было проследовать турецкое войско. Связанных янычар стали сажать на вбитые колья. Причем белюк-пашам — офицерам янычарского войска — оказывались такие последние «почести»: их сажали на колья, выкрашенные охрой под золото.

Когда турки увидели, что сталось с их товарищами, у многих затряслись поджилки. А Влад продолжал действовать. Лихими налетами он не давал янычарам покоя ни днем, ни ночью, жестоко расправлялся с попадавшими под руку, но в открытое сражение не вступал. В конце концов его партизанская тактика оправдала себя — измотанное постоянными набегами турецкое войско повернуло вспять. А затем отступление превратилось в поспешное бегство...

С той поры Влада и прозвали в народе «Цепеш», что в переводе означает «кол». Он продолжал свои стремительные набеги, безжалостно уничтожая врагов, и вскоре турки и думать забыли о том, чтобы вернуть его владения под свое влияние.

Однако то, что не смогли осуществить мусульмане, сделали христиане. Бывший кардинал Пикколомини, ставший к тому времени Папой Римским Пием II, решил подбить славного воина еще на один крестовый поход, чтобы отвоевать-таки Иерусалим и Гроб Господень.

Поскольку сам Дракула неохотно покидал свои владения, опасаясь засады и всяких дру-

гих напастей, он послал в Ватикан своего двоюродного брата. Ему Папа и передал огромную по тем временам сумму и наказал собрать войско, победить неверных и водрузить над Иерусалимом католический крест.

И кто знает, быть может, наказ этот и был бы исполнен — Влад был хорошим полководцем и люто ненавидел неверных. Однако братец, заполучив деньги, решил их не отдавать. А вернувшись домой, с помощью интриг и подкупа сумел свергнуть Влада, заключить его в крепость и захватить власть.

Как и всякий негодяй и узурпатор, он всячески старался опорочить Дракулу, чтобы оправдать свои злодеяния. В 1464 году он повелел выпустить книгу с натуралистическими иллюстрациями, в которой Влад был представлен ужасным злодеем. Таким он и остался в памяти последующих поколений.

Книга с описанием злодейств Дракулы разошлась по всей Европе и спустя триста лет, уже в конце XIX века, попалась на глаза литератору Брему Стокеру.

В реальность существования вампиров верили очень многие, даже отцы церкви. Особенно сильна была такая вера в Средние века, но не изжита она и в наше

время. Например, в 50-е годы прошлого века на весь мир прогремел процесс над Джоном Хильком — лондонским вампиром. Перед казнью (его повесили) он описал чувство опьянения при насыщении свежей человеческой кровью, которую высасывал из раны на горле жертвы.

«Теперь я верю не в Бога, а в высшую силу, которая заставляет меня действовать и таинственно управляет нашей судьбой, не помышляя о добре и зле, — писал он. — Я рассказал о том, как она толкала меня на умерщвление людей, как насылала на меня ужасную жажду крови. Мне, кто любил людей, кто старался утешить самых маленьких и слабых, приказано было убивать и пить их кровь. Девять убийств, совершенных мной, должны найти объяснение за пределами этого мира. Неужели они попросту бессмысленны? Неужели они лишь сон безумца, полный шума и ярости, как говорил Шекспир?..»

Человек достаточно образованный, Хильк почему-то не упоминает своих предшественников — средневековых вампиров, хотя действовал в точности так, как это описано в средневековых хрониках.

Исследователь из Германии Виктор Белес полагает, что вампиризм как явление довольно точно описан в книге Стокера. Вероятно, это и способствовало популярности его романа.

«По мифологическим источникам, вампир — покойник, тело которого не разлагается и который по ночам выходит из своей могилы, нахо-

дит жертву и высасывает из нее кровь. Причем жертва после этого сама становится вампиром, — пишет Белес. — Часто вампир может быть и оборотнем: он может превращаться в огромную летучую мышь. А эти существа действительно являются кровососами, вампирами».

По преданиям, прекратить ночную деятельность вампира можно, вбив ему в сердце осиновый кол. Отгоняют же вампиров колокольным звоном, распятием, а также запахом чеснока. Не выносит он и яркого света. Опознать же вампира весьма просто, хотя бы потому, что он, как всякий оборотень, не отбрасывает тени.

Герой Стокера оказался столь живучим, потому что он соответствовал мифологическим, народным представлениям о вампирах.

Автор романа, очевидно полагал, что во многих людях еще таятся глубинные пласты страха, оставшиеся в генах со времен Средневековья. Это сладостное и вместе с тем ужасное чувство и заставляет перечитывать книгу вновь и вновь.

И, как считают современные медики, люди оказывают друг на друга незримое, но ощутимое давление. Все мы конформисты, для нас

общественное мнение имеет значение даже в том случае, когда людей вокруг нас нет и в помине. Вот это-то стадное чувство в концентрированном, мифологическом виде и привело некогда к возникновению легенд о кровопийцах, о тех упырях, которые сосут нашу кровь уже не в переносном, а в прямом смысле этого слова.

Гарри Ломан, биограф Стокера, полагает, что страхи такого рода, возможно, были присущи самому писателю, по крайней мере в детстве. Он, как и многие, ходил ночью на кладбище, чтобы взглянуть через ограду, что же там происходит. И хотя, как правило, никто ничего особого не видел, мистический, жуткий страх оставался потом в подсознании на всю жизнь. Он-то, видимо, и подтолкнул Стокера к написанию книги о Дракуле.

Есть и еще одна причина такого интереса к этой теме. Некогда, по словам Виктора Белеса, наши предки ни одно серьезное дело не начинали, не принеся жертвы, не окропив землю кровью. Даже в наши дни священники дают по праздникам пригубить красное вино, называя его кровью Христовой. С кровью связывали саму жизнь. Пока кровь течет в жилах, человек живет. Если она остановилась, застыла — приходит смерть, то состояние, которого панически боится всякое живое существо. Именно в крови, по верованиям многих народов, обитает душа.

Таким образом, стокеровский «Дракула» всколыхнул целый пласт потаенной культуры, вернул многих к древним корням. Людям дали

шанс снова вернуться в детство и послушать перед сном страшную историю, после которой хочется залезть под одеяло и укрыться с головой...

Впрочем, в немалой степени успеху книги способствовала и вторая профессия Стокера (он был театральным антрепренером), а также его многолетняя дружба со знаменитым актером того времени Ирвингом. С него, по всей вероятности, и была срисована наружность Дракулы. Ирвинг был высоким, худым, у него была своя манера играть театральных злодеев — его глаза светились прямо-таки магическим блеском, неотразимо действовавшим на женщин.

Книга Стокера оказалась удивительно своевременной. Благодаря усилиям доктора З. Фрейда в начале XX века все вдруг стали

интересоваться подсознательным, запретным, потаенным.

Успеху романа способствовала и его новая форма — он построен по правилам детектива: читатель глотает страницу за страницей, стараясь побыстрее узнать, что же произойдет дальше. Более того, как отмечают современные исследователи, Дракула был, пожалуй, Джеймсом Бондом своего времени. В книге упоминаются практически все технические достижения второй половины прошлого века — телеграф, курьерские поезда, дневники, записанные на валик фонографа, и даже портативная пишущая машинка, которую герои берут с собой в купе экспресса.

Однако по-настоящему знаменитым Дракулу сделало кино. Театрал Стокер оказался на редкость кинематографичен.

«Огромный ящик был все на том же месте, — пишет он. — Однако крышка теперь была просто положена сверху, а не прибита. Гвозди были вставлены в подготовленные отверстия, чтобы за нужное время войти в них без труда. Я знал, что должен найти ключ, и снял крышку...

И тогда я увидел нечто, наполнившее все мое существо ужасом. Там лежал граф, но как будто бы живой. Седые усы и волосы его потемнели, щеки округлились, а белая кожа приобрела румянец, сквозь нее теперь просвечивала рубиново-красная кровь.

Губы, красные и прежде, теперь были в крови, которая стекала по уголкам на подборо-

док и грудь. На застывшем лице застыла улыбка, едва не лишившая меня рассудка. Голова его шевельнулась, глаза открылись и остановились на мне, сверкая адским пламенем...»

Дракула — идеальный персонаж фильмов ужасов. Книги и фильмы о нем будут появляться до тех пор, пока люди не перестанут увлекаться всевозможными «ужасами». А это, вероятно, произойдет еще не скоро...

ЗА ЧТО ВСЕ ЛЮБЯТ ДЖЕЙМСА БОНДА?

Иэн Флеминг родился в 1908 году в семье конторского служащего. Отец его вскоре погиб на фронте Первой мировой войны, оставив вдову с двумя сыновьями. Впрочем, кое-какие деньги в семье все же водились, так что старший брат Питер и младший — Иэн смогли получить вполне традиционное для английских джентльменов образование. Сначала они учились в частной школе, знаменитом Итоне, затем поступили в не менее знаменитый Кембридж.

Старший брат довольно скоро определился с выбором профессии — он стал литератором и путешественником. Его перу принадлежат многочисленные географические сборники и путеводители. А вот младший довольно долго не мог найти свое место в жизни. После Кембриджа он некоторое время учился в университетах Франции и Германии. Потом работал ре-

портером в известной газете «Санди таймс». После этого был брокером на фондовой бирже, банковским служащим в Сити.

Неизвестно, сколько бы еще продолжались эти метания, но тут началась Вторая мировая война. Иэн Флеминг был призван на флот, где и попал в поле зрения военно-морской разведки. Поначалу ему давали разовые задания, а после того, как выяснилось, что бывший репортер и клерк неплохо с ними справляется, он стал штатным сотрудником разведки.

Так что не случайно в одном из кинофильмов Джеймс Бонд появляется у себя в «конто-

ре» в форме морского офицера. Ведь он был в некотором роде вторым «я» своего создателя. Привычки Бонда — это в значительной степени привычки самого Флеминга, а знания Бонда — знания его создателя. Наконец, не исключено, что и в подвигах суперагента нашли отражения приключения самого Флеминга.

Злые языки поговаривают, что хотя суховатому и скучному Флемингу было далеко до сверкающего юмором Джеймса Бонда, о его любовных приключениях и по сей день ходят легенды...

В том, что Бонда любят, — сомневаться не приходится: книги о его приключениях изданы общим тиражом около 250 миллионов экземпляров, переведены на 30 с лишним языков. Кинокартины же о Джеймсе Бонде посмотрели свыше 3,5 миллиардов человек — большая часть жителей планеты.

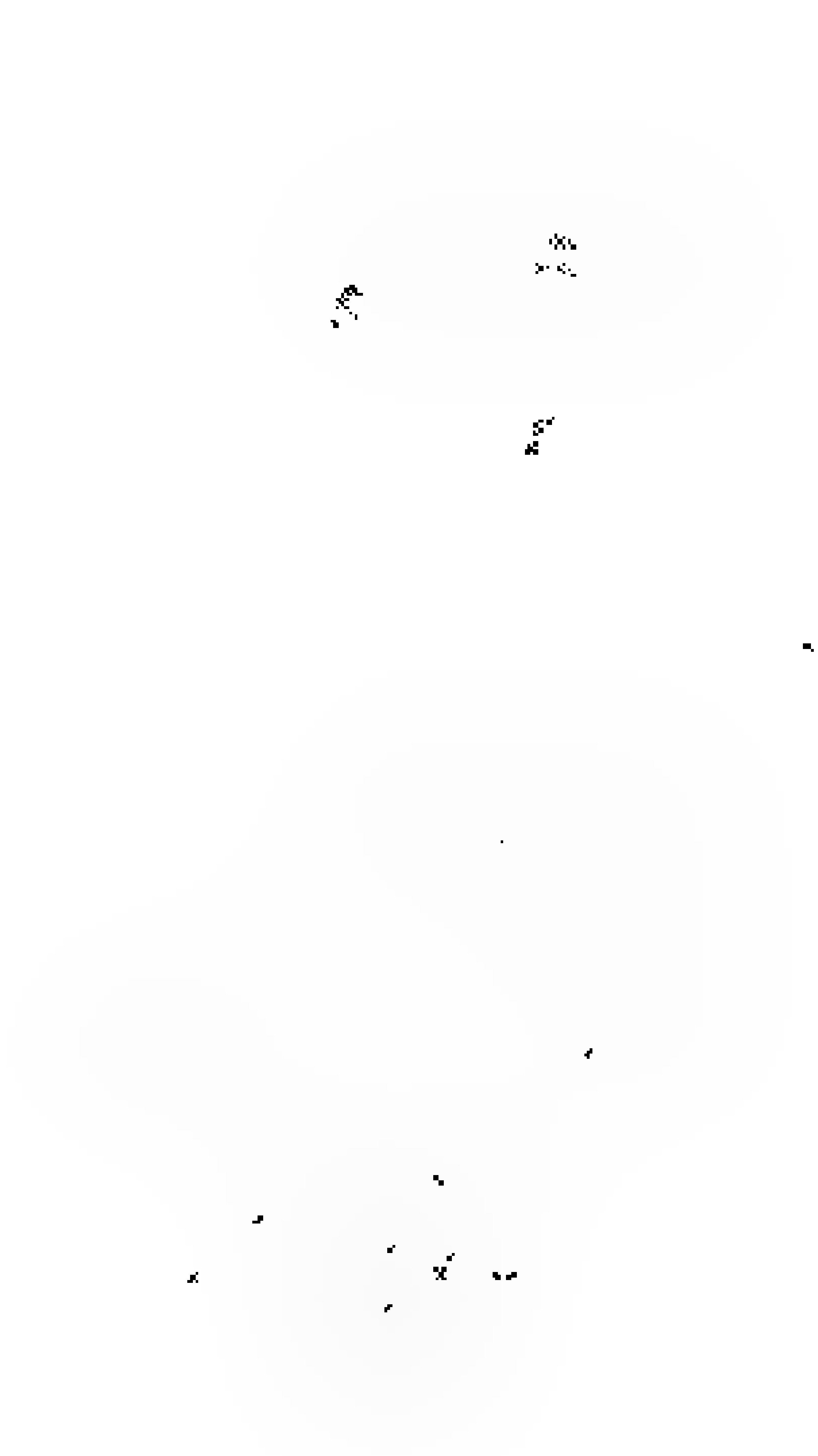
Такого читательского и зрительского внимания не удостоены ни принц датский Гамлет, ни князь Болконский с Наташей Ростовой, ни даже маленький смешной усатый человечек, созданный гением Чарли Чаплина. За что же так любят Джеймса Бонда? Попытаемся разобраться.

Прежде всего, наверное, потому, что Джеймсу Бонду присуще чувство юмора, которого так не хватало многим героям других авторов. Так, во всяком случае, рассудил бывший журналист, банковский клерк и разведчик Иэн Флеминг, когда решил взяться за перо. Затея

удалась: написанный роман стал бестселлером, Иэн Флеминг — знаменитостью, а созданный им герой пережил своего создателя.

Долгое время «Бондом № 1» считался обаятельный актер Шон Коннери, сумевший найти ту тонкую грань, которая отделяет комедию от фарса. Эта роль принесла актеру всемирную известность.

Сменившие Шона Коннери в последующих фильмах Джордж Лазенби, Роджер Мур, Тимоти Далтон оказались меньше — как ростом (от 187,5 см до 182,4 см, а рост Коннери 190 см), так и масштабом дарования. Будем надеяться, что очередной исполнитель этой роли Пирс Броснан окажется на высоте не только потому, что его рост 186 см. (Кстати, сам Флеминг полагал, что Бонду для его подвигов вполне достаточно роста 183 см при весе 76 кг.) И не потому, что артист, как и сам Бонд, пользуется интересом представительниц слабого пола и весьма это ценит. Главное увлечение Джеймса Бонда — все-таки не слабость к женщинам.



Шон Коннери в роли Джеймса Бонда

В каждом романе, если помните, прежде чем отправиться

на задание, агент 007 заходит в мастерскую, где его знакомят с очередными техническими шедеврами, с помощью которых он должен будет одержать очередную победу над злом.

Литератор не ограничивал свою фантазию и, можно сказать, как это ни парадоксально звучит, подтолкнул развитие техники.

Уже в первом романе, а потом и в фильме «Доктор Ню» в съемках фильма участвовала абсолютно настоящая бронированная машина, оснащенная огнеметом. А самой знаменитой автомашиной в мире стал, пожалуй, «Aston Martin DB5», который фигурировал в фильмах «Голдфингер» и «Шаровая молния». Показанная неоднократно на выставках, она затем была продана на аукционе в 80-е годы за 275 тысяч фунтов частному коллекционеру. А нынешняя ее стоимость — более 1 миллиона долларов. И дело здесь не только в коллекционной ценности, но и в том уникальном наборе оборудования, которое на ней установлено. Там есть и пулеметы, и возможность постановки дымовой завесы, и даже катапультируемое сиденье.

В следующих сериях Джеймс Бонд раскатывал уже на «Lotus Esprite» — автомобиле, который одновременно представлял собой и мини-субмарину, способную торпедировать под водой возможного противника. Это чудо техники можно увидеть в фильмах «Шпион, который меня любил» и «Только для ваших глаз».

Очередной автомобиль — «Aston Martin Volante» — был оборудован ракетной установ-

кой, реактивным двигателем, лазером, лыжами и системой самоуничтожения.

Потом Джеймс Бонд пересел на BMW. Говорят, что известный концерн выложил создателям очередной серии немалый куш, чтобы добиться такой чести. Так в фильме «Завтра не умрет никогда» появилась машина, которой можно управлять дистанционно: только свистни — и она, словно сказочная Сивка-Бурка, сама прибежит, неся на борту ракетную установку, а на носу — пилу...

Кроме того, Джеймс Бонд летал на индивидуальной ракете, стартуя прямо с борта подводной лодки, на самолетах и вертолетах всевозможных типов, неоднократно прыгал с парашютом, а также лазал по горам и пещерам, словно заправский альпинист и спелеолог, используя самое разнообразное снаряжение.

В общем, в книгах и фильмах о Джеймсе Бонде столько всяких технических новинок, что, говорят, в свое время КГБ СССР специально командировал за границу своих экспертов, чтобы они покупали книги и смотрели фильмы, а потом писали отчеты, что из подсмотренного может быть применено на практике. (В нашей стране кинокартины о Джеймсе Бонде не показывали потому, что в одной из серий он перевербовывает советскую шифровальщицу.)

Так с легкой руки Джеймса Бонда с экрана в арсеналы спецслужб перекочевали ракетный ранец, сверхлегкий самолет-дельтаплан, мини-подлодка, способ распознавания личности

по сетчатке глаза... А ракетной установкой-гранатометом был на всякий случай оборудован автомобиль генсека Л. И. Брежнева.

Вот только с аквалангом, который помещается в обычной авторучке, у специалистов ничего не вышло. Слишком уж мал объем ручки. В фильме же между тем говорится, что агент сможет дышать под водой не менее 5 минут. А если провести хронометраж самой кинокартины, то Джеймс Бонд лихо расправляется со своими противниками, зажав «авторучку» в зубах, целых 20 минут.

Впрочем, не надо думать, что все описанное в романах — плод воображения писателя. Он был профессионалом своего дела, и многие детали его повествования могут рассказать посвященному человеку куда больше, чем дилетанту.

Взять хотя бы само имя главного героя. Почему его зовут именно Джеймс Бонд, а не скажем, Джон Смит? Оказывается, с этим связана особая история, которую рассказал недавно один из соратников Флеминга по службе в мор-

ской разведке Кристофер Клейтон. Как он утверждает, в конце войны британскими секретными службами была разработана операция по похищению... Мартина Бормана! Из соображений секретности она была зашифрована инициалами «J. B.». Правда, кое-что напоминает? Особенно если учесть, что среди прочих в операции участвовал и Иэн Флеминг.

Для чего же собирались украсть «наци № 2»? Оказывается, Борман знал все ключи к секретным вкладам гитлеровцев в швейцарских банках. Он же заведовал личной бухгалтерией Гитлера. Потому-то в конце войны, согласно версии Клейтона, Уинстон Черчилль решил, что единственный способ выяснить, где спрятаны деньги нацистов, — похитить Бормана.

За несколько часов до взятия рейхстага в обстановке неразберихи и паники британские разведчики выкрали его и доставили в Англию, где ему было предложено либо предстать перед Нюрнбергским трибуналом, либо выдать тайны вкладов гитлеровского рейха, сохранив свою жизнь.

Борман якобы предпочел сообщить номера счетов и расположение тайников с золотом. Награбленное было возвращено после войны законным владельцам.

Сам же Борман, согласно этой версии, долгое время жил в графстве Хемпшир. Однако Англия — страна маленькая, и риск, что одного из главарей Третьего рейха кто-нибудь опознает, был велик. Поэтому в 1956 году Бормана пере-

правили в Аргентину. Но и там его едва не разоблачили. Пришлось ему перебираться в Парагвай, где он благополучно прожил до 1959 года.

Звучит все это довольно правдоподобно, если не учитывать того факта, что останки Мартина Бормана были обнаружены в 1972 году под Берлином, идентифицированы по костям скелета и зубам, а совсем недавно — еще и по генетическому анализу ДНК.

Однако Клейтон учитывает в своей книге и этот факт. Он пишет, что эта «находка» была очень удобной для спецслужжб. Через несколько лет после похорон останки Бормана эксгумировали и перевезли в Берлин, где вскоре у какого-то историка, имевшего, по словам Клейтона, связи с ЦРУ, возникла догадка, что Борман в свое время был похоронен здесь же, в немецкой столице. А погиб он, дескать, в конце войны.

Кстати о смерти. Она в книгах Флеминга тоже является предметом насмешки. Один из романов, а соответственно и фильмов, начинается с... похорон Бонда. Завернув в парусину, его по морской традиции бросают в море. Однако на дне «покойник» оживает, освобождается от савана и вскоре стучится в борт подводной лодки, которая и доставляет его в Юго-Восточную Азию. А пока противники Бонда пребывают в благодушии по поводу того, что их враг почил в бозе, он успевает многое натворить...

Такой же «фокус» — ожить после кончины — оказался по плечу не только литературному герою, но и писателю.

Во всяком случае, после смерти Флеминга в 1959 году во многих странах Запада продолжали выходить романы об агенте 007. И лишь тщательные исследования показали, что все они написаны его подражателями. Некий Джо Гарднер, например, написал 14 романов — на один больше, чем сам родоначальник «бондианы».

Ныне появился еще один американец, который решил продлить жизнь Бонду. Его зовут Реймонд Бенсон. По профессии он программист, а в свободное время занимается описанием подвигов Дж. Бонда. Говорят, вот-вот должен выйти в свет роман, сюжет которого будет разворачиваться вокруг передачи Гонконга под юрисдикцию Китая.

Честолюбивый литератор надеется, что уж ему-то удастся разделить славу Флеминга и Бонда, внести свою лепту в мировую литературу. Для этого он собирается препарировать и характер самого героя. По его мнению, агент 007 XXI века должен быть не романтическим щеголем, любителем всяких мелочей (тут, видно Бенсон намекает на нескончаемый флирт Джеймса с секретарем начальника секретной службы Ми-6, мисс Манипенни, фамилию которой можно перевести как «много мелочи»), а жестким, холодным профессионалом, для которого на первом месте стоит дело, а уж потом все остальное.

Однако, слушая такие рассуждения, невольно задаешься вопросом: «А понравится ли нам такой Бонд?» Если нет, то его ждет бес-

славная кончина. Хотя, наверное, читатели просто вернутся к привычному кумиру 60-х годов XX века. Ведь не пытается никто модернизировать Санта-Клауса. А Бонд уже стал в один ряд со сказочными персонажами. Об этом, кстати, говорит и такой факт.

Свое имя литературный герой Джеймс Бонд, как вы теперь знаете, получил по кодовому названию сверхсекретной операции «J. B.», в разработке и ходе которой принимал участие в конце Второй мировой войны сам Иэн Флеминг, тогда еще будущий писатель. Но откуда взялся еще и код 007? Оказывается, с ним связана не менее занимательная история.

Именно такое кодовое имя в действительности носил агент британской разведки Джон Ди — один из самых загадочных людей позднего Средневековья. Неизвестно, когда он родился и кто были его родители. Мы знаем лишь то, что на протяжении четырех с лишним столетий его фигура привлекала внимание многих писателей, драматургов и поэтов, начиная с Вильяма Шекспира (именно Джон Ди был прототипом волшебника Просперо в «Буре»), его современни-

Джон Ди — шпион Ее Величества королевы Елизаветы I

ка Бена Джонсона (создателя драмы «Алхимик») и кончая произведениями наших современников (вспомним хотя бы романы «Дом доктора Ди» Питера Экральда и «Египет» Джона Кроули).

Джон Ди и Эдвард Келли вызывают духов

Он был воистину многогранной и загадочной личностью — доверенное лицо королевы Елизаветы I, придворный астролог, владелец самой большой библиотеки в Британской империи XVI столетия, математик, переводчик трудов Евклида, картограф, астроном, каббалист, архитектор, навигатор и секретный агент британской короны... Свои донесения королеве Ди подписывал «007», и англичанин Иэн Флеминг, похоже, был о том прекрасно осведомлен. Но даже он не смог докопаться, откуда у Ди столь странная фамилия (или прозвище), а потому предпочел назвать своего героя не столь вычурно. Джеймс Бонд — куда привычней для британского уха...

ТЫСЯЧА И ОДИН ПЕРСОНАЖ

Говорят, одно время в Париже туристам показывали своеобразную достопримечательность. Экскурсоводы приводили своих подопечных к одному из кафе и указывали через витрину на фигуру человека, сидящего за столиком: «Вот это и есть комиссар Мегрэ!»

Они лишь чуточку привирали: человек за столиком был не кто иной, как писатель **Жорж Сименон**, придумавший Мегрэ и еще сотни других персонажей.

Подобно американскому писателю Эрнесту Хемингуэю, Сименон любил работать в людном месте. Окружающий шум лишь помогал сосре-

Жорж Сименон
(1903—1989)

доточиться, создавал некую атмосферу, в которой жили и действовали его герои.

Писал Сименон черными чернилами и таким мелким почерком, что текст приходилось снимать на микрофильмы, затем увеличивать и только тогда перепечатывать на машинке.

В молодости он сам сразу печатал свои романы на машинке.

«Я печатал со скоростью 83 слова в минуту, — с гордостью вспоминал Сименон, — быстрее, чем любая первоклассная машинистка. Вряд ли с такой скоростью может печатать журналист. Ведь когда пишешь статью, то тебя связывает определенная, заданная тема, а в работе над художественным произведением — полная свобода. Пишешь то, что подсказывает воображение».

Помнит ли писатель все сюжетные перипетии, ход действия, героев своих многочисленных книг, спросили его однажды. И что для него главное в романе?

«Я не запоминаю всех сюжетных перипетий. Дело не в них. Когда я начинаю работать,

то отчетливо представляю себе характеры главных героев. Но сам ход действия для меня менее важен, и это не самая сильная сторона моих книг. Я бы сказал даже, что мои романы о Мегрэ далеко не классические детективы...»

Писатель не уставал повторять слова Авраама Линкольна, что Бог, очевидно, любил простых людей, ибо он создал именно их. И парижский комиссар Мегрэ — один из них. В 1929 году, в начале Великой депрессии в капиталистических странах, Мегрэ впервые стал центральной фигурой романов Сименона: маленький чиновник на скромной службе, почти такой же, как читатели, к которым обращены книги писателя.

«Мои симпатии на стороне простых людей, — говорил по этому поводу Сименон. — Я не буржуа. И не верю в силу денег, хотя нынешним миром и правят многонациональные концерны. В моем представлении современный роман в чем-то сродни классическим трагедиям Расина и Софокла. Я пишу о людях, оказавшихся в кризисной ситуации. Беру простого человека. Наблюдаю за ним. И задаю себе вопрос — что случилось бы с ним, если бы его жена, скажем, попала в автомобильную аварию? Так начинается замысел».

Своими любимыми писателями Сименон называл прежде всего Достоевского и Чехова. «Россия вошла в мою жизнь страной своеобразной и яркой», — сказал он однажды. Когда же попросили уточнить, почему так получи-

лось, всплыла неожиданная деталь биографии писателя. Оказывается, он чуть не стал революционером.

Дело в том, что писатель хоть и француз, но родился в Бельгии. Семья жила небогато, и чтобы как-то свести концы с концами, мать сдавала комнаты студентам, среди которых оказались и русские революционеры. Они-то и рассказали маленькому Жоржу о России, познакомили с книгами Льва Толстого, Федора Достоевского и других писателей.

Он даже собирался было отправиться вместе с квартирантами на их родину, чтобы свергнуть царя, да мать не пустила. Больно мал еще был.

Впрочем, писать и печататься Жорж Сименон стал очень рано — его первые заметки были опубликованы в 1921 году, когда начинающему литератору едва стукнуло восемнадцать.

Год спустя он переехал во Францию, где стал зарабатывать на жизнь публикациями в развлекательных журналах. Много путешествовал, публикуя путевые заметки о разных странах Европы и Африки.

Пробовал писать любовные романы в юмористическом ключе, которые подписывал разными псевдонимами. По утверждению самого Сименона, у него было не менее 20 различных литературных имен.

Однако знаменитым писателя сделали полицейские романы. В 1932 году он подписал контракт с издателем А. Файяром на серию

книг о Мегрэ. Цикл открывал роман **«Петр-латыш»**. Скоро комиссар стал одним из самых известных литературных героев XX века. Отчасти это объясняется и легендарной плодовитостью автора, написавшего около 500 произведений. «Были годы, когда за год я публиковал до десяти романов», — с гордостью вспоминал Сименон.

Впрочем, в серии книг о комиссаре Мегрэ писатель не ставил себе задачу достичь высот литературного мастерства. «Я не считаю себя писателем детективных романов, потому что никогда не следовал правилам их написания. В моих книгах иной раз с самого начала известно, кто совершил преступление, — говорил он. — Для Мегрэ важно не кто убил, а почему убийца пошел на это».

У Мэгрэ есть своя жизненная история. В романе «Дело Сен-Фиакр» сообщается, что комиссар родом из Центральной Франции, что отец его был управляющим замком. В юности Мегрэ мечтал стать врачом, но из-за отсутствия средств был вынужден поступить на работу в полицию. Позднее Мегрэ получил назначение в Париж, где приобрел известность. Кабинет комиссара на набережной Орфевр стал местом, в котором распутывались самые головоломные криминальные истории.

Мегрэ, однако, не действует как типичный литературный сыщик. Комиссар всегда старается понять, что заставляет респектабельного и добропорядочного гражданина преступить закон. Подобно Шерлоку Холмсу, Мегрэ имеет собственный метод раскрытия преступлений. Он старается поставить себя на место обвиняемого, изучает его детство и юношество, его привычки, достоинства и недостатки. И поняв характер человека, прогнозирует его дальнейшие действия.

Тем не менее в соответствии с законами детективного жанра наиболее известные романы Симеиона лишены лирических отступлений, описаний природы. Исследователи говорят о «нулевом градусе письма» Сименона. Его лексика тщательно отобрана, конкретна. Объем ее невелик, но слова подбираются с максимальной точностью.

Писатель — настоящий мастер построения интриги. Завязка обычно задана на первой

странице книги и разрешается в ее последнем абзаце, что позволяет держать читателя в постоянном напряжении. Так, в романе **«Мегрэ расставляет сети»** лишь на последних страницах становится ясно, кто и почему убивает одиноких женщин в квартале Монмартр.

Став одним из самых популярных в мире литераторов, автором нескольких сот книг, романов, повестей, эссе и мемуаров (по числу почитателей комиссар Мегрэ не уступает Шерлоку Холмсу и Эркюлю Пуаро), Сименон тем не менее нередко сетовал, что для многих французов он лишь автор детективных романов. «А ведь в написанном мною цикл «Мегрэ» даже количественно составляет только треть, не говоря о том, что именно в «трудных романах» суть моего творчества», — говорил он.

Поэтому ныне принято делить творчество Сименона на две части: романы о Мегрэ и «не о Мегрэ». Если в книгах о комиссаре писатель выступает как автор, думающий прежде всего о занимательности, то в остальных своих произведениях он вторгается в область бытового и психологического романа. Его книги полны сочувствия к простым людям, стремления проникнуть в их судьбы, переживаемые ими кризисные ситуации.

Именно поэтому о творчестве Сименона высоко отзывались многие его современники, в том числе нобелевский лауреат Эрнест Хемингуэй. Английский писатель Чарлз Сноу писал о Сименоне, что он «знает удивительно

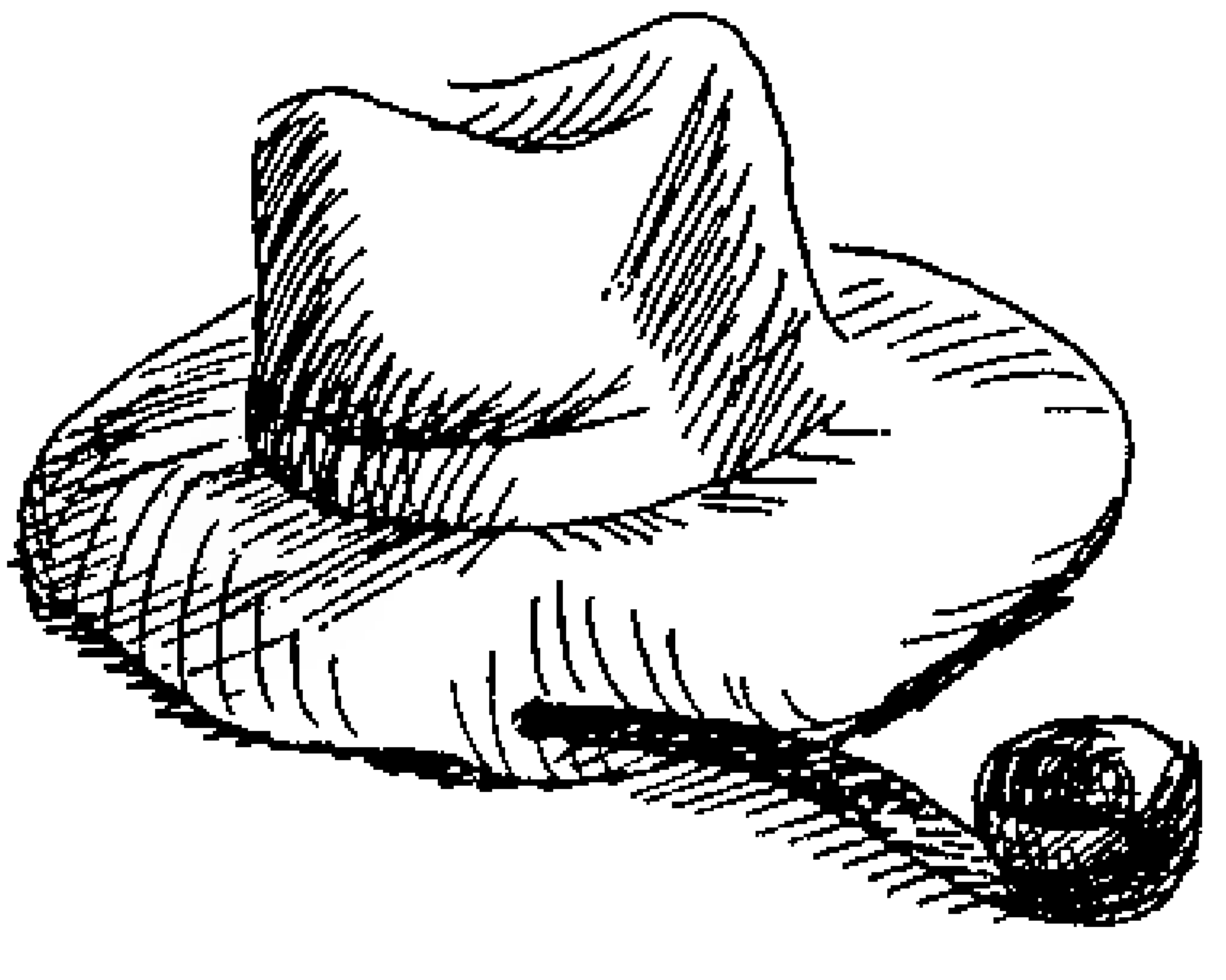
широкий круг людей, гораздо больший, чем любой из писателей XX века, о котором я могу вспомнить». В его книгах действуют тысячи персонажей, и ни один не походит на другого.

В конце жизни Жорж Сименон перестал писать романы, перейдя на автобиографическую прозу и мемуары. Некоторые свои рукописи, содержащие откровенные высказывания, он разрешил печатать лишь после своей смерти.

В свое время писатель с интересом относился к экранизациям своих произведений и даже участвовал в создании ленты «Ночь на перекрестке».

«Да, первые фильмы о Мегрэ, снятые в 1932 и 1933 годах, я смотрел, — рассказывал он. — Когда мой близкий друг Жан Реиуар, которого я считаю как бы своим братом, снимал «Ночь на перекрестке», мне приходилось выступать с пояснениями перед зрителями. И даже появляться на экране».

Но потом он перестал смотреть картины, снятые по его романам, по одной простой причине. Сименон понял, что ни одии режиссер в мире не может полностью угадать замыслы автора, сделать персонажей точно такими, какими их видел сам автор. «Когда я смотрю фильм, мне кажется, что происходящее на экране похоже на маскарад.



Очевидно, такое же чувство можно испытать, увидев свою дочь с совершенно чужим лицом после пластической операции...»

Тем не менее он продолжал читать рецензии на фильмы, поставленные по его книгам. А когда в голландском городке Делфзейле была сооружена статуя комиссара Мегрэ, приехал на открытие памятника вместе с исполнителями роли комиссара в разных фильмах...

— Правда, там присутствовали лишь семь Мегрэ, а всего их было 28, — свидетельствовал Сименон. В одной только России комиссара играли три актера, а один — в Японии. Лучшим был все же Пьер Ренуар, брат Жана Ренуара. Он сумел проникнуть в суть характера Мегрэ. Я был очень дружен с Жаном Габеном, но он казался мне слишком темпераментным для этой роли. Хорош был итальянец Джино Черви, но его Мегрэ пел в ваниой комнате оперные арии.

...Последний роман Сименона **«Оскар»**, работу над которым он начал в 1972 году, остался неоконченным. Почему?

«Я понял вдруг, что уже слишком стар для того, чтобы писать романы», — объяснил писатель.

— Какой совет я дал бы тому, кто хочет написать роман? Я бы сказал — пишите. И еще: когда работаешь, надо забывать обо всем. Те же законы, что существуют для ремесленника, стремящегося довести до совершенства дело своих рук, действительны и для писателя. Надо писать, писать и писать».

СЕКРЕТ ПЕРВОЙ ЛЕДИ ДЕТЕКТИВА

Вы знаете Агату Мэри Клариссу Миллер? Никогда не слышали о такой?.. А Агату Кристи? Ну конечно! Кто же не знает королеву детектива, писательницу, которая создала двух гениальных сыщиков — Эркюля Пуаро и мисс Марпл, способных разгадать загадку самого запутанного преступления? Общий тираж книг о них превысил миллиард экземпляров только на английском языке, и примерно столько же еще издано на ста с лишним языках народов мира.

В чем же секрет популярности книг Агаты Кристи?

Поначалу как будто ничто не предвещало ни великих тайн, ни особых секретов. Родилась наша героиня в 1890 году в приморском городе-курорте Торкуэй на юге Англии. Правда, место это довольно необычное для туманного Альбиона: вместо смога и моросящего дождя — солнце, пальмы и цветы, пляжи и веселая толпа загорающих курортников.

Агата Кристи (1890—1976)

И детство будущей писательницы было не совсем обычным. Она училась не в шко-

ле, не в колледже, а получила, как сообщается в справочниках, «домашнее образование».

Сама Агата относилась к такому времяпровождению с большим одобрением. «У меня,— вспоминала она, — было абсолютно счастливое детство — мало уроков, зато масса свободного времени...»

Впрочем, среди уроков у нее был и один необычный: обычно ведь взрослые читают или рассказывают детям на ночь сказки. А тут мать как-то попросила Агату придумать какую-нибудь историю. Такое занятие дочке понравилось, и она стала придумывать их чуть ли не каждый вечер. Самые интересные затем записывались. Так что можно сказать, иаша героиня стала писательницей еще в детстве. Только сама она пока об этом не догадывалась.

Когда Агата подросла, ее стали занимать совершенно другие вещи. Так, в возрасте двадцати с небольшим лет она увлеклась авиацией. Точнее, авиатором. И в 24 года вышла замуж за капитана Королевских ВВС Арчибальда Кристи.

Но тут началась Первая мировая война, муж попал на фронт, а Агата Кристи добровольно пошла работать сиделкой в госпиталь Красного Креста в своем же родном Торкуэ. И чтобы не заснуть во время долгих ночных дежурств, она стала сочинять длинную детективную историю, которая в конце концов превратилась в роман «Таинственные дела в Стайлсе». Главным героем в нем был блиста-

тельный детектив — эксцентричный бельгиец Эркюль Пуаро.

Правда, публикации романа пришлось ждать несколько лет. После окончания войны Кристи предлагала рукопись в разные издательства, но везде получала вежливый отказ. Агата успела написать еще несколько вещей, родить дочь Розалинду, прежде чем в 1920 году одно из издательств сочло возможным предложить ей 100 фунтов за «Дела в Стайлсе».

Деньги были небольшие, но начало было положено. И до 1926 года Кристи написала и опубликовала множество рассказов, пьес, романов, пробуя себя в разных жанрах. Кроме детективов она писала любовные истории, фантастику, шпионские триллеры.

Когда она все успевала? «А я, как обычная колбасная фабрика, работаю непрерывно, — отвечала на такие вопросы Агата. — Слава богу, я могу писать везде. Замысел романа никогда не представлял для меня трудности. Раньше сюжеты приходили мне в голову, когда я просто спокойно сидела в ванне и выкладывала на край ее яблочные зернышки. Иногда сюжет рождался, когда я гуляла или мыла посуду. Обычно я трачу на книгу три-четыре ме-

сяца, но однажды я написала роман за шесть недель».

Не все произведения получались одинаково удачными, но уже в 1925-м вышел ее первый шедевр — роман **«Убийство Роджера Экройда»**, в котором также действовал Пуаро. Это была первая книга Кристи, опубликованная крупнейшим лондонским издательством «Коллинз».

Когда выяснилось, что роман имеет успех, руководство издательства решило не рисковать и закупило писательницу на корню, подписав с ней так называемый «пожизненный контракт». И не прогадало: взаимовыгодное сотрудничество продолжалось полвека; оно было прервано только в связи со смертью Агаты Кристи.

Но до того еще произошло множество других событий.

Так, в 1926 году собственная жизнь писательницы неожиданно превратилась в детектив. Да такой, что распутывала его вся читающая Англия! Но разгадка не найдена по сей день. А случилось вот что.

Пока Агата мыла посуду, занималась маленькой дочерью и писала книги, ее муж завел собственный роман. С молодой машинисткой. Агата узнала об этом, лишь когда однажды утром муж попросил развод.

С Агатой случился нервный припадок, несколько часов она пролежала в постели. А вечером того же дня — 3 декабря 1926 года — вышла из дому, села в свой автомобиль и... исчезла.

На следующее утро машину нашли брошенной на обочине в пяти милях от дома. Полиция объявила розыск, а поскольку Агата Кристи к тому времени была уже популярной писательницей, о пропаже тут же объявили все газеты.

Целых десять дней газетчики гадали, найдут ли писательницу живой и здоровой, выдвигали разные версии ее исчезновения: похищение с целью выкупа, самоубийство, шпионские разборки или даже вмешательство... потусторонних сил. Досталось и ее мужу: весть о предстоящем разводе достигла ушей

полиции, и кое-кто из детективов был склонен предполагать, что к исчезновению Агаты мог быть причастен сам Арчибальд...

Однако на 11-й день целую и невредимую писательницу обнаружили в Харрогейте (графство Йоркшир), в небольшом курортном отеле, где она была записана под именем Терезы Ниль.

Причем сама Агата Кристи утверждала, что абсолютно ничего не помнит: ни как она здесь очутилась, ни своего настоящего имени. А своим соседям и хозяину она рассказала, что только что прибыла из Южной Африки. И только неделю спустя управляющий отеля, регулярно читавший газеты, обратил внимание на внешнее сходство своей постоялицы с опубликованной фотографией пропавшей писательницы. Он позвонил в полицию, детективы приехали и стали выяснять, что же случилось.

Но Агата стойко придерживалась версии: дескать, она ничего не помнит. Медицинские эксперты выдвинули предположение, что временная потеря памяти (амнезия) могла быть следствием нервного перевозбуждеиия. Но эта гипотеза тоже не отличалась большой достоверностью.

В общем, так или иначе, но теперь Агату Кристи знала и жалела вся Англия. Арчибальду пресса изрядно потрепала нервы. Тем не менее развод все-таки состоялся. В 1928 году Арчибальд Кристи окончательно ушел, оставив жеие свою фамилию. А еще год спустя, путе-

шествуя по странам Ближнего Востока, Агата Кристи познакомилась с известным британским археологом сэром Максом Мэллоуном. Вскоре они поженились, и Агата Кристи, ставшая теперь Агатой Мэри Клариссой Кристи Мэллоун, получила возможность ввести в свои романы и восточные мотивы. Выезжая вместе с мужем в Сирию и Ирак на раскопки, она вскоре сама поднаторела в археологии; романы **«Смерть иа Ниле»**, **«Убийство в Месопотамии»** или **«Свидаиие со смертью»** лишний раз могут это подтвердить.

Дальнейшая жизнь Агаты Кристи не отличалась особыми потрясениями. По ее собственным подсчетам, к концу жизни она написала 83 детектива, свыше сотни рассказов, 15 пьес, шесть любовных романов под псевдонимом Мэри Уэстмакотт и кое-что еще... В общей сложности 137 томов полного собрания сочинений.

Это своеобразный рекорд; немногие из писателей могут похвастать большей плодовитостью. И уж абсолютным мировым достижением стала ее пьеса **«Мышеловка»**.

Она появилась на свет при обстоятельствах не совсем обычных. К юбилею королевы, супруги тогдашнего английского короля Георга V, компания «Би-Би-Си» решила сделать сюрприз: поставить радиопьесу, автора которой выберет лично Ее Величество. Та попросила: пусть пьесу напишет Агата Кристи.

Агата написала, пьеса прозвучала по радио. Потом Кристи переделала ее для сцены.

«Я помню, когда этот спектакль только был поставлеи, я сказала артистам: «Мы можем продержаться несколько месяцев, не более».

Однако все вышло иначе. 25 ноября 1952 года в лондонском театре «Амбассадор» при полном аишлаге состоялась премьера спектакля, которому суждено было стать театральной легендой. Спустя 22 года, уже побив рекорд (более 8800 представлений), «Мышеловка» перекочевала на сцену театра «Св. Мартин», которую не покидала более четверти века. И так дошла до наших дней, до юбилейного 20-тысячного спектакля.

7 декабря 2000 года к небольшому театру в лондонском Вест-Энде было приковано внимание всего мира. Все ждали мирового рекорда — и он состоялся. В двадцатитысячный раз была сыграна пьеса, написанная полвека назад.

За эти годы в спектакле были заняты 318 актеров и актрис, костюмеры отгладили более

140 километров платьев, а само действие посмотрели около 10 миллионов зрителей. И это еще не конец. Англичане, верные традициям, продолжают ходить на «Мышеловку» из года в год, как в музей. Их поддерживают и многочисленные туристы. Так что последнего спектакля мы с вами, наверное, не дождемся.

Сама же Агата Кристи последние годы жизни провела в скромном провинциальном городке Уоллингфорде. Она умерла в январе 1976 года и похоронена на кладбище еще более скромной деревушки Чолси.

Агата Кристи неохотно давала интервью, все ее рассказы о себе сводились к скупым перечислениям: «Люблю поесть. Не выношу даже запаха алкоголя. Много раз пыталась понять, что же такого хорошего в курении, но не разберусь, наверное, до конца жизни. Обожаю цветы, схожу с ума по морю и по пустыням, испытываю смертную скуку в кино, не люблю телефона и вообще резких дребезжащих звуков, а также городской жизни...»

И лишь однажды она позволила себе более подробные воспоминания. В интервью, опубликованном в австралийском журнале «Острэлэшн пост», она приоткрыла секреты своей литературной «кухни»:

«Когда я пишу книгу или рассказ, герои их не списаны с каких-либо реально существующих лиц, которых я знала близко в течение длительного времени. Однако время от времени я не могу противостоять тому, чтобы не сде-

лать словесный портрет с человека, на которого я бросила мимолетный взгляд. Это может быть лысеющий мужчина, женщина с птичьим профилем, пожилой англичанин на морском курорте.

Даже похожий на гнома Пуаро, которого считают самым популярным литературным детективом после Шерлока Холмса, был вызван к жизни потоком бельгийских беженцев, которых я видела во время своей работы в госпитале, в годы Первой мировой войны...»

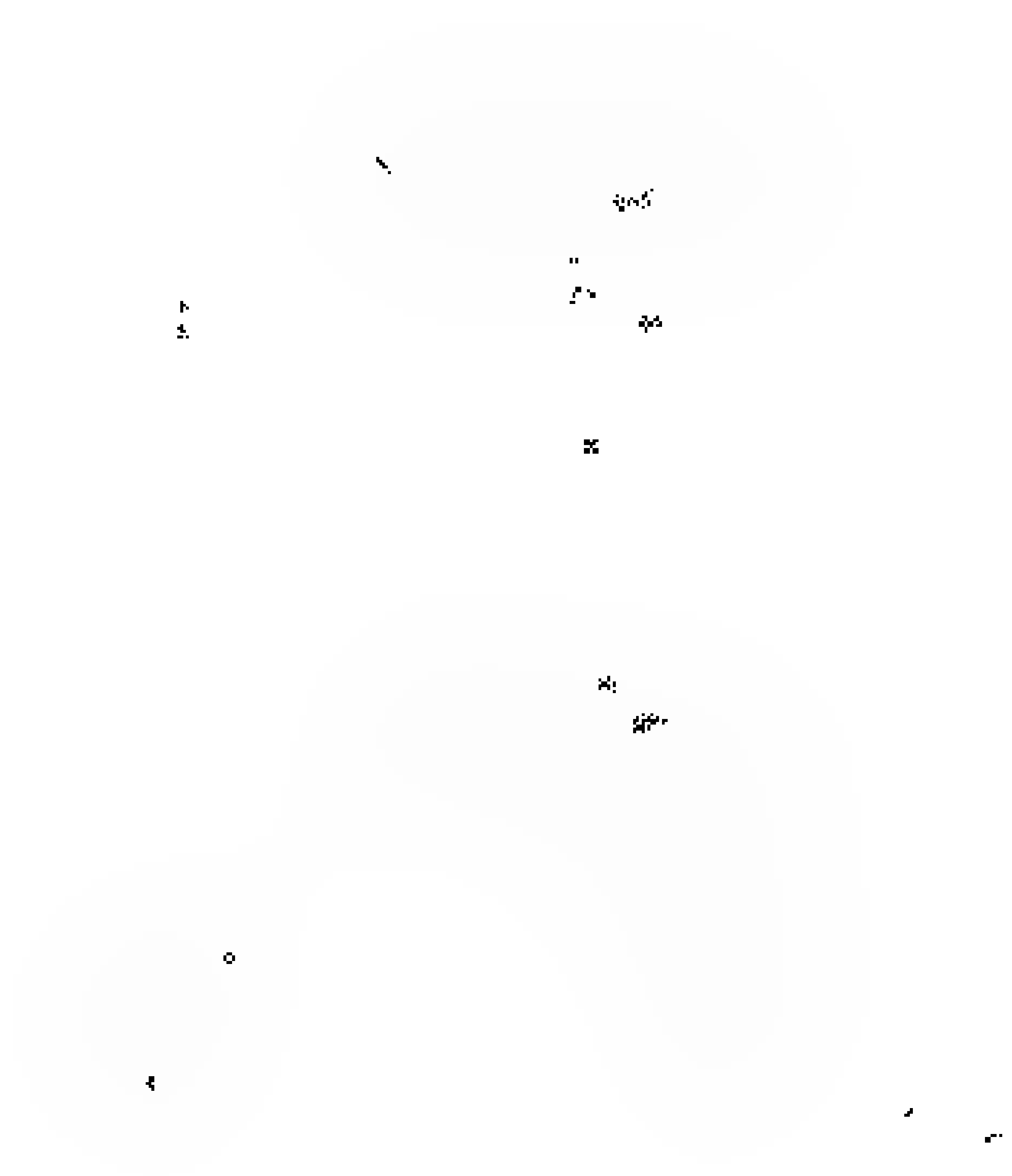
К сказанному остается добавить, что когда началась Вторая мировая война, Агата Кристи, чья слава уже стала поистине всемирной, снова пошла работать в больницу при Лондонском университете. Опять-таки простой сиделкой.

Но никогда и нигде, ни при каких обстоятельствах, она больше не упоминала о ее знаменитом «исчезновении»! Эта тайна так и осталась до конца не разгаданной...

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВО ИМЯ ЛИТЕРАТУРЫ?

Сэра **Артура Конан Дойла** не надо представлять нашему читателю. Автор **«Белого отряда»** и других исторических, научно-фантастических романов, а главное — создатель неповторимого образа интеллектуального и ироничного сыщика Шерлока Холмса, кажется, не нуждается в рекомендациях.

Однако, как известно, и на Солнце бывают пятна. Ныне писатель и сам оказался в центре детективного скандала.



Артур Конан Дойл (1859—1930)

Все мы, что греха таить, любим детективы. Как утверждают психологи, мы, следя за чужими преступлениями и их расследованием, «выпускаем пар», снижаем агрессивность своей собственной натуры.

Ну а что сами литераторы? Что их заставляет писать кровожадные романы? Оказывается, многим из них тоже свойственна склонность к авантюрному риску. Причем некоторые отнюдь не успокаиваются на том, что описывают на бумаге придуманные ими преступления. Некоторые совершают их на самом деле. Среди них, возможно, был и сэр Артур Конан Дойл.

Так пишет в газете «Индепендент» от 10 сентября 2000 года журналист Роберт Мендик. Основания для такого суждения он почерпнул в 446-страничном исследовании, которое в течение 11 лет вел бывший психолог Роджер Гэррик-Стилл. Сам же исследователь, в свою очередь, утверждает, что его версия основана на достоверных фактах, почерпнутых, в частности,

из писем, завещаний, свидетельств о смерти и прочих документов.

В основе обвинения — знаменитая повесть «Собака Баскервилей». Известно, что на написание этого произведения, впервые опубликованного в 1901 году, Конан Дойла вдохновила история о таинственной собаке на болотах, услышанная им в гостях у друга Бертрама Флетчера Робинсона. Конан Дойл даже позаимствовал имя Гарри Баскервиля — садовника и кучера своего друга Робинсона.

В этом, однако, не было бы особого криминала — писатели, как известно, черпают свои сюжеты из окружающей жизни, из рассказов бывалых людей. Если бы не одна тонкость. Как утверждает теперь Роджер Гэррик-Стилл, Робинсон сам был журналистом и писателем, и повесть была фактически им и написана.

Чтобы скрыть сей прискорбный для себя факт, Конан Дойл пошел на преступление, в результате которого приятель-журналист умер загадочной смертью в возрасте 36 лет. Причем действовал «отец» Шерлока Холмса не в одиночку, ему помогала жена Робинсона — Глэдис, с которой у писателя была любовная интрижка, а может, и бурный роман.

Гэррик-Стилл начал свое расследование в 1989 году, когда переехал на новое место жительства — в Парк-Хилл Хаус на окраине Дартмура (это как раз то самое место, где разворачивается действие «Собаки Баскервилей»). Сразу же после переезда в квартире Гэррика-Стилла

стали вдруг происходить весьма странные, мистические вещи: в гостиной несколько раз подряд срывалась с крючка и падала со стены рамка с фотографией Конан Дойла, сделанной еще в 1865 году, когда тот был мальчиком. Гэррик-Стилл решил, что это неспроста...

И тут ему на глаза попалась написанная в 1900 году книжка «Приключение в Дартмуре», автором которой был неизвестный психологу доселе Робертсон. Ознакомившись с ее содержанием, Гэррик-Стилл был ошеломлен: рассказанная история практически копировала сюжет «Собаки Баскервилей», но... вышла в свет на год раньше знаменитой повести.

«К 1905 году источник литературного вдохновения сэра Артура полностью иссяк, — полагает Роджер Гэррик-Стилл. — Не случайно в одном из рассказов он даже захотел прикончить Шерлока Холмса руками злодея Мориарти и на том закончить цикл...»

Однако вскоре, вроде бы по пожеланиям читателей, Конан Дойль оживляет своего героя и выдает «на-гора» одну из самых впечатляющих повестей цикла — о проклятии рода Баскервилей. Откуда взялось «второе дыхание»?

По мнению Стилла, именно в этот момент исчерпавший себя литератор позаимствовал чужой сюжет и многие подробности развития фабулы у журналиста и писателя Бертрама Флетчера Робинсона. О нем Конан Дойлю рассказала его новая любовница, бывшая женой этого самого Робинсона.

Появившаяся год спустя «Собака Баскервилей» имела огромный успех, что было весьма кстати: ведь уже восемь лет прошло с тех пор, как по замыслу Конан Дойла погиб любимый всеми литературный герой — детектив Шерлок Холмс. Слава Конан Дойла начинала меркнуть. «Воскрешение» Холмса состоялось как раз вовремя, но, как считает Гэррик-Стилл, оно поставило Конан Дойла в зависимое и постыдное положение — в любой момент Робинсон мог устроить скандал, навеки погубивший бы славу и честь именитого писателя. Само существование бывшего приятеля таило в себе угрозу.

И он пошел на сговор с женой Робертсона. У нее были свои причины для преступления. Ее брак оказался бездетным, и это угнетало Глэдис, так что она с легким сердцем завела интрижку с Конан Дойлом. Таким образом, несчастный Робинсон мешал им обоим.

И все-таки как они смогли избавиться от молодого здорового мужчины, не вызвав излишних подозрений?

Тут самое время вспомнить, что Конан Дойл имел медицинское образование и даже, подобно доктору Ватсону, некоторое время практиковал. А Шерлок Холмс, если помните, отлично разбирался в ядах (что означает: в иих разбирался и сам Конан Дойл).

В общем, по мнению Гэррика-Стилла, под руководством писателя Глэдис стала подмешивать мужу в еду и питье настойку опия, постепенно увеличивая дозу. И став законченным наркоманом, Робинсон скончался 21 января 1907 года, очевидно, получив слишком большую дозу наркотика.

Впрочем, официальный диагноз гласит, что журналист скончался от брюшного тифа. Однако, как считает Гэррик-Стилл, эксгумация тела могла бы доказать, что журналист умер именно от отравления. В настоящее время сыщик-любитель добивается, чтобы Министерство внутренних дел Великобритании дало официальное разрешение на извлечение останков. В качестве аргумента он использует фотографию пышущего здоровьем 36-летнего Робинсона, сделанную

в январе, когда теоретически тот должен был находиться на смертном одре.

Действительно ли все это так или все вышеизложенное является всего лишь ловким рекламным трюком, способствующим распродаже книги самого Роджера Гэррика-Стилла, покажет будущее. Пока же можно сказать, что одного Стилл уже добился — его книги идут нарасхват.

Кстати, случалось уже не раз, что журналисты, а то и литераторы, чтобы проникнуться духом среды и событий, о которых собираются писать, становились матросами, докерами, проводниками на железных дорогах и т. д. Иные даже во имя будущей литературной славы становятся членами преступных группировок, грабителями-одиночками или даже убийцами-маньяками.

Во всяком случае, Джек Друммонд, грезящий о писательской славе и написавший ряд криминальных романов, поступил именно так. Ранним утром 18 июля 1978 года полиция города Колумбуса (США) обратила внимание на странного человека, нервно прохаживающегося напротив отделения Национального банка. Одет субъект был во все черное, руки держал в карманах длинного плаща и постоянно озирался по сторонам.

Один из копов решил поинтересоваться личностью незнакомца и попросил его предъявить документы. В ответ тот выхватил из кармана пистолет. Однако полицейский был наче-

ку и вовремя перехватил руку преступника. В результате завязавшейся потасовки нападавший был ранен и вскоре скончался прямо у дверей Национального банка...

В ходе расследования полиции удалось выяснить, что убитый мнил себя профессиональным литератором. Он даже написал два романа, один из которых был напечатан под псевдонимом Джордж Редер. Однако славы и денег он автору не принес, и тогда тот пошел ва-банк. В его записной книжке следователь обнаружил план ограбления трех банков сразу.

«Обыкновенное преступление сегодня мало кого удивит — их совершают с необычайной легкостью ежеминутно, — откровенно писал Друммонд. — Но если ограбить три банка подряд — о, это может возбудить интерес! Если я хочу написать действительно правдивый роман, он должен содержать невероятные обстоятельства и напряженность хорошей криминальной истории плюс истинные переживания героя...»

Однако если в романе или кинофильме усилиями автора и режиссера главный герой может благополучно продержаться до конца книги или передачи, то на практике Джек Друммонд погиб, не совершив ни одного ограбления.

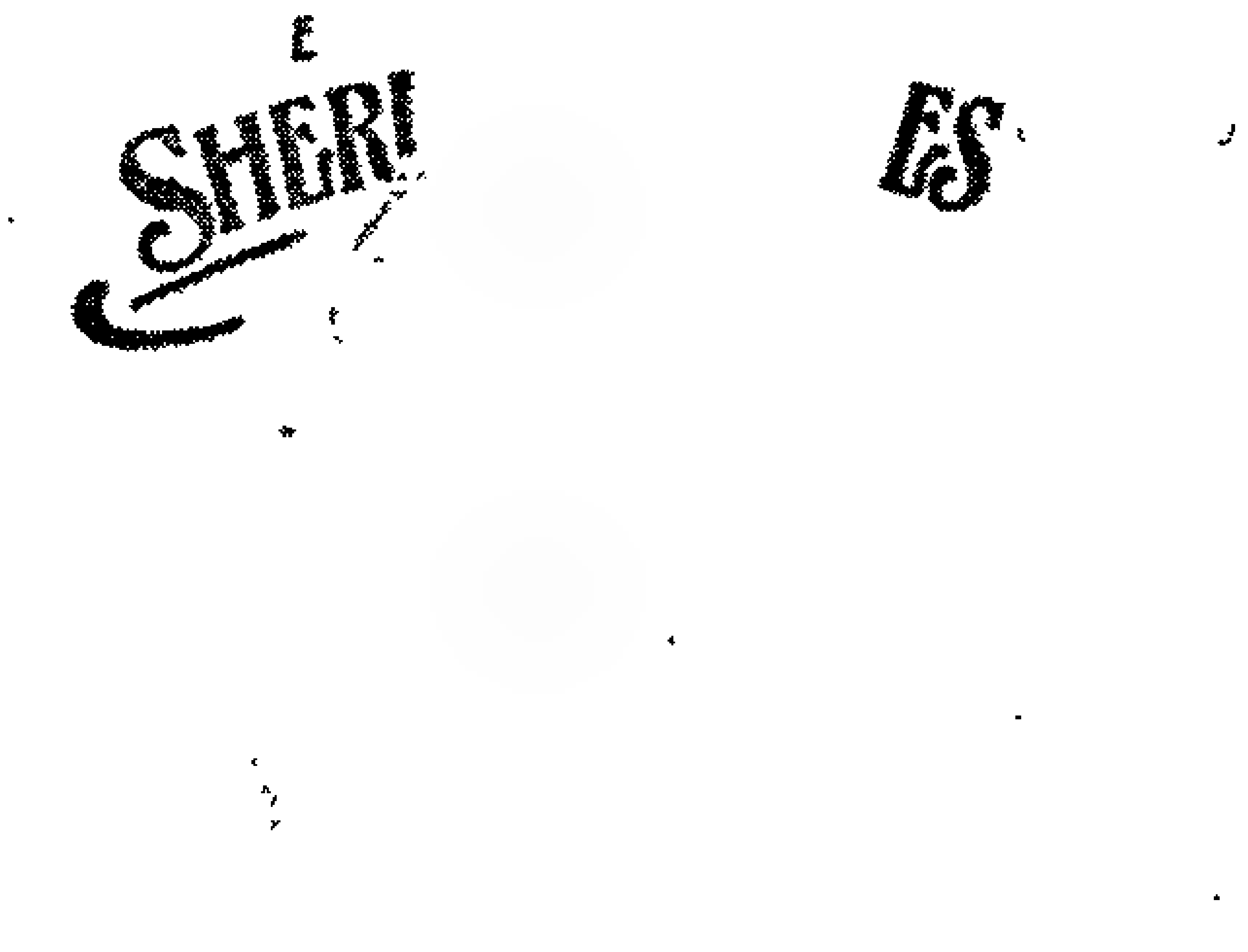
Возвращаясь к началу нашей истории, добавим справедливости ради, что заимствование сюжетов — довольно-таки распространенная практика среди пишущей братии. Так, в свое время знаменитый Жюль Верн был обвинен в краже сюжета у некоего Аристида Роже (под

этим псевдонимом, как выяснилось позже, скрывался профессор Жюль Рангард). Неоднократно в плагиате обвиняли Александра Дюма. А уже в начале века подобные обвинения попортили немало крови Михаилу Шолохову.

Но все в конце концов встало на свои места. Так, наверное, будет и в случае с Конан Дойлом. Со временем выяснится, что в пылу полемики Роджер Гэррик-Стилл несколько перегнул палку. И слава богу, что он еще не покусился непосредственно на существование Шерлока Холмса.

Тут уж точно известно, что он был создан сэром Артуром Конан Дойлом, и даже известно, кто является его прототипом.

«В то время как я изучал медицину в Эдинбурге, университет этого города насчитывал в числе своих профессоров несколько поистине



Самый известный детектив Шерлок Холмс

замечательных людей. Но из всех, кого случай привел мне узнать, самым замечательным и любопытным человеком оказался Джозеф Белл, хирург Эдинбургского госпиталя. С первой же встречи он произвел на меня неизгладимое впечатление. Тонкий, сухой и нервный, могучий нос, острое лицо, пронизывающие серые глаза, угловатые плечи, порывистая походка; речь сильная и скрипучая, как ржавое колесо...»

Узнаете? Перед вами портрет знаменитого мистера Шерлока Холмса.

Причем все, кто знал Белла, обращали внимание на одну особенность в характере профессора — его исключительную наблюдательность. «Я приведу один характерный пример, — продолжает Дойл свой рассказ.

— Бывший солдат, не так ли, дружище? — сказал он как-то одному из своих пациентов.

— Да, доктор.

— Недавно оставивший службу?

— Да, доктор.

— Горношотландский полк?

— Да, доктор.

— Унтер-офицер.

— Да, доктор.

— Барбадосского гарнизона.

— Да, доктор.

— Этот человек, господа, — объяснил он нам затем, — был полон уважения к нам, однако он не снял перед нами шляпы: в армии не обнажают головы; этот штатский обычай он, бесспорно, усвоил бы, если не так недавно ос-

тавил военную службу. У него самоуверенный вид, и он явно выраженный шотландец. О Барбадосе я подумал после того, как увидел на нем следы слоновой проказы — болезни, как вы сами знаете, Вест-Индии, а не Англии.

Ватсонам, которые в этот момент составляли его пораженную аудиторию, все стало вдруг очевидным, хотя до этого объяснения казалось чудесным и невероятным...»

Этот случай и вспомнился Конан Дойлу, когда, проработав несколько лет врачом, написав в свободное время множество рассказов и фельетонов, он понял, что все эти занятия не продвинули его ни на шаг ни в медицинской, ни в литературной карьере. И тогда он решил придумать «нечто новое и настоящее».

Такой находкой и стал его бывший профессор, по воле литератора превратившийся в частного детектива. Ну а доктор Ватсон стал идеальным слушателем, которому Шерлок Холмс всякий раз растолковывает, что, как и почему.

«Я усердно работал, — вспоминает далее Конан Дойл. — Мои романы (тут писатель имеет в виду свой «Белый отряд» и другие исторические романы. — *С. З.*) имели приличный успех, но не больше. Читатель требовал от меня похождений Шерлока Холмса; и время от времени я их ему поставлял. Когда же, наконец, я написал две целых серии, я почувствовал опасность попасть в рабство к читателю: вскоре в моих произведениях могли начать ценить только то, чему я сам придавал только второстепен-

ное значение. Чтобы подчеркнуть мою волю и свободу, я решил покончить с моим героем».

Так что, как видите, на совести Конан Дойла одно преступление уже было — он утопил Шерлока Холмса в Рейхенбахском водопаде вместе с профессором Мориарти. Однако это вызвало такие последствия, на которые писатель никак не рассчитывал. На него обрушился вал возмущенных писем. Для многих людей Шерлок Холмс оказался живым человеком, и его смерть они восприняли как личную трагедию. Общественное давление оказалось настолько сильным, что через некоторое время Конан Дойл вынужден был сдаться и оживить своего героя.

С той поры прошло много лет. Нет на свете Конан Дойла, а на Бейкер-стрит и до сих пор приходят письма. В том доме, где по воле писателя долгие годы прожил его герой, ныне помещается небольшая фирма, в ее штате есть клерк, в обязанности которого входит отвечать на них. И он аккуратно, с чисто английской учтивостью пишет, что в настоящее время Шерлок Холмс находится в длительном путешествии и потому не имеет возможности лично ответить своему корреспонденту.

Самое интересное, что время от времени Шерлок Холмс возвращается из своих путешествий. И тогда мы знакомимся с его новыми приключениями в кино, на телеэкране или в очередной книге. Да-да, не удивляйтесь, и по сей день у Конан Дойла по всему миру множе-

ство подражателей, которые, опираясь на ту или иную фразу в ранних рассказах о Шерлоке Холмсе, сочиняют новые сюжеты.

Вот только обвинять Конан Дойла в действительном убийстве до недавнего времени не отваживался никто. Роджер Гэррик-Стилл рискнул. Но пока что-то не слышно, чтобы расследование, несмотря на весь газетный шум, хоть сколько-нибудь подвинулось.

Во-первых, описываемые события произошли на заре XX века и, стало быть, потеряли за давностью лет всякую актуальность. Во-вторых, как указывает сам Стилл, Конан Дойл имеет к данному делу косвенное отношение. И, наконец, в-третьих, в то время настойку опиума свободно продавали в аптеках, широко использовали как лекарство. Так что доказать, что она была использована в качестве отравы, не возьмется, наверное, ни один эксперт...

Да и самому Стиллу, по большому счету, это уже и не нужно. Пошумел, продал книгу, получил гонорар. Пора придумывать что-нибудь новенькое...

А РУКОПИСИ ВСЕ-ТАКИ ГОРЯТ...

(Вместо заключения)

«На этом я кончаю первую книгу своих заметок о писательском труде с ясным ощущением, что работа только начата и впереди ее — непочатый край...»

Так писал К. Г. Паустовский в заключении своей книги «Золотая роза», о которой мы уже упоминали. Но продолжение так и не появилось. И я полагал, что Паустовский так и не собрался завершить начатую работу. И лишь дописав эту книгу, выяснил, что история тут намного драматичнее, сродни трагедии, случившейся со второй книгой «Мертвых душ», которую, как вы знаете из школьного курса литературы, Н. В. Гоголь попросту сжег...

Литературовед Галина Арбузова провела изыскания, проделала работу этакого литературного детектива и выяснила судьбу второй книги Паустовского о писательском труде. Вкратце она такова.

Первая книга «Золотой розы» вышла в 1956 году, а ее журнальный вариант и того ранее — он был напечатан в журнале «Октябрь» осенью 1955 года.

В течение нескольких последующих лет Паустовский возвращался к мысли написать продолжение — вторую книгу «Золотой розы».

И он не только мечтал — он работал. В начале 1960 года писатель опубликовал статью о Чехове, а в конце года написал о Блоке. В январе

1961 года закончил литературный портрет Бунина. Все три вещи были задуманы писателем как главы второй части «Золотой розы».

Наконец, в феврале 1961 года К. Г. Паустовский уехал в Ялту, в дом творчества, где вплотную начал работать над новой книгой. В своем дневнике в конце февраля — начале марта он коротко записал:

«Начал писать «Золотую розу». Закат в море. Сотни дымных красок...» «Мало пишу, быстро устаю».

«Пишу плохо, медленно. Яркие дни. Я как во сне...» «22/11. Сомнения с «Золотой розой» (новое название «Память сердца»). Может быть, лучше продолжать «книгу о жизни...». «Пишу вторую главу («Ванковская гостиница»)...» «Пишу. Что-то странное, «безумное»...»

В письме к жене от 19 февраля 1961 года Константин Георгиевич рассказал о своей работе более подробно:

«...Работаю пока не очень много — по пять-шесть часов в день. Пишу свободно, ни о чем не думая, и мне кажется, что журналы напрасно ссорятся друг с другом из-за этой вещи, так как они ее все равно не напечатают...»

Опасения писателя подтвердились в середине марта 1961 года, когда он прочел своим друзьям первые две главы. В дневнике по этому поводу появляется короткая запись: «16/III... У меня читка — провал».

Галина Арбузова пишет по этому поводу:

«Константин Георгиевич не мог скрыть

волнения. Перед чтением извинялся, что, может быть, присутствующим придется долго слушать, и, шутя, обещал после чтения чай с пирожными. Читал он больше полутора часов, читал медленно, хрипловатым, временами срывающимся голосом. Читал, как в пустоту... К концу заторопился и кончил почти скороговоркой.

Наступило затянувшееся молчание. Не знаю, чего ожидали слушатели, но услышанное застало их как бы врасплох. Наконец кто-то сказал: «Что же, возможно, это интересно...» Остальные молчали.

Константин Георгиевич встал, улыбнулся и весело пригласил всех к столу. Атмосфера неловкости разрядилась.

На следующий день он начал дневник словами: «17/III. Утро — очень хорошее...»

Потом выяснилось, что в ночь перед этим «хорошим утром» Паустовский сжег все материалы будущей книги. И больше к ней не возвращался. А часть того, что было уже написано — литературные портреты писателей — включил в качестве отдельной главы в последующие издания «Золотой розы».

Так что, как видите, неудачи бывают у всех — даже у самых больших мастеров. От ошибок застрахован лишь тот, кто ничего не делает.

Правда, со временем дотошные литературоведы выяснили, что Константин Георгиевич уничтожил лишь чистовые главы второй кни-

ги, черновая рукопись осталась. По ним выяснили, что первый вариант Паустовский писал от руки и правил его незначительно, зато довольно беспощадно вычеркивал все лишнее — не только отдельные слова и фразы, но целые фрагменты и страницы.

Потом он три или четыре раза перепечатывал рукопись на машинке, каждый раз внося серьезную правку (например, осталось восемь вариаитов первых страниц текста «Ильинского омута»). Так что окончательный текст существенно отличался от первого чернового варианта, написанного от руки.

Все же по черновому варианту удалось выяснить, что вторую книгу «Золотой розы» Паустовский решил начать с давно задуманной им главы о «силе воображения».

И что же, получается, имеино оно подвело писателя? Ныне, спустя полвека нам трудно судить об этом. Известно лишь, что в последние годы жизни Паустовский много говорил и писал о своих попытках «прорыва в новую прозу».

«Это новое, на мой взгляд, — писал он, — заключается во внутренней свободе названиых рассказов, ие связанных ни сюжетом, ни той или иной обязательной композицией, ни необходимостью быть поучительными и нравоучительными и тем самым — несколько скучноватыми и оторванными от читателя...»

Но первые читатели — точнее слушатели — похоже, не оценили этот порыв... Или писателя просто постигла неудача?

Точного ответа на этот вопрос нет. И уже не будет. Так что нам остается принять к сведению известиое суждение, что в литературе, как и вообще в творчестве, не бывает стопроцентных рецептов и технологий. Писательство — это всегда риск. И какова будет судьба той или иной книги, решает вовсе не литератор, не редактор, не издатель и даже не критик.

Последнее слово всегда за читателем. То есть за вами.

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

«Агентство Томсон и К°» 137
«Алмаз Реджи» 290
«Алиса в Стране Чудес» 36, 42—44
«Алые паруса» 156
«Аргонавты хроноса» 97
«Ариэль» 66—72
«Аэлита» 49

Б

Бабель И. Э. 306—315
Бальмонт К. Д. 20
Баум Л.Ф. 45
«Белая гвардия» 56
«Белое безмолвие» 227
«Белый клык» 229
«Белый отряд» 373
Беляев А. Р. 63—73
«Берестяной свиток» 237
Бичер-Стоу Г. 195—200
«Бог его отцов» 227
Бородин А. П. 19
Булгаков М. А. 54—63
Бэкон Ф. 126—128
«Бэлпингтон из Блэпа» 103

В

«В далекой стране» 228
«В погоне за метеором» 137
«Вересковый мед» 290
Верн Ж. 131—144
Вийон Ф. 293
«Вратарь республики» 259
«Военный летчик» 222
«Война в воздухе» 98
«Война и мир» 186
«Война миров» 98—99
Волков А. М. 44—49
«Волшебник Изумрудного города» 45—48
«Ворон» 85
«Впервые на Луне» 108
Вуд Р. 45
«Выше стропила, плотник» 273

Г

Гайдар А. (Голиков А.) 239—245
«Гамлет» 118—119
«Герой нашего времени» 180—181

«Гиперболоид
инженера Гарина» 49
«Голова профессора
Доуэля» 65
Гомер 7—13
Готорн Н. 206—208
«Граф Монте-Кристо»
283
«Графиня де Монсоро»
283
Грин А.
(Гриневский А.С.)
152—158

Д

«20 000 лье под водой»
132
«2001: космическая
одиссея» 107,
109—111
«Девять рассказов» 273
«Двадцать лет спустя»
278
«Двенадцать стульев»
162—164
«Дело Сен-Фиакр» 360
«Десять лет спустя»
278
«Джерри-
островитянин» 229
Ди Дж. 353—354
«Дракула» 340—341
Дойл А. К. 373—385
«Дом на дюнах» 290
Достоевский Ф.М. 92
«Дочь снегов» 227
«Дубровский» 167—174
«Дунайский лоцман»
137
«Дред, повесть
о Проклятом
Болоте» 200
Дюма А. 277—287

Е

Ефремов И. А. 73—84

Ж

«Железная Пята» 230
Жуковский В. А. 20

З

«За тех, кто в пути» 227
Заболоцкий Н. А. 20
«Замок ведьм» 65
«Звезда КЭЦ» 64
«Звездные корабли» 79
«Золотая роза» 316
«Золотой вулкан» 137
«Золотой ключик,
или Приключения
Буратино» 49, 50—54

«Золотой теленок» 162, 164—165
«Зуи» 273

И

«Игрок в крокет» 103
Иванов В. В. 58
«Илиада» 8, 13
Ильф И. (Файнзильберг И. А.) 158—164
«Империя Земли» 111—112
«История с воздушным шаром» 92

К

Кассиль Л. А. 253—261
Кларк А. 105—114
«Клуб самоубийц» 290
«Ключ к хижине дяди Тома» 200
«Когда спящий проснется» 98
Коллоди К. 50
«Кондуит» 257, 259
«Конец детства» 108
«Кораблекрушение «Джонатана» 137
«Королева Марго» 283
Кристи А. 364—373
Кэрролл Л. (Доджсон Ч.) 36—44

Л

«Лезвие бритвы» 80
Лермонтов М. Ю. 174—185
Ли Х. 261—268
Лондон Дж. 224—232
«Люди бездны» 230

М

«Майкл, брат Джерри» 229
«Маленький принц» 222—223
Марко К. 129—131
«Мартин Иден» 230
Мартынов Н.С. 175—185
Маршак С. Я. 321—328
«Машина времени» 97
«Маяк на краю света» 137
«Мегрэ расставляет сети» 361
Мелвилл Г. 200—210
«Моби Дик» 201—202, 206—208, 210
«Молодая гвардия» 247—250

«Мудрец из страны Оз» 45
«Мышеловка» 370

Н

«На краю Ойкумены» 79
«Над пропастью во ржи» 270—272
«Ночлег Франсуа Вийона» 293
«Ночной полет» 220

О

О'Генри (Портер У.) 144—152
«Одесские рассказы» 315
«Одиссея» 9, 11
Оксфорд, граф 128
«Оскар» 363
«Остров доктора Моро» 98
«Остров сокровищ» 288, 297—298
Островский Н. А. 64

П

«Париж в XX веке» 132
Паустовский К. Г. 153—154, 159, 316,
«Первые люди на Луне» 98, 100
«Петр-латыш» 359
Петров Е. (Катаев Е. П.) 158—164
«Пиноккио, или Похождения деревянной куклы» 50
«Письма Суконщика» 29—30
«Пища богов» 98, 101—102
По Э. А. 85—94
«Повесть о приключениях Артура Гордона Пима» 88, 89
«После бала» 186
«Последний из Удэге» 246
«Потерпевшие кораблекрушение» 290
«Превращение Джимми Валейнтайна» 148—149
«Приключения Гекльберрн Финна» 211, 213—215

«Приключения Тома Сойера» 211, 213—215
«Против течения» 247
«Путешествие Бурджеда» 79
«Путешествия Гулливера» 22, 30—35
«Путешествие на «Снарке» 231
Пушкин А. С. 7, 54, 93, 167—174

Р

«Разговор с мумией» 92—93
«Разгром» 246
«Разлив» 247
«Рассказы о животных» 233
Робертсон М. 88—89
«Роковые яйца» 54—58, 62—63
«Россия во мгле» 102

С

«Самовластие мистера Парэма» 103
«Свидание с Рамой» 112
«Свидание со смертью» 370
Свифт Дж. 22—36
«Северная одиссея» 228
Сент-Экзюпери А. де 216—224
«Сердце змеи» 79
Сесил Р. 129
Сетон-Томпсон Э. 233—239
Сименон Ж. 355—363
«Симор: введение» 273
«Синий каскад Теллури» 154
«Сказка бочки» 27—28
«Слово о полку Игореве» 18—22
«Смерть на Ниле» 370
«Собака Баскервилей» 375—378
«Собачье сердце» 62
Соболь А. Н. 317—321
Стенли В. 129
Стивенсон Р. 287—299
«Страна кровати» 290
«Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» 293—296
Стокер Б. 332, 340, 341
«Судьба барабанщика» 239—240, 243

«Судьба Шарля Лонсевиля» 159
«Судьба человека»
«Сын волка» 227
Сэлинджер Дж. 269—274

Т

«Таинственные дела в Стайлсе» 365—366
«Таис Афинская» 80
«Тайна Бильгельма Шторица» 137
«Тай-Пи» 203, 204
Твен Марк (Клеменс С. Л.) 210—216
«Тимур и его команда» 240—241, 243—244
Тит Лукреций Кар 13—18
Толстой А. Н. 49—54
Толстой Л. Н. 185—194
«Три мушкетера» 278—286
«Туманность Андромеды» 73, 74

У

«Убийство в Месопотамии» 370
«Убить пересмешника» 262—268
«Удивительные приключения экспедиции Барсака» 137
Уэллс Г. 94—105

Ф

Фадеев А. А. (Булыга А. А.) 245—253
Флеминг И. 343—355
«Фонтаны рая» 111
«Френни» 273
«Френни и Зуи» 273

Х

Хвостов Д. И. 299—306
«Хижина дяди Тома» 196—200
«Хэпворт 16, 1924» 273, 274

Ч

Чарская Л. И. 325
«Час Быка» 80
«Человек-амфибия» 65
«Человек-невидимка» 98, 100

«Человек со шрамом» 228
«Черная стрела» 288
Честертон Г. 37
«Чин-Чин-Чайнамен и Банни Сидней» 326
«Чудесное око» 65

Ш

«Шахматный автомат Мельцеля» 91—92
«Швамбрания» 256, 259
Шекспир У. 117—131
«Школа» 240

Ю

«Южный почтовый» 218

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю 3

ТАМ, НА НЕВЕДОМЫХ ДОРОЖКАХ...

Легендарный Гомер 7
Поэма о природе вещей 13
Сила «Слова» 18
Странный Свифт 22
Король математики и сказки 36
Когда волшебником работает ученый... . . . 44
Ключик к «Приключениям Буратино» . . . 49
По следам «Роковых яиц» 54
Секрет Ариэля 63
На краю Ойкумены 73
Предсказания Эдгара По 85
Разведчик будущего 94
Проницательный Кларк 105

МАСКА, Я ТЕБЯ ЗНАЮ?!..

Кто был Шекспир? 117
Последняя тайна Жюля Верна 131
Великий утешитель 144
Кто сшил «Алые паруса»? 152
Родители Остапа Бендера 158

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Перечитывая Пушкина 167
Странная дуэль Лермонтова 174
Лев Толстой — инженер
и естествоиспытатель 185
Революционер на кухне 195
По следу белого кита 200
Лоцман литературы 210
Отец Маленького принца 216
Испытание богатством 224
Главный скаут, сдавшийся без боя 233
Чему учит Гайдар? 239
Разгром Фадеева 245
Человек из Швамбрании 253
Сюжет для одной книги 261
Писатель-невидимка 269

ТЕХНОЛОГИЯ РЕМЕСЛА

Кто написал романы Дюма? 277
Многоликий Стивенсон 287
Чего не сделаешь для славы?.. 299
«Морду бы себе набить за такую работу...» . 306
Сила знаков препинания 315
Академия Маршака 321

ИЗ РОДОСЛОВНОЙ ДЕТЕКТИВА

Вампир ли Дракула? 331
За что все любят Джеймса Бонда? 343
Тысяча и один персонаж 355
Секрет первой леди детектива 364
Преступление во имя литературы? 373
А рукописи все-таки горят... 386

Научно-популярное издание

В помощь учебному процессу

Я ПОЗНАЮ МИР

Детская энциклопедия

ТАЙНЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Автор-составитель
Зигуненко Станислав Николаевич

Ведущий редактор *О. В. Трифонова*
Художественный редактор *И. А. Зыкова*
Корректор *А. А. Князева*
Технический редактор *Г. А. Этманова*
Компьютерная верстка *Г. Н. Магомедовой*

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский р-н,
сел. Новокаякент, ул. Новая, 20

ООО «Издательство Астрель»
143900, Московская область, г. Балашиха,
проспект Ленина, 81

Наши электронные адреса:
www.ast.ru E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам

ISBN 5-17-013246-8

ИЗДАТЕЛЬСТВО